ЧЕЛОВЕК
СООБЩЕСТВО
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 17

№ 1 · 2016

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

1-2016

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:
Кубанский государственный университет

Адрес редакции:
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: http://chsu.kubsu.ru

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. *(зам гл. редактора)*; **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Кольба А.И.**, д-р. полит. наук, доц. *(зам. гл. редактора)*; **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Нарыков Н. В.**, д-р филос. наук, проф.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф.; **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук *(тех. директор)*; **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Филиппов Ю.В.**, канд. эконом. н., проф.: **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. *(зам. гл. редактора).*

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т. А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А. В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А. Н.**, д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А. Л.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю. П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия); **Знаков В. В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В. И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина); **Никовская Л. И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С. П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А. П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И. С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л. А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О. Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А. Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О. Л.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 30.03.2016. Уч.-изд. л. 11,63. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

1-2016

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Знаков В.В. Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека 6

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сергиенко Е.А., Мелехин А.И. Модель психического: гетерогенность изменений в пожилом и старческом возрасте 26

Харламенкова Н.Е. Интенсивность посттравматического стресса как отсроченной реакции на травматические события в разные периоды взрослости. 42

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Пересёлкова З. Ю., Иншаков В. В. Социологические основания трудовой мотивации: объяснительная модель теории ритуалов интеракций. 57

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Оркени А., Секельи М. Идентичность диаспор в пограничных областях Восточной Европы 73

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Вовкодав П.А. Великобритания: кризисные явления в развитии института гражданства 96

Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко. 114

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Харина О. А. Конфликт интересов Индии и Китая в Непале 127

Наши авторы. 135

К сведению авторов 137

Порядок приёма и рецензирования рукописей 143

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

1-2016

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:
Kuban State University
Editor's office address:
149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563
Founder's Address:
149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru
Web-site: http://chsu.kubsu.ru

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief;* Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr. N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology), *Deputy editor-in-chief*; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philisophy); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Yuri V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philisophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Greate Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC , Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

1-2016

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY

Znakov V.V. Sociocultural reality subject's understanding of the world of a human 6

PSYCHOLOGY OF AGE

Sergienko E. A., Melehin A. I. Theory of mind: heterogeneousness of changes in the elderly 26

Kharlamenkova N.E. The intensity of post-traumatic stress as the delayed reaction on the traumatic events in different periods of adulthood 42

PROBLEMS OF SOCIAL THEORY

Pereselkova Z.Y., Inshakov V.V. Sociological foundation of motivation: an explanatory model of the interaction rituals theory 57

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

Örkény A., Székelyi M. Constructing border ethnic identities along the frontier of Central and Eastern Europe 73

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Vovkodav P. A. UK: the crisis in the development of institutions citizenship 96

Rusakov S.S. Three-level conception of political power of M. Foucault 114

POLITICAL CONFLICTOLOGY

Kharina O. A. The conflict of interests of India and China in Nepal 127

Our authors 136

Information for the authors 142

Procedure for receiving and reviewing manuscripts 144

ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ МИРА ЧЕЛОВЕКА[1]

Знаков В. В.

Знаков Виктор Владимирович, Институт психологии РАН, 129366, Россия, Москва, Ярославская ул., 13. Эл. почта: znakov@psychol.ras.ru

В статье доказывается, что человек одновременно существует в разных реальностях — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной — и понимает их на неодинаковых психологических основаниях. Описано содержание конструкта «понимание мира человека». Осуществлен психологический анализ понимания событий и ситуаций социокультурной реальности. Обосновано, что такая реальность не существует вне представления людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, люди тем самым творят реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности. Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Описана сущность социокультурного подхода в социогуманитарных науках. Показано, что в XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности, выделены три магистральных направления изменений: 1) переосмысление роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды; 2) замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой; 3) возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе.

Ключевые слова: понимание, мир человека, социокультурная реальность, сетевая организация знаний, множественность презентация Я.

Современные психологи вслед за С. Л. Рубинштейном понимают «мир человека» как такую соотнесенную с людьми совокупность вещей и явлений, которая представляет собой организованную иерархию различных способов человеческого существования. В самом общем виде «мир» — это понятие, «обозначающее совокупное человеческое сообщество, существующее на нашей планете» (Мудрик, 2010). Мир — это бытие, изменяемое действиями, человеческой активностью. Активность проявляется в сознании, деятельности, мыслях, поступках, созерцании, постижении. Эти проявления активности человека представляют собой не только средства преобразования бытия, но и выражение подлинно человеческих способов существования. Для психологии одним из главных способов является специфика понимания мира субъектом.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-06-00334 «Субъектно-аналитический подход к психологии понимания».

Мир человека состоит по меньшей мере из трех реальностей — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной (Знаков, 2012; Знаков, 2014). Понимание фактов, событий, явлений в трех реальностях человеческого бытия строится на неодинаковых психологических основаниях.

Понимание мира человека

Что я имею в виду, когда говорю о понимании мира человека? Главным образом то, что мы понимаем что-то конкретное (брата, что такое ускорение, логарифм) только на основе осмысленного знания, понимания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. Например, телезрителям было понятно, почему люди разбегаются в разные стороны, когда они увидели телесюжет о медведе, каким-то образом зашедшем в один из универмагов в Хабаровске. Понятно потому, что каждый из нас знает, как может быть опасен в такой ситуации дикий зверь. Мы понимаем метафорический смысл названия кинофильма «Унесенные ветром», потому что знаем, что такое ураган. Зимой нам понятно, почему человек обходит стороной дом, с крыши которого свисают сосульки. Мы знаем не только о силе тяжести, но и о том, какие трагические случаи возможны в подобных ситуациях. Наконец, если на консультацию к психологу приходит человек и жалуется на депрессию, то профессионал не спрашивает: «Что это такое?», а сразу думает о том, какие психотерапевтические приемы ему следует использовать для психологической помощи. Получается, что, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих — событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в статье.

Цель статьи — психологический анализ понимания социокультурной реальности.

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом (Савельева, Полетаев, 2003). Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности! Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Такая реальность «имеет двойственный характер: в нее, с одной стороны, входят объекты, обладающие признаками вещности

(то, что в античной философии обозначалось как res); с другой стороны, сама мыслительная деятельность принадлежит к реальности (и обозначается, прежде всего, как субъективная реальность)» (Макаров, 2004).

«Социокультурный» — значит обусловленный социальными и культурными причинами. В отечественной психологии понятие «социокультурный» является важным элементом научного тезауруса ведущих российских психологов (Асмолов, 2012; Соколова, 2015). Социокультурный подход отличен и от социального, и от культурного. Для психологов после Л. С. Выготского понятие «социокультурный» звучит как привычное и до банальности знакомое. Однако оказывается, что в социогуманитарных науках, прежде всего в социологии и культурологии, социокультурный подход начал формироваться только в XXI в. В современной психологии развитие социокультурного подхода в значительной степени стимулируется формированием представлений о сетевой парадигме (Зеленкова, 2007) и сетевом принципе организации знаний (Гусельцева, 2015). В начале этого века переосмысление онтологии мира человека привело к трансформациям, новым взглядам на широко применявшиеся в социогуманитарных науках подходы — коммуникационный, организационно-структурный, матрично-программный и др. Главная причина трансформаций — закрепление в сознании ученых убеждений в текучести (процессуальности по А. В. Брушлинскому), множественности, неопределенности и даже «закономерной хаотичности» мира человека. «В частности, в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое — атомарно-дискретное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение — все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, “разупорядоченность” (хаотичность) и неопределенность» (Закс, 2015).

Психологами такие взгляды не воспринимаются как что-то совершенно новое и потому неожиданное. К примеру, В. А. Петровский характеризует обыденное сознание как когнитивный хаос — множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и непротиворечиво уживающихся друг с другом (Петровский, 2010). В психологических исследованиях самопонимания обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной — они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего — неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например: «Я — это… совокупность противоречий: я — плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же

время. Наверно, нет таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?» (Cook-Greuter, 1994). Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт по сути может существовать как продолжение другого. Для объяснения психологической природы такого самопонимания уместно обратиться к данным, полученным в другом современном направлении психологических исследований — аналитического и холистического стилей мышления понимающего мир субъекта. Описанный тип самопонимания очень напоминает отношение к противоречиям у людей с выраженным преобладанием холистического стиля (Nisbett et al., 2001).

Согласно социокультурному подходу, в социогуманитарных науках социальный анализ направлен на интерпретацию соотношения индивидуального и социального субъектов, т.е. людей и тех общностей, социальных групп, к которым они принадлежат. В частности, в психологии социального познания познающим субъектом является группа (Андреева, 2009). Иные акценты расставляются в культурологических описаниях мира человека. Согласно энциклопедии культурологии «социокультурная система» –это «термин, используемый в социальной антропологии и культурологии в качестве альтернативы терминам “социальная система” и “культурная система”» (Николаев, 1998). По существу в названном понятии отражено неразрывное единство социальных и культурных сторон единой социокультурной реальности. При этом общество воплощает в себе единство социальности и культуры. Культура, согласно Н. И. Лапину, представляет собой совокупность способов и материальных, и духовных результатов деятельности человека. Культура для людей служит *программой* деятельности. Социальность — это совокупность *отношений* каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами. Отношения (экономические, политические, социальные, психологические) тоже формируются в деятельности. «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия» (Лапин, 2000).

В социокультурной реальности так же, как в эмпирической, есть объективные факты, не зависящие от сознания (однако предполагающие их понимание множеством индивидуальных субъектов). Например: «Великий русский полководец

А. В. Суворов умер 18 мая 1800 года»; «И. Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней»; «Психолог В. М. Аллахвердов в 2012 г. в телепрограмме "Культурная революция" утверждал, что юнговского коллективного бессознательного не существует». Необходимым и достаточным признаком объективности высказываний о таких фактах является невозможность их разной интерпретации: психолог отрицал существование коллективного бессознательного, а противоположное утверждение (не отрицал, а соглашался с…) будет ложным. Объективные факты не могут быть основаны на мнениях, а не на достоверных знаниях. В социокультурной реальности есть немало фактов, которые обычные люди сознают и понимают, но не могут изменить: цены в магазинах, внешняя политика государства, пробки на дорогах и т.п. Социокультурные факты зависели от способов их познания тогда, когда люди впервые их получали и осмысливали. Однако после фиксации на каком-либо носителе они стали такими же объективными, как природные объекты: независимыми от специфики их понимания индивидуальными и коллективными субъектами.

В психологии сущность социокультурного подхода определяется стремлением исследователей рассматривать мир человека как такое единство культуры и социальности, которое возникает и преобразуется в результате человеческой деятельности. В отличие от социологов, культурологов и других ученых для психологов при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов. При этом ключевую роль играют основанные на субъективных мнениях, точках зрения индивидуальные различия в понимании разными людьми одних и тех же событий и ситуаций. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий. В социокультурной реальности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на мнениях людей и порождаемых ими смыслах событий и ситуаций. Неудивительно, что любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации — это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в разных теориях.

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их

понимания является «социальная система фреймов» (Гофман, 2003). Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т.е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимания социальных фактов.

Социокультурная реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». Так же, как эмпирическая реальность, социокультурная не существует отдельно от людей. Социокультурную реальность невозможно построить и описать без языка и понимания, потому что она порождается в познании, общении и дискурсивных практиках. В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется, или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты. Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интерсубъектна. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания (Степин, 2000) одним из главных критериев объективности знания стала его интерсубъектность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать научными, рациональными, а какие нет. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Иначе говоря, в такой перспективе знания возникают не в результате предвосхищения, контроля и сопоставления явлений и событий, а вследствие интерпретации и идентификации их значений и смыслов для наблюдающих их людей. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий. Во-вторых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов.

В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Так, например, для одной экономической теории товар — это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой — цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена — это превращенная форма стоимости, а деньги — особый товар…» (Кошовец и др., 2015).

Важно отметить, что используемая для описания социокультурной реальности интерпретационная схема «социальной системы фреймов» включает указания и на то, что иногда даже не реальные, не происходившие на самом со-

бытия понимаются людьми как действительные. Достаточно вспомнить мешки писем, отправленных детьми Санта Клаусу. В Лондоне в почтовом отделении, обслуживающем Бейкер-стрит, даже были вынуждены назначить специального чиновника, в функциональные обязанности которого входил разбор писем, много лет приходивших на имя Шерлока Холмса. Вывод очевиден: и для детей, и для взрослых эти несуществующие в действительности персонажи были реальными людьми, живущими в одном с ними человеческом мире.

В XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности.

Можно выделить *три* магистральных направления изменений.

Первое направление реализуется в переосмыслении роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды. Второе направление изменения представлений: замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой. Третье направление: возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе (Петрова, 2013).

Первое, «символическое», направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности ясно представлено в трудах М. Кастельса о влиянии информационной эпохи на экономику, общество и культуру. Он пишет: «Таким образом, реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной — она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения. Именно эта способность всех форм языка кодировать двусмысленность и приоткрывать разнообразие интерпретаций и отличает культурные выражения от формального / логического / математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. Именно диапазон культурных вариаций смысла сообщений позволяет нам взаимодействовать друг с другом во множественности измерений, имплицитных и эксплицитных. Так, когда критики электронных СМИ утверждают, что новая символическая среда не отражает реальности, они подсознательно ссылаются на примитивное до абсурда понятие «некодированного» реального опыта, который никогда не существовал. Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» (Кастельс, 2000).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью,

направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности символа проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надындивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (Федоров, 2012). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т.п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Второе направление современного переосмысления научных представлений о социкультурной реальности — появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека. Новые возможности определения человека, пересмотра взглядов на его социальную природу не допускают жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности.

Один признак сетевой структуры заключается в перемещении фокуса внимания ученых-гуманитариев с самодостаточных определяемых в исследовании объектов (партии, здоровье, образование и т.п.) на соотношения между ними: «Поскольку центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходят характеристики сети как динамической системы с высокой степенью нестабильности» (Зеленкова, 2007).

Другой признак сетевой структуры мира человека — не подчинение, а равнозначное взаимодействие множества ее компонентов. Это означает равноправное существование множества виртуальных, коллективных, личных пространств и времен в социокультурной реальности. В современных социогуманитарных науках непротиворечиво совместно существуют три релятивистских версии обоснования закономерной множественности мира человека. *Эпистемологический* релятивизм основан на убеждении, что знание в одной культуре так же хорошо, как знание в другой. Вследствие этого нет серьезных оснований считать, что

один подход сколько-нибудь лучше другого. *Этический* релятивизм говорит о том, что разные этические системы ситуативно обусловлены и локальны: нет никаких оснований утверждать, что мои этические стандарты лучше ваших. Наконец, *политический* релятивизм: нет причин предпочитать мою политику вашей. Мы должны жить и давать жить другим (Ло, 2015). Если перейти к более конкретному психологическому изучению человека, то и в нашей науке обнаруживается та же множественность. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении (Фриндте, Келер, 2000), множественной личностной и этнической идентичности (Тучина, 2013), множественном характере онтологии человеческой жизни (Кимберг, 2009) и т.д. Главным в этом контексте является то, что психологи обнаруживают убежденность в множественности мира в сознании конкретных людей, достигших высоких уровней самопонимания и рефлексии межличностных отношений. Вот типичный пример: «Я просто не выношу людей, которые… Что значит “не выношу”?! Это слишком сурово. Как насчет: я предпочитаю людей, которые добры, вежливы и сердечны, уверены в себе, умны и т.д. Людей с противоположными качествами я воспринимаю как необходимость» (Cook-Greuter, 1994).

Третий признак сетевой структуры — такое новое понимание мира человека, фундаментом которого оказывается знание как взаимосвязанная сеть понятий и моделей. В психологии такое понимание воплощается в сетевом принципе организации знаний, а точнее — в ситуативно-сетевом анализе (Гусельцева, 2015). Вот как он описывается автором: «Сетевой подход характеризуется подвижностью, асимметричностью и ситуативностью анализа: в зависимости от исследовательской задачи и выбранного ракурса (методологических предпосылок, исследовательских установок, настройки методологической оптики) по ходу исследования здесь может изменяться системообразующее основание (как таковое оно отсутствует); исследование скользит в неизвестность, подстраиваясь под изменяющуюся реальность» (Гусельцева, 2015). Следовательно, в сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом: в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности.

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на реализацию сетевого принципа организации, является анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). В ходе данного направления изучаются психологические основания интерсубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется в западной психологии применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekäle, 2011), здравоохранению (Kessel et. all, 2011), службам занятости (Kohansal et. all, 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описа-

ния исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Ю и Р. Зоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. Имплицитное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания — неотъемлемая часть опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности накопленные опыт и знания могут быть созданы надолго и иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Другое направление исследований — психологический анализ свойств личности и проявлений активности пользователей социальных сетей Интернета. Интернет является очень значимой составляющей социокультурной реальности. Неудивительно, что в нашей науке заметное место занимают психологические исследования виртуальной реальности (Асмолов, Асмолов, 2009; Войскунский, 2010; Селиванов, Селиванова, 2015; Солдатова, Рассказова, 2013). Сетевая природа Интернета, множественность виртуальных пространств, в которых реализуют себя пользователи социальных сетей (Рябикина, Богомолова, 2015), для психологов являются стимулами конкретно-содержательного наполнения сетевого принципа организации знаний. Например, в одном из недавних исследований показано, что пользователи, проявляющие высокую активность в социальных сетях, характеризуются высокой общительностью, но они безынициативны в межличностных отношениях, ожидают большей инициативы и эмоциональной вовлеченности со стороны партнеров. Им присущи стремление понравиться и отслеживание производимого впечатления. У них выражены тревожность, сниженный самоконтроль при высоком уровне самоактуализации и склонности к экспериментированию (Богомолова, 2015). Такого рода данные, как правило, сами по себе обладают признаками сетевой структуры: каждый результат имеет собственное уникальное значение, и нельзя сказать, что один из них более значим, чем другой. При интерпретации их под разными углами зрения они раскрывают различные стороны психологического портрета пользователя.

Наконец, в этом контексте нельзя не упомянуть об использовании психологами сетевого анализа. Он дает возможность ученым изучать один и тот же социальный объект под неодинаковыми углами зрения, селективно подключать или отключать разные компоненты при изменении фокуса исследовательского

внимания и значимости отдельных элементов сетевой структуры. Примером может служить осуществленный Дж. П. Резером и С. Мансером сетевой анализ осмысления американцами событий 11 сентября 2001 г. (Reser, Muncer, 2004). Они построили схематическую сеть в виде матрицы, в которой отражены следствия (теракт, ослабление роли США в мировом сообществе и др.) и причины, которыми многие испытуемые объясняют произошедшее (развитие конфликта на Ближнем Востоке, американская внешняя политика, расовые и национальные предубеждения, личностные особенности террористов и т.п.). Техника анализа учитывала сложные цепи рассуждений, в которых предшествующие эффекты формировали причины последующих. Из матрицы ответов испытуемых видно, что испытуемые полагают, что предыдущие исторические и культурные различия привели к предубеждениям и расистским мировоззрениям, которые направляли поступки людей, ставших зачинщиками событий 11 сентября. Авторы называют это дистантными причинами с индивидуальными агентами и человеческими эмоциями как прямыми ближайшими причинами. В матрице представлены сильно выраженные связи между степенью авторитарности личности и верой в справедливый мир: люди с высоким авторитаризмом чувствуют себя намного более безопасно в угрожающих ситуациях, если они верят в справедливый мир (Reser, Muncer, 2004).

Третье направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности — новые акценты в анализе самопознания, самопонимания и заботы о себе. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопростотой» (Rafaeli-Mor et al., 1999), на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко, выделявшего два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе — заботе о себе (Фуко, 2014).

В наше время эти идеи находят воплощение, в частности, в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Классическая педагогика является телеологичной, она характеризуется направленностью на получение знаний, раскрытие обучаемым своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоение форм субъектности, лежащих в основе определенной професси-

ональной практики. «Обучение во многом представляет собой поиск своего "Я", своей подлинной сути, которая затем ложится в основу дальнейшей деятельности. Самопознание оказывается основной практикой, в результате которой происходит конструирование себя как субъекта, наделенного определенными внеситуативными чертами и способного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации или проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя при этом самотождественность. В итоге все образование подчиняется этой идее выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости субъектов образования» (Корбут, 2004).

В современной психологической науке одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во все нарастающем интересе ученых к психологическому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. В научных публикациях на русском языке это отражено в большом массиве работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке, пожалуй, наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в трех направлениях: Psychological mindedness, Self-Construal и Self-understanding. В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Название первого направления, Psychological mindedness (Beitel et. all, 2005), трудно перевести на русский язык. В самом общем виде это «психологизация». Этой категорией обозначается интерес человека к своим чувствам, готовность понять себя, свои мысли и мотивы поведения. Вместе с тем в ней отражен аналогичный интерес к «модели психического» (Сергиенко, 2014) других людей, стремление к обсуждению своих и чужих психологических проблем.

Self-Construal (Grace, Cramer, 2003). Как показали непростые лингвистические изыскания, наиболее точным и адекватным предмету психологических исследований переводом этого понятия является «самоистолкование», т.е., говоря более современным языком,— «самоинтерпретация». Динамическая самоинтрепретация субъекта осуществляется на основе совокупности мыслей, чувств и действий, формирующихся и развивающихся у него во взаимоотношении с другими людьми. Западные психологи (DeCicco, Stroink, 2007; Singelis, 1994) теоретически и эмпирически выделили три типа самоинтерпретации. Взаимонезависимая самоинтерпретация реализуется в таком способе понимания себя, который осуществляется в мыслях о своей уникальности, осознании личностью себя как целостного и стабильного Я, отделенного от социального контекста. Взаимозависимая самоинтерпретация — этот способ самопонимания выражается в конструировании субъектом представления

о себе как члене определенной социальной общности, идентификации себя с группой, понимании себя через соответствие нормам и ценностям группы. Металичностная самоинтерпретация изначально направлена на более широкий контекст психологического анализа, чем только внутриличностный и межличностный. Металичностная самоинтерпретация — это способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на поиск смысла своего существования, своих поступков в системе координат, которая выходит за пределы личности и охватывает более широкие стороны человеческого существования, жизни, человечества и даже космоса.

Self-understanding. Самопонимание является таким интегративным феноменом, который воплощает в себе и психические действия по углублению субъекта в себя, и направленность на выход в пространство межличностных взаимодействий. В социогуманитарных науках сегодня все большее распространение получает точка зрения, согласно которой самопонимание является и неотъемлемой составляющей любого понимания. Даже если субъект пытается понять что-то внешнее по отношению к себе, он выражает самого себя, познает, расширяет и понимает свой внутренний мир. Понимая что-то, человек понимает самого себя. Только на основе понимания себя он способен понять что-то другое. По мнению Ф. Фролиха, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей (Frohlich, 2005).

Указанные направления психологических исследований являются продуктивными и научно значимыми. Однако с сожалением приходится констатировать, что за редким исключением (Cook-Greuter, 1994) они проводятся в рамках телеологического подхода. Между тем более перспективным современным пониманием социокультурной реальности является не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т.е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. «Научиться жить в “хаосе” как “порядке” — это и означает проявлять постоянную “заботу о себе”, самостоятельно себя искать — искать свой собственный стержень. В условиях снятия внешней власти образование человека осуществляется в отношениях власти над собой, власти как “заботы о себе”, как созидания себя в целях полноты реализации личностной уникальности. “Создай самого себя” — так мог бы звучать в современных условиях известный тезис Сократа “Познай самого себя”» (Петрова, 2013). Психологической иллюстрацией сказанного могут служить высказывания двух испытуемых: «Образование… — в данный момент означает для меня развернутый процесс конструирования знания о мире»; «Образование… — все люди понимают его по-разному. Для меня это бесконечный, непрекращающийся процесс пересмотра своих представлений о мире» (Cook-Greuter, 1994).

Заботу о себе ни в коем случае нельзя отождествлять с эгоистическим самолюбованием, откровенно эгоцентрической направленностью субъекта. Заботясь о себе, человек также постоянно переосмысливает действительность, включающую других людей, живущих в мире человека. В этой статье нет места для подробного обсуждения психологических аспектов феномена «заботы о себе» и его связи с конструированием субъектности, это предмет анализа в следующей публикации.

Итак, современные представления о смысловой структуре социокультурной реальности включают указания на ее зависимость от психологии понимающего субъекта, на принципиальную множественность дискурсивных высказываний, сетевую структуру описываемого мира и заботу о себе как самотрансформацию и самопорождение субъектности. Все это психологи должны учитывать при изучении понимания мира человека.

Библиографический список

1. Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. В Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковская (ред.) *Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой* (с. 376–396). Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
2. Асмолов, А.Г. (2012). *Оптика просвещения: социокультурные перспективы*. Москва: Просвещение.
3. Асмолов, А.Г., Асмолов, Г.А. (2009). От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. *Вопросы психологии*, (3): 3–15.
4. Богомолова, Е.И. (2015). *Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета*: автореф… дис. канд. психол. наук. Краснодар.
5. Войскунский, А.Е. (2010). *Психология и интернет.* Москва: Акрополь.
6. Гусельцева, М.С. (2015). *Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания*: дисс…докт. психол. наук. Москва.
7. Закс, Л.А. (2015). Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*, 3 (143): 88–101.
8. Зеленкова, Т.В. (2007). О сетевой парадигме в психологии. *Методология и история психологии*. 2 (3): 18–27.
9. Знаков, В.В. (2012). Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*, (3): 18–29.
10. Знаков, В.В. (2014). Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека. *Вопросы психологии*, (4): 16–29.
11. Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: ГУ ВШЭ.
12. Кимберг, А. Н. (2009). «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования. В А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров (ред.) *Психология*

человека в современном мире, Т. 4. (с.26–33). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».

13. Корбут, А.М. (2004). Образовательная субъективность и «технологии себя». *Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе* (с.122–134). Минск: БГУ.
14. Кошовец, О.Б., Фролов, И.Э., Чусов, А.В. (2015). Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки. *Философия и общество*, (1): 156–176.
15. Лапин, Н.И. (2000). Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. *Социологические исследования*, (7): 3–12.
16. Ло, Д. (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука*. Москва: Изд-во Института Гайдара.
17. Макаров, В.В. (2004). Онтологическая природа социальной реальности. *Известия Волгоградского государственного технического университета*, (7): 5–12.
18. Мудрик, А.В. (2010). *Социализация человека*. Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК.
19. Николаев, В.Г. (1998). Социокультурная система. В С.Я. Левит (ред.) *Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2*. (с.224). Санкт-Петербург: Университетская книга.
20. Петрова, Г.И. (2013). Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе». *Вестник Томского государственного университета*, 12 (140): 131–134.
21. Петровский В. А. (2010). *Человек над ситуацией*. Москва: Смысл.
22. Рябикина З.И., Богомолова Е.И. (2015). Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей Интернета с особенностями их активности в сети. *Научный журнал КубГАУ*, 109 (05): Режим доступа http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/73.pdf
23. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (2003). *Знание о прошлом: теория и история*. В 2-х т. Т. 1: *Конструирование прошлого*. Санкт-Петербург: Наука.
24. Селиванов, В.В., Селиванова, Л.Н. (2015). Эффективность использования виртуальной реальности в обучении в юношеском и взрослом возрастах. *Непрерывное образование: XXI век*. 1 (9): Режим доступа http:// lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=2729
25. Соколова, Е.Т. (2015). Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд. *Психологические исследования*, 8 (40): Режим доступа http://psystudy.ru.
26. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2013). Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки. *Психологический журнал*, 4 (34): 79–88.
27. Степин, В.С. (2000). *Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция*. Москва: Прогресс-Традиция.
28. Сухачев, В. Ю. История без субъекта (1997). *Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета*, (3): 28–42. Санкт-Петербург: Алетейя.
29. Тучина, О.Р. (2013). *Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход*. Краснодар: Изд-во КубГУ.
30. Федоров, Н.А. (2012). Психологические потенциалы символа. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, (1): 24–30.

31. Фриндте, А., Келер, Т. (2000). Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении. В А. М. Войскунский (ред.) *Гуманитарные исследования в Интернете* (с.40–54). Можайск: Терра.
32. Фуко, М. (2014). Мужество истины. *Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука, 2014.
33. Beitel, M., Ferrer, E. & Cecero J. J. (2005). Psychological mindedness and awareness of self and others. *Journal of Clinical Psychology*, (61): 739–750.
34. Cook-Greuter, S.R. (1994). Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults. In M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter (eds.) Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development (p. 119–143). London: Rowman and Littlefield Publishers.
35. DeCicco, T.L. & Stroink, M.L.(2007). A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self. *International Journal of Transpersonal Studies*, 26 (1): 82–104.
36. Frohlich, V. (2005) Sich selbst verstehen? In Bittner G. (Hrsg.). *Menschen verstehen: Wider die "Spinneweben dogmatischen Denkens"* (s. 35–42). Wiirzburg: Konigshausen & Neumann.
37. Grace, S.L. & Cramer, K.L. (2003). The elusive nature of self-mea surement: The self-construal scale versus the twenty statement test. *Journal of Social Psychology*, 5 (143): 649–668.
38. Kekäle, T. (2011). Knowledge sharing among scientists. *Journal of Workplace Learning*, 7 (23): 483–484.
39. Kessel, M., Kratzer, J. & Schultz, C. (2012). Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams. *Creativity and innovation management*, 2 (21): 147–157.
40. Kohansal, M.A., Alimoradi, Z. & Bohloul, S.M. (2013). The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance. *International Journal of Business Performance Management*, 3 (14): 293–306.
41. Lauring, J. & Selmer, J. (2012). Knowledge sharing in diverse organisations. *Human Resource Management Journal*, 1(22): 89–105.
42. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I. & Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychol. Rev.*, 2 (108): 291–310.
43. Rafaeli-Mor, E., Gotlib, I.H. & Revelle, W. (1999). The Meaning and Measurement of Self-Comlexity. *Personality and Individual Difference*, (27): 341–356.
44. Reser, J.P. & Muncer, S. (2004). Sense-making in the wake of September 11th: A network analysis of lay understandings. *British Journal of Psychology*, (95): 283–296.
45. Singelis, Th.M. (1994). The measurement of independent and interdependent Self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 5, (20): 580–591.
46. Yu, D. & Zhou, R. (2015). Tacit Knowledge Sharing Modes of University Teachers from the Perspectives of Psychological Risk and Value. *International Journal of Higher Education*, 2 (4): 214–224.

Статья поступила в редакцию 14.10.2015.

SOCIOCULTURAL REALITY SUBJECT'S UNDERSTANDING OF THE WORLD OF A HUMAN

Znakov V. V.

Znakov Viktor Vladimirovich, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 129366, Russia, Moscow, Yaroslavskaya str., 13. E-mail: znakov@psychol.ras.ru

The work has been done under the Russian Humanitarian Scientific Fund project № 16-06-00334 "Subject-analytical approach to psychology of understanding".

The article proves that a human exists in various realities at the same time — empirical, sociocultural and existential ones — and understands them on different psychological bases. There is described the content of such a construct as "understanding of the world of a human". Psychological analysis of understanding of sociocultural reality events and situations was carried out. It is reasonably believed that such a reality does not exist beyond people's understanding of it and every description of sociocultural reality is its element at the same time. When understanding, creating the meanings of propositions, arguments, opinions, emerging while communication, people create reality. If there is no understanding, there is no sociocultural reality. This reality is derived from consciousness and mind of those, who perceive and comprehend it. The article describes the essence of sociocultural approach in socio-humanistic sciences. It is shown that in XXI century socio-humanistic sciences underwent radical changes in scientific beliefs on sociocultural reality nature, three mainstreams of the changes were distinguished: 1) rethinking of symbols role in understanding any reality, particularly virtual environment; 2) replacement of the logics of rationally organized world of a human with network structure; 3) formation of "self-generation culture", which highlights self-cognition and self-concern phenomenon as new key points.

Key words: understanding, the world of a human, sociocultural reality, knowledge network organization, self-presentations multiplicity.

References

1. Andreeva, G.M. (2009). Social'naya psihologiya: vektory novoj paradigmy. [Social psychology: new paradigm vectors] In Yu.P. Zinchenko, T. D. Marcinkovskaya (ed.). *Konstanta v neopredelennom i menyayushhemsya mire: malen'kaya psihologicheskaya serenada k yubileyu G. M. Andreevoj* (p. 376–396) [A constant in an uncertain and changing world: a small psychological serenade to Andreeva's anniversary]. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova.
2. Asmolov, A.G. (2012). *Optika prosveshheniya: sociokul'turnye perspektivy.* [Education optics: sociocultural prospects]. Moskva: Prosveshhenie.
3. Asmolov, A.G. & Asmolov, G.A. (2009). Ot my-media k ya-media: transformacii identichnosti v virtual'nom mire [From we-media to I-media: identity's transformations in virtual world]. *Voprosy psihologii* [Psychological issues], (3): 3–15.
4. Bogomolova, E.I. (2015) *Vzaimosvyaz' lichnostnyh harakteristik s osobennostyami aktivnosti pol'zovatelej social'nyh setej internet*: avtoref… dis. kand. psihol. nauk [Interconnection between personal characteristics and peculiarities of social network users' activity: the extract from Psychology master's dissertation]. Krasnodar.
5. Vojskunskij, A.E. (2010). *Psihologiya i internet* [Psychology and the Internet]. Moskva: Akropol'[Moscow: Acropolis].
6. Gusel'ceva, M.S. (2015). *Kul'turno-analiticheskij podhod k izucheniyu e'volyucii psihologicheskogo znaniy*a: diss…dokt. psihol. nauk [Cultural-analitical approach to studying

psychological knowledge evolution: dissertation of the doctor of psychological sciences]. Moscow.

7. Zaks, L.A. (2015). Ob osobennostyah sovremennoj social'no-gumanitarnoj kartiny mira i nekotoryh ee sledstviyah: protiv radikal'nogo e'mpirizma [On peculiarities of the modern socio-humanistic worldview and some its consequences: against radical empirism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki* [News of Ural Federal University. Series 3. Social sciences], 3 (143): 88–101.
8. Zelenkova, T.V. (2007). O setevoj paradigme v psihologii [On network paradigm in Psychology]. *Metodologiya i istoriya psihologii* [Psychology methodology and history]. 2 (3): 18–27.
9. Znakov, V.V. (2012). Mnogomernyj mir cheloveka: tipy real'nosti, ponimaniya i social'nogo znaniya [Multidimensional world of a human: types of reality, understanding and social knowledge]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology], (3): 18–29.
10. Znakov, V.V. (2014). Teoreticheskie osnovaniya psihologii ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka [Theoretical bases for psychology of understanding of multidimensional world of a human]. *Voprosy psihologii* [Psychological issues], (4): 16–29.
11. Kastel's, M. (2000). *Informacionnaya e'poha: e'konomika, obshhestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moskva: GU VShE' [Moscow: State University Higher School of Economics].
12. Kimberg, A. N. (2009). "Zhiznennyj mir" sub"ekta kak predmet issledovaniya [A person's lifeworld as a research subject]. In A. L. Zhuravlev, M. I. Volovikova, L. G. Dikaya, Yu.I. Aleksandrov (ed.) *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire* [Psychology of a human in the modern world], V.4. (p. 26–33). Moskva: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
13. Korbut, A.M. (2004). Obrazovatel'naya sub"ektivnost' i "tehnologii sebya" [Educational subjectivity and "self-technologies"]. In *Universitet kak centr kul'turoporozhdayushhego obrazovaniya. Izmenenie form kommunikacii v uchebnom processe* [University as a center of culture-generating education. The change of communication forms in educational process] (p. 122–134). Minsk: BGU.
14. Koshovec, O.B., Frolov, I.E'. & Chusov, A.V. (2015). Ontologicheskij analiz otnosheniya teorii i real'nosti v metodologii e'konomicheskoj nauki [Ontological analysis of connection between theory and reality in economic science methodology]. *Filosofiya i obshhestvo* [Philosophy and society], (1): 156–176.
15. Lapin, N.I. (2000). Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funkcional'nye struktury [Sociocultural approach and socio-functional structures]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], (7): 3–12.
16. Lo, D. (2015). *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After a method: disorder and social science]. Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara.
17. Makarov, V.V. (2004) Ontologicheskaya priroda social'noj real'nosti [Social reality ontological nature]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta* [News of Volgograd State Technical University], (7): 5–12.
18. Mudrik, A.V. (2010). *Socializaciya cheloveka* [Socialization of a person]. Moskva: MPSI; Voronezh: MODE'K.

19. Nikolaev, V.G. (1998). Sociokul'turnaya sistema [Socio-cultural system]. In S. Ya. Levit (ed.). *Kul'turologiya. XX vek. E'nciklopediya* [Culturology. XX century. Encyclopedia] V. 2. (p. 224). Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga.
20. Petrova, G.I. (2013). Sovremennyj konstruktivistskij otvet v reshenii klassicheskoj pedagogiko-antropologicheskoj problemy "zaboty o sebe" [Modern constructivist response in solving traditional pedagogical and anthropological problem of "self-concern"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 12 (140): 131–134.
21. Petrovskij V. A. (2010). *Chelovek nad situaciej* [A person over situation]. Moskva: Smysl.
22. Ryabikina Z. I. & Bogomolova E. I. (2015). Vzaimosvyaz' lichnostnyh harakteristik pol'zovatelej social'nyh setej Interneta s osobennostyami ih aktivnosti v seti [Interconnection between social network users' personal characteristics and peculiarities of their Internet activity]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU* [Scientific magazine of Kuban State Agrarian University], 109 (05): Retrieved from http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/73.pdf
23. Savel'eva, I. M. & Poletaev, A. V. (2003). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya*. V 2-h t. T. 1: *Konstruirovanie proshlogo* [Knowledge of the past: theory and history. In 2 vol. V. 1: constructing the past]. Sankt-Peterburg: Nauka.
24. Selivanov, V.V. & Selivanova, L.N. (2015). E'ffektivnost' ispol'zovaniya virtual'noj real'nosti v obuchenii v yunosheskom i vzroslom vozrastah [Efficiency of virtual reality application in teen-age and adult education]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuing education: XXI century], 1 (9): Retrieved from http:// lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=2729
25. Sokolova, E.T. (2015). Shok ot stolknoveniya s sociokul'turnoj neopredelennost'yu: klinicheskij vzglyad [Shock from collision with sociocultural uncertainty: clinical attitude]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological researches], 8 (40): Retrieved from http:// psystudy.ru.
26. Soldatova, G.U. & Rasskazova, E.I. (2013). Chrezmernoe ispol'zovanie interneta: faktory i priznaki. [Excessive use of the Internet: factors and features] *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological magazine], 4 (34): 79–88.
27. Stepin, V.S. (2000). *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya e'volyuciya*. [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moskva: Progress-Tradiciya.
28. Suhachev, V. Yu. (1997). *Istoriya bez sub"ekta [History without a subject]. Metafizicheskie issledovaniya. Vypusk 3. Istoriya. Al'manah Laboratorii Metafizicheskih Issledovanij pri filosofskom fakul'tete Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Metaphysical researches. Series 3. History. Yearbook of Metaphysical researches laboratory at Saint-Petersburg State University philosophy department], (3): 28–42. Sankt-Peterburg: Aletejya.
29. Tuchina, O.R. (2013) Samoponimanie lichnost'yu svoej e'tnokul'turnoj identichnosti: sub"ektno-bytijnyj podhod [Personality's self-understanding of an own ethnocultural identity: subject-existential approach]. Krasnodar: Izd-vo KubGU.
30. Fedorov, N.A. (2012). Psihologicheskie potencialy simvola [A symbol psychological potentials]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psihologiya"* [Bulletin of Omsk university. Ser. "Psychology"], (1): 24–30.
31. Frindte, A. & Keler, T. (2000). Publichnoe konstruirovanie "Ya" v oposredstvovannom komp'yuterom obshhenii [Public self-constructing in mediated computer communication]. In A. M. Vojskunskij (ed.). *Gumanitarnye issledovaniya v Internete* [Humanistic researches on the Internet] (p. 40–54). Mozhajsk: Terra.

32. Fuko, M. (2014). Muzhestvo istiny [Courage of the truth]. *Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* [Management over self and others. The course of lectures, delivered in the College de France in 1983–1984 academic year]. Sankt-Peterburg: Nauka.
33. Beitel, M., Ferrer, E. & Cecero J. J. (2005). Psychological mindedness and awareness of self and others. *Journal of Clinical Psychology*, (61): 739–750.
34. Cook-Greuter, S.R. (1994). Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults. In M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter (eds.) *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* (p. 119–143). London: Rowman and Littlefield Publishers.
35. DeCicco, T.L. & Stroink, M.L.(2007). A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self. *International Journal of Transpersonal Studies,* 26 (1): 82–104.
36. Frohlich, V. (2005) Sich selbst verstehen? In Bittner G. (Hrsg.). *Menschen verstehen: Wider die "Spinneweben dogmatischen Denkens"* (s. 35–42). Wiirzburg: Konigshausen & Neumann.
37. Grace, S.L. & Cramer, K.L. (2003). The elusive nature of self-mea surement: The self-construal scale versus the twenty statement test. *Journal of Social Psychology*, 5 (143): 649–668.
38. Kekäle, T. (2011). Knowledge sharing among scientists. *Journal of Workplace Learning*, 7 (23): 483–484.
39. Kessel, M., Kratzer, J. & Schultz, C. (2012). Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams. *Creativity and innovation management*, 2 (21): 147–157.
40. Kohansal, M.A., Alimoradi, Z. & Bohloul, S.M. (2013). The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance. *International Journal of Business Performance Management*, 3 (14): 293–306.
41. Lauring, J. & Selmer, J. (2012). Knowledge sharing in diverse organisations. *Human Resource Management Journal*, 1(22): 89–105.
42. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I. & Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychol. Rev.*, 2 (108): 291–310.
43. Rafaeli-Mor, E., Gotlib, I.H. & Revelle, W. (1999). The Meaning and Measurement of Self-Comlexity. *Personality and Individual Difference*, (27): 341–356.
44. Reser, J.P. & Muncer, S. (2004). Sense-making in the wake of September 11th: A network analysis of lay understandings. *British Journal of Psychology*, (95): 283–296.
45. Singelis, Th.M. (1994). The measurement of independent and interdependent Self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 5, (20): 580–591.
46. Yu, D. & Zhou, R. (2015). Tacit Knowledge Sharing Modes of University Teachers from the Perspectives of Psychological Risk and Value. *International Journal of Higher Education*, 2 (4): 214–224.

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО: ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЖИЛОМ И СТАРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ[1]

Сергиенко Е. А., Мелехин А. И.

Сергиенко Елена Алексеевна, Институт психологии Российской академии наук, 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13.
Эл. почта: elenas13@mail.ru

Мелехин Алексей Игоревич, Институт психологии Российской академии наук, 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13.
Эл. почта: clinmelehin@yandex.ru

В статье представлен анализ зарубежных и собственных исследований модели психического — способности понимать психические состояния свои и другого человека в пожилом и старческом возрасте. Показано, что модель психического (theory of mind) является новой когнитивной парадигмой, эффективной для анализа позднего онтогенеза, имеющей свою специфику и отличной от парадигмы социального познания. Аргументируется гипотеза, что модель психического является ментальным механизмом социального познания, дифференцированы особенности этих парадигм. Модель психического направлена на изучение понимания и концептуализации своих психических состояний и Другого. Социальное познание выступает как условие взаимодействия человека в группе, где учет индивидуальных установок, привычек и каузальных атрибуций становится основой взаимодействий. В пожилом и старческом возрасте наблюдается дефицит модели психического, что влияет на социоэмоциональное функционирование. Изменения в модели психического в позднем онтогенезе не являются тотальными, они селективны. Обобщение исследований когнитивного и аффективного компонентов модели психического в пожилом и старческом возрасте показало, что модель психического изменяется неодинаково. Наблюдается гетерогенность изменений способности понимания психического мира при большей степени сохранности эмоционального компонента. Существуют также компенсаторные механизмы: кристаллизованный интеллект, эмоциональный интеллект и навыки межличностного понимания, играющие важную роль в ментальном статусе пожилых людей. Систематизированы факторы, воздействующие на эффективность модели психического в пожилом и старческом возрасте. Методологические факторы связаны с типом заданий и методами анализа модели психического у пожилых и старых людей. Нейроанатомические факторы описывают изменения, происходящие в структуре и функциях мозга, и компенсаторные механизмы, влияющие на их эффективность. К соматическим факторам относят наличие заболеваний, воздействующих на психическую активность. Среди когнитивных изменений наиболее значимыми являются исполнительные функции, выступающие предикторами сохранности когнитивного компонента модели психического. Значимыми психосоциальными факторами, влияющими на способность понимать психический мир, становятся восприятие будущего, чувство одиночества, социальное избегание, на-

[1] Статья подготовлена в рамках Государственного задания ФАНО РФ № 0159-2016-0006.

личие социальной поддержки. Описаны стратегии психотерапевтического воздействия, способствующего усилению модели психического в пожилом и старческом возрасте.

Ключевые слова: модель психического, пожилой возраст, старческий возраст, гетерогенность изменений, когнитивный компонент модели психического, аффективный компонент модели психического, факторы модели психического, стратегии развития.

Старение — это комплексный процесс развития человека, который протекает в течение всей его жизни. Каждому человеку свойственна *индивидуальная траектория старения*. От образа жизни, самооценки, личностных установок, представлений о собственной значимости для Других зависит либо повышение, либо снижение темпа старения и его благополучие (Шабалин, 2014). Благоприятное течение старения во многом связано с наличием *социального капитала*: круга общения, доверительного лица, эмоциональной поддержки, социальной активности, социально значимой деятельности (Cannuscio, Block, 2003). Социальный капитал выступает «буфером» от стрессов повседневной жизни, помогает снизить неопределенность жизненной ситуации в поздних возрастах (Анцыферова, 2001; Cannuscio, Block, 2003). Наличие эмоциональной поддержки в пожилом возрасте играет важную роль в поддержке соматического и психического здоровья (Carstensen, Fung, 2003). При наличии эмоциональной поддержки доверительного лица у пожилых людей с болезнью Альцгеймера и Паркинсона уменьшаются риски функциональных нарушений вследствие падений, соматических осложнений, наблюдается снижение суицидальных попыток (Мелехин, 2015а). Отсутствие эмоциональной поддержки в пожилом возрасте связано с высокими рисками осложнений при сердечной недостаточности, перенесенном инсульте, хирургических операциях (Cannuscio, Block, 2003).

С возрастом происходят изменения в составе социальных контактов и их эмоционального сопровождения. Пожилой человек начинает проявлять избирательную мотивацию к различным формам социальной активности. Он произвольно структурирует свое социальное пространство, фокусируясь на доверительных связях, ограждая себя от негативных, травмирующих переживаний (Мелехин, 2015б). Для описания этого механизма Л. Карстенсен (L. Carstensen) предложила *гипотезу социоэмоциональной селективности* (Socioemotional Selectivity Theory). Она предположила, что в основе структурирования и селекции социальных контактов лежат не изменения в хронологическом возрасте, а осознание времени (awareness of time). В пожилом возрасте происходит пересмотр отношения к временной перспективе будущего, что вызывает «мотивационный сдвиг» от ориентации на знания к эмоционально ориентированным целям (Carstensen, Fung, Charles, 2003).

Несмотря на узкую социоэмоциональную селективность, пожилой человек взаимодействует с другими людьми и сталкивается с ситуациями, требующими понимания намерений, правдивости, убеждений, эмоций других людей, т.е. необходимости «читать» скрытые или косвенно представленные психические состояния других людей. Их происхождение лежит в сознании Другого.

Способность осознанно и неосознанно понимать собственные психические состояния (мысли, чувства, убеждения, намерения, желания, эмоции) и психические состояния Другого, чтобы объяснить или предсказать поведение, построить эффективную коммуникацию, называется *моделью психического* (theory of mind, далее — ToM) (Сергиенко, Лебедева, Прусакова, 2009). Эта способность понимать психический мир не сводима ни к интеллектуальным, ни к когнитивным способностям. Она развивается на протяжении всего онтогенеза человека. Происходят изменения модели психического и в пожилом возрасте. У пожилых людей могут наблюдаться трудности в социальном взаимодействии с другими людьми. Эти трудности могут быть связаны с ростом уязвимостей в модели психического, которые влияют на социоэмоциональное функционирование (Poletti, Enrici, 2012). Качество жизни пожилого человека во многом зависит от социоэмоционального функционирования: выражения своих мыслей и чувств Другому, умении интерпретировать мысли и чувства Другого, проявлять эмпатию, эффективно управлять своими эмоциями, верно строить стратегии поведения, адекватные данным социальным условиям (Rosi, Cavallinia, 2015). Способность понимать психические состояния в пожилом возрасте вносит существенный вклад в социальную жизнь (Yeh, 2013). Существуют различия в модели психического у людей пожилого и старческого возраста (Wang, Su, 2013). Изменения в модели психического по разным данным начинают наблюдаться с 55–65 лет (Pezzuti, Longobardi, 2015). У пожилого человека могут появляться трудности в понимании различных психических состояний, мотивации, потребностей других людей. Пожилые люди часто ошибаются в оценке психических состояний незнакомых людей, им труднее дается распознавание лиц, не вызывающих доверия, они склонны доверять малознакомым людям, в связи с этим они чаще становятся жертвами мошенников (Wang, Su, 2006). Рассогласование между собственными представлениями и представлениями других людей может повлиять на самопомощь в принятии решений, приводить к недопониманию, развитию конфликтов и нарушению социального взаимодействия, что вызывает увеличение психосоциальных проблем, ведет к социальной изоляции (Yeh, 2013). Эти трудности могут приводить к снижению социальной активности, отдалению от круга значимых людей, что увеличивает чувство одиночества, ненужности, способствует рискам развития спектра соматических и психических расстройств с последующим ухудшением состояния здоровья вплоть до инвалидизации (Duval, Piolino, 2011). В связи с этим оценка наличия и степени дефицита модели психического в процессе старения является фундаментальным диагностическим критерием с целью эффективного лечения и реабилитации людей пожилого и старческого возраста. Американская психиатрическая ассоциация начала рассматривать дефицит модели психического как один из критериев для постановки диагноза *нейрокогнитивное расстройство* (neurocognitive disorders) в DSM–V (Derntl, Habel, 2011).

Однако при обсуждении развития данной способности и ее роли в социальной жизни людей нередко встает вопрос о соотношении модели психического и социального познания.

Модель психического и социальное познание

Модель психического — это система концептуализации знаний о собственном психическом и психическом состоянии других людей, позволяющая анализировать внутренний мир человека (Сергиенко и др. 2009; Сергиенко, 2015; Bottirolia, Cavallini, 2016). Понимание своего психического состояния и психического состояния Другого является основой социального познания, социального взаимодействия (Сергиенко, 2015). В таблице мы привели ключевые отличия модели психического от социального познания.

Из таблицы видно, что парадигма «модели психического» направлена на изучение распознавания и *понимания* психических состояний и их организации в когнитивные модели (единичные, ситуативные и внеситуативные) в зависимости от контекста. В социальной психологии социальное познание выступает как условие взаимодействия человека в группе, где учет индивидуальных установок, привычек и каузальных атрибуций становится основой взаимодействий. Модель психического можно рассматривать как основу или центральный ментальный компонент социального познания. Взаимодействие между людьми невозможно без понимания психического состояния Другого и способности смотреть на событие с разных точек зрения, сопоставлять свою модель психического и модель психического другого человека в актуальной ситуации. Именно способность не только наблюдать, но и понимать психические состояния помогает людям исследовать окружающий мир и осуществлять более продуктивную социальную активность (Сергиенко, 2015).

Модель психического позволяет раскрыть когнитивные механизмы понимания в межличностном взаимодействии, поскольку процесс общения основан на постоянном мониторинге и сравнении понимания психических состояний и событий. Человеку необходимо интерпретировать, предвосхищать психические состояния другого человека. В таком случае, рассматривая модель психического как ментальный механизм социального познания, следует указать, что она направлена на изучение *внутренних* психологических механизмов социального познания. Фокус внимания направлен на *индивидуальный концептуальный мир* человека (Сергиенко, 2015).

Модель психического состоит из следующих компонентов (Мелехин, 2015а; Shamay-Tsoory, Shur, 2007):

Когнитивный компонент: способность распознавания убеждений, неверных мнений, мыслей, обмана или иронии, когнитивного компонента эмпатии; обеспечивает навыки манипуляции, обмана собеседника или иронии над ситуацией или человеком. За эффективность этого компонента отвечает дорсолатеральная

Сравнительный анализ модели психического и социального познания

Модель психического (Theory of mind)	Социальное познание (Social cognition)
Понятие	
Сложный социокогнитивный процесс, который позволяет понимать собственное психическое состояние и состояние других людей, а также позволяет сделать вывод о мыслях, планах, предположениях, амбициях другого человека.	Социальное познание описывает, как социальная информация кодируется, как она хранится и извлекается из памяти, как социальное знание структурируется, какие когнитивные процессы участвуют, когда у человека формируются представления о других людях, как человек образует суждение о психических состояниях других людей.
Компоненты	
Социально-перцептивный компонент. Социально-когнитивный компонент. Когнитивный («холодный») компонент. Аффективный («горячий») компонент. Волевой компонент.	Социальная перцепция. Эмпатия. Каузальная атрибуция. Распознавание, дифференциация эмоций. Модель психического.
Фокус анализа	
1. Фокус анализа направлен на внутренние психологические механизмы (концептуальные возможности понимания ментальных состояний своих и другого человека). 2. Другой человек не рассматривается как часть социальной группы, а выступает лишь как носитель психического. Другой — представитель людей. 3. Причины понимания поведения Другого лежат в ментальных моделях и уровнях его организации. 4. Акцент на интерпретации психических состояний другого человека в различных контекстах.	1. Фокус анализа направлен на внешние психологические механизмы (взаимодействие социальных объектов и групп). 2. Другой рассматривается как часть социальной группы. 3. Процесс интерпретации поведения раскрывается через анализ личности воспринимающего и воспринимаемого, обстоятельств, объективных условий, мотивации и потребностей. 4. Акцент на интерпретации внешне наблюдаемых компонентов поведения человека в группе.
Предмет	
Понимание ментальных состояний и их последствий, что позволяет предсказывать поведение другого человека.	Социальные взаимодействия
Функции	
Понимание и распознавание психических состояний другого человека и группы и их организация в ментальные модели с целью обеспечения социальной компетентности	Эффективное взаимодействие в группе

префронтальная область, которая также отвечает за исполнительные функции и рабочую память.

Эмоциональный компонент: способность распознавать и понимать эмоции и чувства другого человека; участвует в просоциальном поведении, умении успокоить Другого и помочь решить проблему, поддерживает эмпатию. Обеспечивается вентромедиальной префронтальной областью, которая участвует в процессе обработки эмоции, принятии решений и регуляции социального поведения.

Волевой компонент относится к формам социальной коммуникации, когда один человек пытается повлиять на психическое и эмоциональное состояние другого (Shamay-Tsoory, Shur, 2007).

Модель психического в пожилом и старческом возрасте

Изучение модели психического в пожилом возрасте указывает на дефицит данной способности. Однако недостаточно говорить только о *дефиците модели психического* в пожилом и старческом возрасте, необходимо учитывать *компенсаторные механизмы*: кристаллизованный интеллект, эмоциональный интеллект и навыки межличностного понимания (Мелехин, 2015а). С другой стороны, изменения модели психического происходят гетерогенно: существуют разные траектории и динамика преобразований аффективного и когнитивного компонентов в пожилом возрасте (Duval, Piolino, Bejanin, Eustache, Desgranges, 2011; Rakoczy, Harder-Kasten, 2012; Yeh, 2013).

Изменения в модели психического у человека не являются тотальными, они *селективны* (Shamay-Tsoory, Shur, 2007). Например, пожилые люди с болезнью Альцгеймера (Alzheimer's disease) могут распознавать эмоции других людей, однако у них наблюдаются трудности в распознавании ложных убеждений (Monetta, Grindrod, 2009). Ежедневное общение в пожилом возрасте связано с когнитивным компонентом ToM (Bottirolia, Cavallini, 2016). В пожилом возрасте *когнитивный компонент* модели психического больше подвержен изменениям (Wang, Su, 2013). Этот факт можно объяснять с различных точек зрения. Например, в пожилом возрасте люди избегают опасных, негативных социальных взаимодействий, боясь быть обманутыми (Pinsker, McFarland, 2009).

Аффективный компонент ToM в пожилом возрасте дольше остается сохранным в силу сохранности различных жизненных интересов и увлечений (Bottirolia, Cavallini, 2016). C. Bottirolia, Э. Cavallini показали, что наблюдается *расходящаяся* траектория снижения аффективного и когнитивного компонентов модели психического с большим влиянием старения на когнитивный компонент, чем аффективный (Bottirolia, Cavallini, 2016). Эти исследования интересны тем, что они позволяют сравнивать между собой динамику изменений способности рассуждать и способности распознавать, понимать эмоции. Однако большинство исследований модели психического при старении делают акцент

либо на когнитивном, либо на аффективном компонентах, что часто и приводит к противоречиям (Slessor, Phillips, 2007).

Когнитивный компонент модели психического в пожилом возрасте

Пионерское исследование в области модели психического при старении было проведено Ф. Хайпп (F. Happe). Она исследовала когнитивный компонент модели психического. Участников исследования просили прочитать рассказ и определить, что главный герой думает о психическом состоянии другого героя. Хотя пожилые респонденты выполняли задание в более медленном темпе, чем молодые, результаты показали лучшее выполнение именно в группе пожилых респондентов. Она считает, что *мудрость* и *гибкий социальный интеллект* в пожилом и старческом возрасте влияют на ToM (Мелехин, 2015a; Henry, Phillips, Ruffman, 2013). Пожилые люди демонстрируют явный приоритет в восприятии социальной и эмоциональной информации (Carstensen, Fung, Charles, 2003). Исследования (Cavallini, Lecce, 2013) показали признаки снижения когнитивного компонента в пожилом возрасте при решении задач на идентификацию и понимание двойного блефа, иронии, обмана, сложных ложных убеждений (Phillips, Bull, 2011). Другие исследования демонстрируют отсутствие возрастных различий в когнитивном компоненте модели психического в задачах на понимание *ложных убеждений первого порядка*, где нужно понять только одну перспективу героя (Slessor, Phillips, 2007). С. Боттироли и Э. Каваллини (Bottirolia, Cavallini) провели исследование когнитивного компонента ToM, используя задания на понимание бестактности в различных ситуациях. В исследовании приняли участие респонденты пожилого и старческого возраста. Было показано, что у пожилых людей наблюдаются трудности в понимании бестактности (Bottirolia, Cavallini, 2016). Наши исследования показали, что пожилые респонденты (55–60 лет) более точно, чем респонденты (61–74 и 75–90), распознают обман и иронию в нарративных типах задач. Пожилой человек использует свое понимание ложных убеждений и обмана о психическом состоянии через призму опыта, чтобы построить соответствующую прагматическую интерпретацию ситуации (Мелехин, 2015a).

Эмоциональный компонент модели психического в пожилом возрасте

По данным некоторых исследований наблюдается сохранность эмоционального компонента ToM в пожилом возрасте (Cavallini, Lecce, 2013; Fischer, Nyberg, 2010). Последняя работа C. Bottirolia, Э. Cavallini продемонстрировала, что при решении задач на распознавание эмоций пожилые люди допускают меньше ошибок, чем молодые (Bottirolia, Cavallini, 2016). Однако другие исследователи (Henry, Phillips, Ruffman, 2013) считают, что наблюдаются трудности в распознавании и дифференциации эмоций (Slessor, Phillips, 2007; Sullivan, Ruffman, 2004), особенно при распознавании сложных эмоций (Ruffman, Henry, 2008). Наши

исследования показали, что к старческому возрасту (75–90 лет) способность распознавать эмоции по лицам людей снижается. В большей степени снижается распознавание негативных эмоций (печаль, страх, злость), нежели нейтральных и положительных (радость). Наличие и степень когнитивного дефицита, депрессии в пожилом и старческом возрасте вносят вклад в интерпретацию эмоций по их экспрессии (Мелехин, 2015а).

Факторы, влияющие на модель психического в пожилом возрасте

Методологические факторы. Социально-когнитивная парадигма, которая используется в стандартных экспериментальных задачах, просто недостаточна для респондентов пожилого и старческого возраста, особенно в вопросе взаимодействия пожилого респондента и экспериментатора, который выступает незнакомым человеком. У пожилых людей может наблюдаться избирательность в мотивации при выполнении заданий (Pezzuti, Longobardi, 2015). Психологическое старение сопровождается сдвигом *в социальной мотивации*, что следует учитывать при проведении исследований специфики понимания психического состояния других людей в поздних возрастах. Разница в полученных результатах о модели психического во многом зависит от типа и модальности задач (вербальный, визуально-статический, визуально-динамический тип). Решение вербальных задач *лучше* в пожилом возрасте, что указывает на значимость вербальной способности для пожилых, которая остается стабильной на протяжении старости (Мелехин, 2015а). Пожилые респонденты допускают больше ошибок в задачах со статическими и динамическими визуальными стимулами, а также в невербальных задачах. Некоторые исследования показывают, что визуальные стимулы, которые используются в исследовании аффективного компонента, могут вызывать затруднения в пожилом возрасте (Henry, Phillips, Ruffman, 2013). К. Дьювал (C. Duval) использовал визуальный тип задачи «Чтение психического по глазам» (Reading the Mind in the Eyes) и показал, что в пожилом возрасте наблюдается улучшение при выполнении данного типа задач (Duval, Piolino, 2011). З. Ванг и Й. Сью (Z. Wang и Y. Su) применяли в исследовании вербальные эмоционально окрашенные рассказы и не обнаружили различий в аффективном компоненте в пожилом возрасте (Wang, Su, 2006). H. Rakoczy, A. Harder-Kasten предъявляли видеозадачи, в которых нужно было сделать выводы о чувствах героев по видеофрагменту. Было показано улучшение уровня распознавания эмоциональных состояний при выполнении данного типа задач у пожилых людей (Rakoczy, Harder-Kasten, 2012).

Нейроанатомические факторы. Старение связано с нелинейным снижением плотности серого вещества, изменениями в белом веществе. Снижение белого вещества влияет на функционирование когнитивных функций (Overwalle, 2009). При нормальном старении уменьшается объем премоторной коры, нижней лобной извилины, островка, верхней височной извилины. Происходят

уменьшение связей между лобной и височной корой. При старении происходят закономерные изменения в дорсолатеральной префронтальной коре, которая играет существенную роль в обеспечении понимания психического состояния другого человека (когнитивный компонент), в то же время вентромедиальная префронтальная участвует в понимании чувств и эмоций других людей (аффективный компонент) (Sullivan, Ruffman, 2004). У пациентов с повреждением вентромедиальной префронтальной коры наблюдаются изменения в аффективном компоненте, а при повреждениях дорсолатеральной префронтальной коры — изменения в когнитивном компоненте. В ходе старения больше наблюдаются изменения в дорсальной, но не вентральной области. Тем не менее существуют компенсаторные нейрональные механизмы, которые снижают возрастные церебральные изменения. Активация некоторых нейронных областей может помочь в сохранении понимания психического состояния. Например, билатеральные области, отвечающие за речь (bilateral language areas) (Fischer, Nyberg, 2010; Yeh, 2013).

Соматические факторы. Было показано, что наличие сердечно-сосудистых заболеваний с коморбидной отягощенностью существенно влияет на когнитивные функции. Выраженные степени сердечной недостаточности вызывают трудности в понимании эмоций и распознавании психических состояний других людей (Мелехин, 2015a; Duvaletal., 2011).

Когнитивные факторы. При старении наблюдаются различные траектории развития когнитивных процессов. Например, саморегуляция и эмоциональное функционирование остаются сохранными и могут даже улучшаться в пожилом возрасте, что подтверждает социоэмоциональную теорию селективности (Carstensen, Fung, 2003). Для понимания психического состояния требуется участие следующих когнитивных процессов: исполнительные функции, рабочая память, эпизодическая память, мышление, речь (Rakoczy, Harder-Kasten, 2012). Исполнительные функции являются предиктором модели психического (Pezzuti, Longobardi, 2015). *Исполнительные функции* состоят из тормозного контроля, рабочей памяти, смены мишеней внимания и вербальной беглости. Процессы тормозного контроля и обновления рабочей памяти более уязвимы в пожилом возрасте и влияют на обеспечение когнитивного компонента модели психического (Phillips, Bull, 2011). Это предполагает торможение собственного восприятия и обновления информации о персонажах, их психических состояниях для того, чтобы правильно идентифицировать психическое состояние Другого. Связей между аффективным компонентом и исполнительными функциями не было обнаружено (Poletti, Enrici, 2012).

Психосоциальные факторы. На эффективность понимания психических состояний себя и другого в пожилом возрасте действуют: восприятие будущего, чувство одиночества, социальное избегание, а также наличие поддержки (Мелехин, 2015a; Bottirolia, Cavallini, 2016; Rakoczy, Harder-Kasten, 2012).

Снижение числа контактов, закрытость может быть фактором, воздействующим на снижение когнитивного, а не аффективного компонента в понимании психического состояния других людей (Bottirolia, Cavallini, 2016). Даже если пожилой человек социально активен, он вовлечен в социальный обмен только с ограниченным кругом лиц (Мелехин, 2015б). Но при регулярном общении с новыми людьми он развивает свои коммуникативные навыки и это оказывает положительное влияние на когнитивный компонент модели психического (Pezzuti, Longobardi, 2015). Пожилые люди, которые испытывают депрессию, тревогу, реакцию горя, испытывают трудности в понимании собственного психического состояния и других людей. В исследовании Л. Пезути и Э. Лонгобарди (L. Pezzuti и E. Longobardi) было показано, что депрессия в пожилом и старческом возрасте влияет на способность понимать причинно-следственные социальные взаимосвязи. Происходят изменения в психологическом словаре (psychological lexicon) человека. Появляются трудности вербально называть и описывать эмоциональные состояния. При расстройствах настроения (биполярном расстройстве, депрессии) пожилые люди испытывают серьезные затруднения в понимании собственных психических состояний и состояний другого человека. Наблюдаются трудности в определении обмана и иронии (Bottirolia, Cavallini, 2016).

Пути улучшения модели психического в пожилом возрасте

Групповая тренинговая программа усиления модели психического в пожилом возрасте призвана развивать понимание психических состояний другого человека. Используется два подхода при обучении пожилых людей распознавать психические состояния другого (Rosi, Cavallinia, 2015):

Коммуникативный подход. Разговоры помогают пожилым людям улучшить их понимание того, что другие люди имеют различные точки зрения на одну и ту же ситуацию, и позволяют использовать ситуацию тренинга, чтобы сопоставить разные точки зрения — свою и другого (Rosi, Cavallinia, 2015). Это особенно важно, так как у пожилых людей в силу избирательности к социальным контактам наблюдается снижение повседневных социальных взаимодействий (Wang, Su, 2013).

Динамический подход сосредоточен на том, что психические состояния имеют не статический, а динамический характер и могут меняться с течением времени. Обучение пониманию динамического характера психических состояний важно, поскольку оно представляет собой способ сделать собственную позицию более гибкой, адаптивной к социальному контексту. В программе делается акцент на том, что если в повседневной жизни пожилые люди будут социально активны, включены в жизнь семьи и общение с друзьями, доверительным лицом, то это приведет к формированию различных взглядов на ту или

иную ситуацию с помощью обсуждения, но не осуждения, т.е. к способности взглянуть с разных сторон на одни и те же события.

Тренинг состоит из 5–10 групповых встреч по 6–8 человек, которые ведут два тренера (психолог / психотерапевт и социальный работник). Тренинг включает следующие этапы (Мелехин, 2015б):

Первый этап: обучение пониманию психических состояний Другого. Он предполагает использование рассказов, которые позволяют научиться эффективно делать выводы о сложных психических состояниях, учитывать динамику изменений этих состояний в зависимости от контекста.

Второй этап: обучение выражению и пониманию собственных психических состояний и Другого. Развитие эффективного использования глаголов, выражающих собственные психические состояния и состояния других людей.

Выводы

Модель психического можно рассматривать как ментальный механизм социального познания. Модель психического позволяет изучить индивидуальный концептуальный мир человека, раскрыть когнитивные механизмы понимания в межличностном взаимодействии, поскольку процесс общения основан на постоянном мониторинге и сравнении понимания психических состояний и событий.

В поздних возрастах люди меньше вовлечены в социальные взаимодействия, происходит снижение социального функционирования, что приводит к селективности понимания психических состояний другого человека. Существует связь между пониманием психического состояния и желанием улучшить социальные контакты. При наличии сильной мотивации в пожилом и старческом возрасте больше ресурсов направлено на регуляцию эмоций и использование эффективных копинг-стратегий, которые позволяют взаимодействовать с другими людьми и поддерживать субъективное благополучие.

В пожилом и старческом возрасте наблюдается выраженное снижение функционирования когнитивного компонента модели психического: понимание бестактности, двойного блефа, иронии, обмана, ложных убеждений.

Изменения в аффективном компоненте протекают медленнее. К старческому возрасту (75–90 лет) способность распознавать эмоции по лицам людей снижается — в большей степени страдает идентификация *негативных эмоций* (печаль, страх, злость), нежели нейтральных и положительных (радость).

Дефицит в модели психического в пожилом возрасте не является тотальным. В пожилом и старческом возрасте наблюдаются *расходящиеся* траектории снижения аффективного и когнитивного компонентов модели психического с большей сохранностью аффективного компонента, чем когнитивного.

На понимание собственного психического состояния и Другого в пожилом и старческом возрасте воздействуют ряд факторов: методологический, нейроанатомический, соматический, когнитивный, психосоциальный.

Компоненты модели психического можно развивать в пожилом и старческом возрасте с помощью программы группового тренинга. Она направлена на обучение пониманию простых и сложных психических состояний, развитие словаря психических состояний, обучение навыкам снижения конфликтных ситуаций в ходе общения.

Библиографический список

1. Анцыферова, Л. И. (2001). Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости. *Вопросы психологии*, 3, 85–99.
2. Мелёхин, А. И. (2015а). Модель психического (theory of mind) при нормальном старении. *Социальная психология и общество*, 1, 139–150.
3. Мелёхин, А. И. (2015б). Программа развития модели психического (theory of mind) в поздних возрастах. *Клиническая и специальная психология*, 1, 110–123.
4. Сергиенко, Е. А., Лебедева, Е. И., Прусакова, О. А. (2009). *Модель психического в онтогенезе человека*. Москва: Институт психологии Российской академии наук.
5. Сергиенко, Е. А. (2015). Модель психического и социальное познание. *Психологические исследования*, 8 (42), 6.
6. Шабалин, В. Н. (2014). Психология долгожительства. *Здравоохранение Российской Федерации*, 1, 3–6.
7. Bottirolia, S. & Cavallini, E. (2016). Theory of Mind in aging: Comparing cognitive and affective components in the faux pas test. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 62, 152–162. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.archger.2015.09.009
8. Derntl, B. & Habel, U. (2011). Deficits in social cognition: a marker for psychiatric disorders? *Eur. Arch. Psychiatry Clin. Neurosci*, 261, 145–149. DOI: 10.1007/s00406–011–0244–0
9. Duval, C., Piolino, P. & Bejanin, A. (2011). Age effects on different components of theory of mind. *Consciousness and Cognition*, 20, 627–642. DOI:10.1016/j.concog.2010.10.025
10. Cabinio, M. & Rossetto, F. (2015). Mind-Reading Ability and Structural Connectivity Changes in Aging. *Frontiers in Psychology*, 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01808
11. Cannuscio, C. & Block, J. (2003). Social capital and successful aging: the role of senior housing. *Ann. Intern. Med*, 139, 395–399.
12. Carstensen, L. L., Fung, H. H. & Charles, S. T. (2003). Socioemotional selectivity theory and the regulation of emotion in the second half of life. *Motivation and Emotion*, 27, 103–123.
13. Castelli, I. & Baglio, F. (2010). Effects of aging on mindreading ability through the eyes: an fMRI study. *Neuropsychologia*, 48, 2586–2594. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2010.05.005
14. Cavallini, E. & Lecce, S. (2013). Beyond false belief: theory of mind in young, young-old, and old-old adults. *The International Journal of Aging and Human Development*, 76 (3), 181–198. DOI: 10.2190/AG.76.3.a

15. Fischer, H. & Nyberg, L. (2010). Age-related differences in brain regions supporting successful encoding of emotional faces. *Cortex*, 46, 490–497. DOI: 10.1016/j.cortex.2009.05.011
16. Habota, T. & McLennan, S. N. (2015). An Investigation of Emotion Recognition and Theory of Mind in People with Chronic Heart Failure. *PLoS ONE*, 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0141607
17. Henry, J. D., Phillips, L. H. & Ruffman, T. (2013) A meta-analytic review of age differences in theory of mind. *Psychology and Aging*, 28 (3), 836–839. DOI: 10.1037/a0030677
18. Monetta, L. & Grindrod, C. M. (2009). Irony comprehension and theory of mind deficits in patients with Parkinson's disease. *Cortex*, 4, 972–981. DOI: 10.1016/j.cortex.2009.02.021
19. Paal, T. & Bereczkei, T. (2007). Adult theory of mind, cooperation, Machiavellianism: the effect of mindreading on social relations. *Personality and Individual Differences*, 43, 541–551. DOI:10.1016/j.paid.2006.12.021
20. Pezzuti, L. & Longobardi, E. (2015). The Relation between the Theory of Mind and Socio-Emotional Functioning in a Sample of Older Adults. *J Neurol Psychol*, 3, 1–7.
21. Phillips, L. H. & Bull, R. (2011). Lifespan aging and belief reasoning: influences of executive function and social cue decoding. *Cognition*, 120, 236–247. DOI: 10.1016/j.cognition.2011
22. Pinsker, D. M. & McFarland, K. (2009). Exploitations in older adults: social vulnerability and personal competence factors. *Journal of Applied Gerontology*, 32, 248–267. DOI: 10.1080/13825585.2010.501403
23. Poletti, M. & Enrici, I. (2012). Cognitive and affective Theory of Mind in neurodegenerative diseases: neuropsychological, neuroanatomical and neurochemical levels. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 36, 2147–2164. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2012.07.004
24. Rakoczy, H. & Harder-Kasten, A. (2012). The decline of theory of mind in old age is (partly) mediated by developmental changes in domain-general abilities. *British Journal of Psychology*, 103, 58–72. DOI: 10.1111/j.2044–8295.2011.02040
25. Roca, M. & Torralva, T. (2010). Impairments in social cognition in early medicated and unmedicated Parkinson disease. *Cognitive and Behavioral Neurology*, 23, 152–158. DOI: 10.1097/WNN.0b013e3181e078de.
26. Rosi, A. & Cavallinia, E. (2015). Promoting theory of mind in older adults: does age play a role? *Aging Ment Health*, 1, 1–7. DOI: 10.1080/13607863.2015.1049118.
27. Ruffman, T. & Henry, J. D. (2008). A meta-analytic review of emotion recognition and aging: Implications for neuropsychological models of aging. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 32, 863–881. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2008.01.001
28. Shamay-Tsoory, S. G. & Shur, S. (2007). Dissociation of cognitive from affective components of theory of mind in schizophrenia. *Psychiatry Research*, 149, 11–23.
29. Slessor, G. & Phillips, L. H. (2007). Exploring the specificity of age-related differences in theory of mind tasks. *Psychology and Aging*, 22, 639–643.
30. Sullivan, S. & Ruffman, T. (2004). Social understanding: how does it fare with advancing years? *British Journal of Psychology*, 95, 1–18.
31. Overwalle, F. (2009). Social cognition and the brain: a meta-analysis. *Human Brain Mapping*, 30, 829–858. DOI: 10.1002/hbm.20547.

32. Yeh, Z. T. (2013). Role of Theory of Mind and executive function in explain social intelligence: a structural equation modeling approach. *Aging & Mental Health*, 1, 527–534. DOI: 10.1080/13607863.2012.758235
33. Wang, Z. & Su, Y. (2013). Age-related differences in the performance of Theory of Mind in older adults: a dissociation of cognitive and affective components. *Psychology and Aging*, 28, 284–291. DOI: 10.1037/a0030876.
34. Wang, Z. & Su, Y. (2006). Theory of mind in old adults: the performance on Happe's stories and faux pas stories. *Psychologia*, 49, 228–237. DOI: 10.2117/psysoc.2006.228

Статья поступила в редакцию 15.10.2015.

……..

THEORY OF MIND: HETEROGENEOUSNESS OF CHANGES IN THE ELDERLY

Sergienko E. A., Melehin A. I.

Sergienko Elena Alekseevna, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 129366, Russia, Moscow, str. Jaroslavskaja, b. 13. E-mail: elenas13@mail.ru.

Melehin Aleksey Igorevich, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 129366, Russia, Moscow, str. Jaroslavskaja, b. 13. E-mail: clinmelehin@yandex.ru.

The analysis of foreign and own studies Theory of Mind — the ability to understand the mental states of their own and the other person in elderly people. It is shown that the mental model (theory of mind) is a new paradigm of cognitive psychology, effective for the analysis of late ontogeny. This paradigm has own specific and differs from the paradigm of social cognition. The Theory of Mind is aimed at studying the mental understanding and conceptualization of their mental states and others. Social cognition acts as a condition of human interaction in the group where the account of individual sets, habits and causal attributions becomes the basis of interaction. It argued the hypothesis that the Theory of Mind is the mental mechanism of social cognition, differentiated features of these paradigms. In elderly persons there is a deficit of Theory of Mind that affect the socio-emotional functioning. Changes in mental models in late ontogenesis are not totally, they are selective. Generalization of researches cognitive and affective components Theory of Mind in elderly and senile age have shown the heterogeneity. This is expressed in the ability to understand the mental world with a greater degree of safety of the emotional component. There are also compensatory mechanisms: crystallized intelligence, emotional intelligence and interpersonal understanding, which play an important role in the mental status of elderly people. The factors affecting the efficiency of Theory of Mind in elderly and senile age were systematized. Methodological factors related to the type of tasks and the methods of analysis of Theory of Mind in elderly and old people. Neuroanatomical factors describe the changes taking place in the structure and functions of the brain and compensatory mechanisms that influence their effectiveness. By somatic factors include the presence of diseases that affect mental activity. Among the most significant cognitive changes are executive functions, acting safety predictors of cognitive component of mind. Significant psychosocial factors affecting the mental capacity to understand the world, become the perception of the future, loneliness, social avoidance, the availability of social support. We describe the strategy of psychotherapeutic influence, enhances Theory of Mind in elderly and senile age.

Keywords: theory of mind, elderly age, senile age, the heterogeneity changes cognitive component theory of mind, affective component theory of mind, factors theory of mind, development strategies.

References

1. Antcyferova, L.I. (2001). Psihologija starosti: osobennosti razvitija lichnosti v period pozdnej vzroslosti [Psychology of aging: characteristics of personality development in late adulyhood. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 3, 85–99.
2. Melekhin, A.I. (2015a). Model' psihicheskogo (theory of mind) pri normal'nom starenii. [Theory of Mind in normal aging]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and society], 1, 139–150.
3. Melekhin, A.I. (2015b). Programma razvitija modeli psihicheskogo (theory of mind) v pozdnih vozrastah. [Developmental program of Theory of Mind in late aging]. *Klinicheskaja i special'naja psihologija* [Clinical and special psychology], 1, 110–123.
4. Sergienko, E.A., Lebedeva, E.I. & Prusakova, O.A. (2009). *Model' psihicheskogo v ontogeneze cheloveka* [Theory of Mind in human ontogeny]. Moskva: Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk [Institute of Psychology Russian academy of sciences].
5. Sergienko, E.A. (2015). Model' psihicheskogo i social'noe poznanie [Theory of Mind and social cognition]. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological study], 8 (42), 6.
6. Shabalin, V.N. (2014). Psihologija dolgozhitel'stva [Psychology longevity]. *Zhurnal Zdravoohranenie Rossijskoj Federacii*. [Journal of health of Russian Federation], 58 (1), 3–6.
7. Bottirolia, S. & Cavallini, E. (2016). Theory of Mind in aging: Comparing cognitive and affective components in the faux pas test. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 62, 152–162. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.archger.2015.09.009
8. Derntl, B. & Habel, U. (2011). Deficits in social cognition: a marker for psychiatric disorders? *Eur. Arch. Psychiatry Clin. Neurosci*, 261, 145–149. DOI: 10.1007/s00406-011–0244-0
9. Duval, C., Piolino, P. & Bejanin, A. (2011). Age effects on different components of theory of mind. *Consciousness and Cognition*, 20, 627–642. DOI:10.1016/j.concog.2010.10.025
10. Cabinio, M. & Rossetto, F. (2015). Mind-Reading Ability and Structural Connectivity Changes in Aging. *Frontiers in Psychology*, 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01808
11. Cannuscio, C. & Block, J. (2003). Social capital and successful aging: the role of senior housing. *Ann. Intern. Med*, 139, 395–399.
12. Carstensen, L. L., Fung, H. H. & Charles, S. T. (2003). Socioemotional selectivity theory and the regulation of emotion in the second half of life. *Motivation and Emotion*, 27, 103–123.
13. Castelli, I. & Baglio, F. (2010). Effects of aging on mindreading ability through the eyes: an fMRI study. *Neuropsychologia*, 48, 2586–2594. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2010.05.005
14. Cavallini, E. & Lecce, S. (2013). Beyond false belief: theory of mind in young, young-old, and old-old adults. *The International Journal of Aging and Human Development*, 76 (3), 181–198. DOI: 10.2190/AG.76.3.a
15. Fischer, H. & Nyberg, L. (2010). Age-related differences in brain regions supporting successful encoding of emotional faces. *Cortex*, 46, 490–497. DOI: 10.1016/j.cortex.2009.05.011
16. Habota, T. & McLennan, S. N. (2015). An Investigation of Emotion Recognition and Theory of Mind in People with Chronic Heart Failure. *PLoS ONE*, 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0141607
17. Henry, J. D., Phillips, L. H. & Ruffman, T. (2013) A meta-analytic review of age differences in theory of mind. *Psychology and Aging*, 28 (3), 836–839. DOI: 10.1037/a0030677

18. Monetta, L. & Grindrod, C. M. (2009). Irony comprehension and theory of mind deficits in patients with Parkinson's disease. *Cortex*, 4, 972–981. DOI: 10.1016/j.cortex.2009.02.021
19. Paal, T. & Bereczkei, T. (2007). Adult theory of mind, cooperation, Machiavellianism: the effect of mindreading on social relations. *Personality and Individual Differences*, 43, 541–551. DOI:10.1016/j.paid.2006.12.021
20. Pezzuti, L. & Longobardi, E. (2015). The Relation between the Theory of Mind and Socio-Emotional Functioning in a Sample of Older Adults. *J Neurol Psychol*, 3, 1–7.
21. Phillips, L. H. & Bull, R. (2011). Lifespan aging and belief reasoning: influences of executive function and social cue decoding. *Cognition*, 120, 236–247. DOI: 10.1016/j.cognition.2011
22. Pinsker, D. M. & McFarland, K. (2009). Exploitations in older adults: social vulnerability and personal competence factors. *Journal of Applied Gerontology*, 32, 248–267. DOI: 10.1080/13825585.2010.501403
23. Poletti, M. & Enrici, I. (2012). Cognitive and affective Theory of Mind in neurodegenerative diseases: neuropsychological, neuroanatomical and neurochemical levels. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 36, 2147–2164. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2012.07.004
24. Rakoczy, H. & Harder-Kasten, A. (2012). The decline of theory of mind in old age is (partly) mediated by developmental changes in domain-general abilities. *British Journal of Psychology*, 103, 58–72. DOI: 10.1111/j.2044–8295.2011.02040
25. Roca, M. & Torralva, T. (2010). Impairments in social cognition in early medicated and unmedicated Parkinson disease. *Cognitive and Behavioral Neurology,* 23, 152–158. DOI: 10.1097/WNN.0b013e3181e078de.
26. Rosi, A. & Cavallinia, E. (2015). Promoting theory of mind in older adults: does age play a role? *Aging Ment Health*, 1, 1–7. DOI: 10.1080/13607863.2015.1049118.
27. Ruffman, T. & Henry, J. D. (2008). A meta-analytic review of emotion recognition and aging: Implications for neuropsychological models of aging. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 32, 863–881. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2008.01.001
28. Shamay-Tsoory, S. G. & Shur, S. (2007). Dissociation of cognitive from affective components of theory of mind in schizophrenia. *Psychiatry Research*, 149, 11–23.
29. Slessor, G. & Phillips, L. H. (2007). Exploring the specificity of age-related differences in theory of mind tasks. *Psychology and Aging*, 22, 639–643.
30. Sullivan, S. & Ruffman, T. (2004). Social understanding: how does it fare with advancing years? *British Journal of Psychology*, 95, 1–18.
31. Overwalle, F. (2009). Social cognition and the brain: a meta-analysis. *Human Brain Mapping*, 30, 829–858. DOI: 10.1002/hbm.20547.
32. Yeh, Z. T. (2013). Role of Theory of Mind and executive function in explain social intelligence: a structural equation modeling approach. *Aging & Mental Health*, 1, 527–534. DOI: 10.1080/13607863.2012.758235
33. Wang, Z. & Su, Y. (2013). Age-related differences in the performance of Theory of Mind in older adults: a dissociation of cognitive and affective components. *Psychology and Aging*, 28, 284–291. DOI: 10.1037/a0030876.
34. Wang, Z. & Su, Y. (2006). Theory of mind in old adults: the performance on Happe's stories and faux pas stories. *Psychologia*, 49, 228–237. DOI: 10.2117/psysoc.2006.228

ИНТЕНСИВНОСТЬ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА КАК ОТСРОЧЕННОЙ РЕАКЦИИ НА ТРАВМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ВЗРОСЛОСТИ[1]

Харламенкова Н. Е.[2]

Харламенкова Наталья Евгеньевна, Институт психологии РАН, 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, 13. Эл. почта: nataly.kharlamenkova@gmail.com

В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования влияния на человека стрессоров высокой интенсивности и психологических последствий этого влияния, одним из которых является посттравматический стресс. Предполагалось, что наиболее высокий уровень посттравматического стресса возникает при воздействии на человека событий, представляющих непосредственную угрозу его жизни, в первую очередь антропогенных угроз — физического и сексуального насилия, а также аварий и травм, серьезных заболеваний. Эмпирическое исследование, которое проводилось с помощью Опросника травматических событий (Life Experience Questionnaire, LEQ) на разновозрастной выборке объемом 187 чел., показало, что вне зависимости от возраста высокий уровень посттравматического стресса (ПТС) наблюдается как отсроченная реакция на эмоциональное оскорбление и пренебрежение, а также на известие о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека. Возрастные различия в уязвимости людей в отношении влияния стрессоров высокой интенсивности обнаружены в более высоком ПТС на угрозу экономической нужды и лишений в среднем возрасте и в высоком ПТС на угрозу опасного заболевания в старшем возрасте. Половозрастные различия выявлены в повышении уровня ПТС у женщин среднего возраста на эмоциональное оскорбление и пренебрежение, а у мужчин — на известие о внезапной болезни или смерти близкого человека. Интенсивный ПТС женщин старшего возраста возникает вследствие влияния ситуации взаимодействия с близким человеком, имеющим эмоциональные нарушения, а у мужчин — в результате утраты супруги или ребенка. Вне зависимости от возраста высокий уровень ПТС у женщин является отдаленным следствием эмоционального оскорбления и пренебрежения, а у мужчин — ситуации болезни и смерти близких людей, что подтверждает наличие специфики личностного развития мужчин и женщин. На основе полученных результатов определена практическая значимость проведенного исследования.

Ключевые слова: травматическое событие, посттравматический стресс, уязвимость, физическое и эмоциональное насилие, средний и старший возраст.

---

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-36-11108 «Интенсивный стресс с контексте психологической безопасности».

[2] В сборе эмпирических данных также принимали участие Ю.В. Быховец, Л.Ш. Мустафина, Н.Н. Казымова, Е.Н. Дымова, Н.Е. Шаталова, Д.А. Проценко.

Психологическая безопасность человека определяется не только наличием/отсутствием тех или иных угроз, но и уязвимостью человека в отношении их. Острый стресс на травматическое событие, а также последствия его влияния на психику нарушают привычное функционирование человека в социуме, разрушают целостность личности, создают дефицит когнитивного и эмоционального реагирования на значимые для него ситуации.

Исследование психической травмы и ее отдаленных последствий (например, посттравматического стресса) не утрачивает своей актуальности и сегодня. Во многом востребованность таких исследований определяется тем, что для понимания и прогнозирования психологических последствий влияния на человека стрессоров высокой интенсивности важно учитывать целый ряд дополнительных факторов, в том числе возраст и пол человека, и сопутствующие психической травматизации переменные. Специфика исследования посттравматического стресса состоит в том, что его признаки могут проявляться через месяцы, годы и десятилетия после воздействия травматического события.

Значительное количество исследований посвящено изучению влияния детской травмы на психологическое благополучие человека в последующие годы жизни — в подростковом возрасте, юности и в разные периоды взрослости. Выявлено, например, что насилие в детстве ведет к появлению психотических симптомов (Reiff, et al., 2012), возрастает риск совершения противоправных действий. Показано, что среди лиц, совершивших насильственные преступления, две трети пережили в детстве физическое, эмоциональное или сексуальное насилие, а 17% из них подвергались всем трем видам насилия (Schimmenti, et al., 2015). Установлено, что плохое обращение с ребенком в детстве ведет к существенным нарушениям когнитивных функций (Masson, East-Richard, Cellard, 2016; Vasilevski, Tucker, 2016), регуляции эмоций (Lilly, London, Bridgett, 2014), вызывает зависимость от алкоголя, наркотиков, курения в более старшем возрасте (Smith, et al., 2015; Verona, Murphy, Javdani, 2016).

Насилие в детстве повышает риск развития симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) (Hopton, Huta, 2013), хотя современные исследования указывают на то, что сам факт насилия недостаточен для того, чтобы делать уверенные выводы о развитии у человека ПТСР в будущем (Margolin, Vickerman, 2011). Так, в одном из комплексных исследований сопряженности ПТСР и насилия в детстве показано, что прямая связь между жестоким обращением в детстве и ПТСР в зрелом возрасте не прослеживается, при этом было выявлено, что насилие в детстве связано со склонностью к виктимности в супружеских отношениях и с трудностями регуляции эмоций. Иными словами, жестокое обращение в детстве лишь косвенно влияет на ПТСР в зрелом возрасте — через трудности регуляции эмоций, а также проявление виктимности в супружеских отношениях (Lilly, London, Bridgett, 2014).

В многочисленных исследованиях удалось установить связь насилия в детстве со склонностью к виктимности (Adams et al., 2016). Влияние дополнительных факторов на усиление этой связи также обсуждается (Graham-Bermann, Sularz, 2011). В свою очередь симптомы ПТСР и депрессия являются факторами риска совершения насилия по отношению к женщине со стороны интимного партнера, которые могут быть ослаблены с помощью когнитивно-бихевиоральной психотерапии, развития жизнестойкости или, наоборот, усилены повторной виктимизацией (Cougle, Resnick, Kilpatrick, 2009; Iverson, et al., 2011; Sabina, Banyard, 2015). Плохое обращение в детстве и насилие (физическое, сексуальное, эмоциональное) увеличивает вероятность стать жертвой не только семейного, но и криминального, а также других видов насилия позднее, т.е. в разные периоды взрослости (Milaniak, Widom, 2015).

При анализе уровня и характера психотравматизации и ее отдаленных последствий нельзя не учитывать различий между мальчиками и девочками, которые пережили насилие, пренебрежение и другие виды плохого обращения в детстве. В подростковом возрасте у таких детей проявляются черты экстернализации и интернализации, причем первые — чаще у мальчиков, а вторые — у девочек (Lambert, et al., 2012). В более старшем возрасте в поведении женщин могут обнаруживаться черты виктимности и зависимость от ПАВ, у мужчин — антисоциальное поведение, игровая и иные виды зависимости (Hodgins, et al., 2010; Graham, et al., 2012; Golder, et al., 2015).

Возрастные различия в восприятии и оценке травмы также нашли отражение в ряде научных трудов (Gagnon, et al., 2015).

Настоящее исследование было проведено на выборке людей среднего (30–50 лет) и старшего (51 год-80 лет) возраста.

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить поло-возрастные различия в оценке психологических последствий пережитых человеком травм, определить уровень посттравматического стресса на события, связанные с прямой физической угрозой жизни человека (физическое и сексуальное насилие) и с угрозой целостности его личности (эмоциональное оскорбление, пренебрежение). Отдельное внимание было уделено событиям, которые не несут прямой угрозы физическому здоровью взрослого человека, но угрожают его психологическому благополучию (утрата и тяжелая болезнь близких), а также событиям, которые прямо не связаны с действием других людей, но наносят непосредственный вред физическому здоровью человека (опасное заболевание).

Основной *гипотезой* исследования стало предположение о том, что наиболее высокий уровень посттравматического стресса возникает при влиянии на человека событий, представляющих непосредственную угрозу его жизни, в первую очередь антропогенных угроз — физического и сексуального насилия, а также аварий и травм, серьезных заболеваний.

Таблица 1

Количество респондентов в разных возрастных группах

Группа	Возрастной период	Женщины		Мужчины		Все	
		n	M	n	M	n	M
Средний возраст	31 год — 40 лет	24	34,92	26	35,81	50	35,38
	41 год — 50 лет	10	44,00	21	44,14	31	44,09
	Все респонденты среднего возраста (31 год — 50 лет)	34	37,59	47	39,53	81	38,72
Старший возраст	51 год — 60 лет	32	56,28	12	55,50	44	56,07
	61 год — 70 лет	27	64,63	13	64,54	40	64,60
	71–83 года	19	75,26	3	77,00	22	75,50
	Все респонденты старшего возраста (51–83 года)	78	63,49	28	62	106	63,32
Все возраста (31–83 года)		112	55,84	75	47,92	187	52,66

Для проверки выдвинутой гипотезы и контроля валидности результатов исследования опрос респондентов проводился таким образом, чтобы по возможности избежать манипуляции результатами исследования со стороны опрашиваемых. Для достижения этой цели использовался опросник, в который включено максимально полное количество травматических ситуаций, соответствующих определению травмирующих событий в DSM–IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders). Опрос проводился в форме устной беседы и был направлен на диагностику картины травматических событий в жизни каждого респондента, их давности и уровня посттравматического стресса, вызываемого каждым событием. Кроме диагностических задач подобный опрос имел и практическое значение, поскольку позволял частично отреагировать актуально переживаемое событие.

Выборка и процедура исследования

Участниками исследования стали люди в возрасте от 31 года до 83 лет, n = 187 чел.: 81 чел. в возрасте 31 года — 50 лет (47 муж., ср. возраст — 39,5 лет и 34 жен., ср. возраст — 37,6 лет), 106 чел.— в возрасте 51 года — 83 лет (28 муж., ср. возраст 62 года и 78 жен., ср. возраст 63,5 лет) (табл. 1). Деление выборки на две большие возрастные группы было обусловлено тем, что возраст от 30 до 50 лет — период активной трудовой деятельности, выступающей ресурсом нормального функционирования личности. Снижение интенсивности трудовой деятельности в более старшем возрасте может существенно влиять на психологическое благополучие личности, поэтому в возрасте 55 лет и старше риск актуализации психических травм повышается.

Процедура и методы исследования

С каждым респондентом проводилось индивидуальное обследование с использованием Опросника травматических событий (LEQ), разработанного на основе различных диагностических процедур (Norbeck, 1984; Sarason, Johnson, Siegel, 1978) и адаптированного на русский язык Н. В. Тарабриной с коллегами (Тарабрина, 2007). Методика включает 36 описаний травматических событий. Два последние пункта опросника (37-й и 38-й) сформулированы в свободной форме, например, «переживали ли Вы какую-нибудь другую экстраординарную ситуацию…», и позволяют учесть индивидуальные события, которые не были указаны в пунктах 1–36. Респонденту предлагается отметить, было ли в его жизни то или иное событие, указать возраст, в котором оно произошло и отметить на 5-балльной шкале степень влияния этого события на субъекта за последний год. Все события объединены в четыре раздела: криминальные события (кражи, ограбления); природные катастрофы и общие травмы (аварии, стихийные бедствия, несчастные случаи); другие события (развод родителей, экономическая нужда, эмоциональное оскорбление, болезни собственных детей и др.); ситуации физического и сексуального насилия. Каждый раздел содержит от 4 до 14 пунктов с описанием различных ситуаций, потенциально относящихся к психотравмирующим событиям. По результатам опросника подсчитывался Индекс травматизации, определяемый делением суммарного показателя травматических событий на количество пережитых травм. Вывод о наличии признаков посттравматического стресса делается на основании величины Индекса травматизации выше 3 баллов. Индекс травматизации ниже 2 баллов говорит об отсутствии признаков посттравматического стресса (Тарабрина, 2007). Опросник представляет ценность не только как диагностический инструмент, но и как средство, с помощью которого обследуемый может получать психотерапевтическую помощь.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета STATISTIKA 7.0. Использовались описательная статистика, критерий угловое преобразование Фишера (ф*).

Анализ и обсуждение результатов

Для достижения цели исследования и проверки основной гипотезы был проведен анализ количества травматических событий и оценена интенсивность ПТС по каждому из 38 пунктов опросника с учетом фактора возраста. Всего респонденты отметили 1414 травматических событий (в возрасте 31 год — 50 лет — 581 событие, в возрасте 51–83 года — 833 события).

В соответствии с логикой исследования остановимся сначала на оценке количества событий, указанных в выборке в целом, в том числе в возрасте 31 год — 50 лет и 51–83 года (табл. 2).

Таблица 2

Наиболее часто встречающиеся события в выборке в целом, и в возрасте 31 год — 50 лет и 51 год — 83 года и статистические различия между группами — критерий Фишера (ϕ*)

№	Тип события / пункт опросника LEQ	Выборка в целом (n = 187)	Средний возраст (n = 81)	Старший возраст (n = 106)	ϕ^*	p-level
		Количество событий и % от объема выборки				
1	Приходилось ли Вам получать известия о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека? / п. 14	125 (67%)	56 (69%)	69 (65%)	0,58	≥ 0,05
2	Приходилось ли Вам видеть тело умершего (но не на похоронах)? Прикасаться к нему по какой-либо причине / п. 12	86 (46%)	37 (46%)	49 (46%)	0,07	≥ 0,05
3	Приходилось ли Вам когда-либо разводиться или разъезжаться? / п. 23	79 (42%)	40 (49%)	39 (36%)	1,73*	≤ 0,05
4	Случался ли с Вами несчастный случай на работе, при поездке на автомашине или где-либо еще? / п. 5	77 (41%)	34 (42%)	43 (41%)	0,19	≥ 0,05
5	Приходилось ли Вам переносить эмоциональное оскорбление или пренебрежение? / п. 26	76 (415%)	34 (42%)	42 (40%)	0,33	≥ 0,05
6	Был ли у Вас близкий человек с очень сильными эмоциональными нарушениями? / п. 25	70 (37%)	27 (33%)	43 (41%)	1,03	≥ 0,05
7	Приходилось ли Вам испытывать серьезную экономическую нужду? / п. 24	66 (35%)	35 (43%)	31 (36%)	1,98*	≤ 0,05
8	Кроме перечисленных событий и ситуаций, какие еще другие стрессовые ситуации или события происходили с Вами? / п. 38	61 (33%)	38 (47%)	23 (22%)	3,66*	≤ 0,01
9	Предпринимал ли кто-нибудь попытку ограбить Вас, либо действительно сделал это? / п. 4	54 (29%)	31 (38%)	23 (22%)	2,48*	≤ 0,01
10	Было ли у Вас когда-либо серьезное заболевание? / п. 16	41 (22%)	4 (5%)	37 (35%)	6,39*	≤ 0,01
11	Переживали ли Вы в своей жизни смерть своего супруга, возлюбленного или ребенка? / п. 15	27 (14%)	2 (2,5%)	25 (24%)	5,31*	≤ 0,01
12	Пережили ли Вы какую-либо другую экстраординарную стрессовую ситуацию или событие? / п. 37	25 (13%)	11 (14%)	14 (7,5%)	0,29	≥ 0,05

Примечание. Символ (*) указывает на наличие статистически значимых различий между респондентами среднего и старшего возраста.

Как показали данные исследования, в качестве самого частого события в исследуемой выборке указывалась тяжелая ситуация, связанная с близкими людьми,— опасная болезнь, травма, известие о неожиданной смерти. Также часто в обеих возрастных группах встречаются ситуация эмоционального оскорбления и пренебрежения, ситуация развода, несчастный случай на работе, при поездке на автомобиле. При этом в период средней взрослости чаще указываются другие события (п. 38), прежде всего семейные конфликты, болезни, смерть близких, в более старшем возрасте — опасное заболевание самого человека. Довольно часто в обоих возрастах респонденты отмечают такую трудную жизненную ситуацию, как проживание и взаимодействие с близким человеком с сильными эмоциональными нарушениями. В старшем возрасте существенно чаще указывается опасное заболевание и потеря супруга или ребенка, а в среднем — экономическая нужда и лишения. Важно при этом отметить, что в данном случае мы говорим о подобных событиях, как о стрессовых ситуациях, которые когда-либо имели место в жизни человека, т.е. в данный момент не являются для него острыми стрессовыми событиями. Следует также подчеркнуть, что предметом нашего интереса выступает не только факт наличия такого события в анамнезе человека, но и то, переживается ли оно отсрочено, т.е. спустя 3–6 и более месяцев и даже лет с момента его воздействия, как актуально волнующее и тревожащее событие.

С целью изучения психологических последствий влияния на человека стрессоров высокой интенсивности в разных возрастах были рассчитаны средние значения Индекса травматизации по всем событиям Опросника травматических событий (LEQ) в каждом исследуемом возрасте. Значительное внимание было уделено наиболее часто происходящим событиям.

Оказалось, что самый *высокий* Индекс травматизации (ИТ) вне зависимости от возраста выявлен при оценке пяти групп событий — известия о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека (п. 14), эмоционального оскорбления или пренебрежения (п. 26), наличия близкого человека с очень сильными эмоциональными нарушениями (п. 25), собственных депрессии, стресса, проблем с детьми (п. 37), семейных конфликтов (п. 38).

Средний уровень ИТ выявлен на п. 12 (Приходилось ли Вам видеть тело умершего (но не на похоронах)? Прикасаться к нему по какой-либо причине), п. 23 (Приходилось ли Вам когда-либо разводиться или разъезжаться), п. 5 (Случался ли с Вами несчастный случай на работе, при поездке на автомашине или где-либо еще), п. 24 (Приходилось ли Вам испытывать серьезную экономическую нужду) и п. 4 (Предпринимал ли кто-нибудь попытку ограбить Вас, либо действительно сделал это?).

Возрастные различия состоят в том, что в период средней взрослости для всех респондентов высокотравматичным и влияющим на человека длительное

время является 1) эмоциональное оскорбление или пренебрежение (ИТ = 3,19), 2) смерть, болезни близких, семейные конфликты (п. 14, ИТ = 2,5 и п. 38, ИТ = 2,82), 3) экономическая нужда (п. 24, ИТ = 2,65). Для старшего поколения самым травматичным является 1) наличие близкого человека с очень сильными эмоциональными нарушениями (п. 25, ИТ = 3,21), 2) эмоциональное оскорбление или пренебрежение (п. 26, ИТ = 2,9), 3) известие о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека (п. 14, ИТ = 2,87), 4) серьезное заболевание (п. 16, ИТ = 2,78).

Использование более строгого критерия, при котором ИТ показывает значения больше 3 баллов, позволяет понять, что психологические неблагополучие и уязвимость, посттравматический стресс возникают при *эмоциональном оскорблении и пренебрежении*. В старшем возрасте дополнительным фактором становится *наличие близкого человека с сильными эмоциональными нарушениями* (депрессия, алкоголизм и др.).

Кроме фактора возраста, безусловно, важно учитывать влияние фактора пола. Дифференциация разновозрастных выборок по полу позволила выяснить, что для *женщин среднего возраста* наиболее длительный травматический эффект оказывает эмоциональное оскорбление, пренебрежение (ИТ = 3,19) и серьезное заболевание (ИТ = 3,00), также существенно влияют известие о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека (ИТ = 2,82) и экономическая нужда (ИТ = 2,65). *Мужчины среднего возраста* менее уязвимы. Тем не менее на них влияет известие о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека (ИТ = 2,71), ограбление дома (ИТ = 2,64), эмоциональное оскорбление, пренебрежение (ИТ = 2,54).

Спектр ситуаций, вызывающих посттравматический стресс, в старшем возрасте становится шире. Для *женщин старшего возраста* отсроченным травматическим воздействием отличаются такие ситуации, как наличие близкого человека с сильными эмоциональными нарушениями (ИТ = 3,52), смерть супруга, возлюбленного или ребенка (ИТ = 3,24), эмоциональное оскорбление, пренебрежение (ИТ = 3,11), известие о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека (ИТ = 3,06). Также значительно влияние ситуаций опасного заболевания (ИТ = 2,97) и семейных конфликтов (ИТ = 2,82). *Мужчины старшего возраста*, так же как и женщины, уязвимы в отношении ситуации смерти своей супруги, возлюбленной или ребенка (ИТ = 3,25); остальные события влияют в меньшей степени — известие о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека (ИТ = 2,29), семейные конфликты (ИТ = 2,33). Возможно, такая картина вызвана меньшим объемом выборки мужчин старшего возраста. Эмпирическое исследование продолжается и увеличение группы мужчин позволит получить

дополнительные сведения о травматических ситуациях, отсрочено влияющих на психику мужчины в среднем и пожилом возрасте.

Сформулированная в исследовании гипотеза о наибольшем травматическом и отсроченном влиянии на человека событий, представляющих непосредственную угрозу его жизни, в первую очередь антропогенных угроз — физического и сексуального насилия, аварий и травм, серьезных заболеваний, в полной мере не подтвердилась. По-видимому, это связано с тем, что ситуации физического и сексуального насилия часто вытесняются либо намеренно скрываются, поэтому в настоящем исследовании их влияние оказалось не столь значительным, как влияние такой ситуации, как эмоциональное оскорбление и пренебрежение.

Исследование показало, что наибольший посттравматический эффект оказывают ситуации, связанные с действием других людей, прежде всего людей самых близких. Было выявлено, что человека травмируют: 1) оскорбление, унижение, пренебрежение со стороны других людей, 2) нездоровье, потери близких; 3) семейные конфликты, 4) общение с близкими людьми, имеющими эмоциональные нарушения. В старшем возрасте интенсивным травматическим стрессором становится смерть супруга / супруги, ребенка. Выявленные стрессоры также являются антропогенными, но их воздействие на первый взгляд не связано с непосредственной угрозой жизни человеку. Мишенью перечисленных факторов является психологическое благополучие личности, ее эмоциональная стабильность и устойчивость представлений о себе. Различного рода «интрузии» — как целенаправленные (оскорбление, унижение), так и нецеленаправленные (потери, лишения, жизненные ограничения), способные разрушить личностную и социальную идентичность человека, по-существу угрожают его целостности, Самости, и поэтому являются более серьезными стрессорами, способными уничтожить человека как личность. При этом, если оскорбления и унижения приобретают хронический характер, то этот параметр может влиять на человека катастрофическим образом, умаляя его чувство собственного достоинства, суверенности и автономии, ослабляя и разрушая Эго. Проведенный в начале статьи анализ исследований, посвященных проблеме насилия в детстве, показал, что у ребенка, перенесшего физическое, сексуальное или эмоциональное насилие, высока вероятность формирования позиции жертвы, которая в более старших возрастах может подкрепляться в отношениях с родителями, а также проявляться во взаимодействиях с другими людьми (сверстниками, интимными партнерами, работодателями и др.), кумулятивно усиливая посттравматическую симптоматику. Высокий травмирующий эффект этой ситуации скорее всего связан не только с угрозой разрушения целостности личности, но и с хроническим характером этого воздействия, повторяемость которого индуцируется самой личностью посредством закрепления роли жертвы. В старшем возрасте угроза этой ситуации усиливается необходимостью общения, а иной раз и необходимостью оказания социальной поддержки близкому человеку

с сильными эмоциональными нарушениями; значительную роль играет реальная или высоковероятная угроза ослабления собственного здоровья.

Обсуждая возрастные различия в уровне посттравматического стресса на травматическое влияние стрессоров высокой интенсивности, необходимо отметить, что дополнительной угрозой для людей среднего возраста становятся экономическая нужда и лишения, которые связаны с объективными социальными обстоятельствами, а также с особенностями возраста, к которому человек должен достичь определенного профессионального статуса. Отсутствие такого статуса или угроза его потерять являются вполне реальными для человека травматическими стрессорами. Снижение физического здоровья к пожилому возрасту и повышение вероятности получить серьезный диагноз (онкозаболевание, стеноз сонной артерии и др.) также вполне естественно усиливает ПТС на этот травматический стрессор в старшей возрастной группе.

Полученные в исследовании половые различия в отсроченном влиянии стрессоров высокой интенсивности показали, что ситуации эмоционального оскорбления и пренебрежения, а также опасного заболевания в большей степени травматичны для женщин. Для мужчин на первом месте оказывается ситуация опасной и неожиданной болезни или смерти близкого человека. В старшем возрасте возрастает угроза длительного переживания потери супруги или ребенка. Выявленные различия являются до определенной степени неожиданными, поскольку, казалось бы, опровергают существующее мнение о том, что развитие личности мужчины идет по пути развития его Эго, а развитие личности женщины — по пути развития ее социальных контактов. В нашем исследовании женщины оказываются высокотравмированными при совершении в отношении их оскорбительных оценок и действий, тогда как мужчины страдают от сужения круга близких людей. Однако отмеченное несоответствие является таковым лишь на первый взгляд. Детальный анализ результатов прояснил для нас следующее: существенным фрустратором личностного развития женщины, ориентированной на коммуникацию, является ограничение этой коммуникации и снижение статуса женщины как ценного и интересного партнера во взаимодействии с другими людьми. Для мужчины развитие его Эго невозможно вне социального контекста, который имеет определенную стабильность и предсказуемость. Таким социальным контекстом является ближайшее окружение — дети, супруга, родственники, коллеги по работе, друзья. Сужение социального контекста вследствие болезни или смерти близких людей нарушает привычное функционирование мужчины. Особенно остро и травматично это проявляется при наличии поддерживающего социального окружения, положительно подкрепляющего Эго мужчины. Именно поэтому у женщин среднего возраста высокий ПТС возникает на эмоциональное оскорбление и пренебрежение, а у мужчин — на известие о внезапной болезни или смерти близкого человека. Интенсивный ПТС женщин старшего возраста на ситуацию взаимодействия

с близким человеком с эмоциональными нарушениями, а у мужчин — на смерть супруги или ребенка подтверждает сформулированные нами выводы. В целом можно сказать, что личность женщины развивается в отношениях паритетного партнерства, а личность мужчины — в отношениях стабильного социального контекста, рассматриваемого им как расширение своего Эго. Травматическим стрессором для женщины, с этой точки зрения, будет нивелирование ее роли как равного партнера, а травматичным стрессором для мужчины — сужение его Эго вследствие выбывания из его психологического пространства значимых для него фигур.

Сделанное общее заключение позволяет оценить практическую значимость исследования и выявить уязвимость мужчины и женщины разного возраста в зависимости от влияния на них различных травматических стрессоров. Виктимность женщины является для нее мощным разрушительным фактором, компенсировать влияние которого может подкрепление женщины в ее взаимодействии с другими людьми в качестве равного партнера, в развитии самооценки и самоценности женщины. Одиночество мужчины и сужение круга значимых для него людей грозит ему выраженным посттравматическим стрессом, депрессией и чувством потери Я, которые преодолимы при подкреплении мужчины в развитии новых отношений и возобновлении старых и прочных связей.

Выводы

1. Для людей среднего и старшего возраста наиболее травматичным стрессором, вызывающим высокий уровень посттравматического стресса, является эмоциональное оскорбление и пренебрежение, а также болезни и потери близких людей.

2. Возрастные различия в уязвимости людей в отношении влияния стрессоров высокой интенсивности состоят в том, что в среднем возрасте травматическим стрессором является угроза экономической нужды и лишений, а в старшем возрасте — угроза опасного заболевания.

3. У женщин высокий уровень посттравматического стресса возникает вследствие эмоционального оскорбления и пренебрежения, а у мужчин как отсроченная реакция на болезнь и смерть близких людей, что подтверждает различия в особенностях личностного развития мужчин и женщин.

Библиографический список

1. Тарабрина, Н. В. (2007). *Практическое руководство по психологии посттравматического стресса*. Ч. 2. Бланки методик. Москва: Изд-во «Когито-Центр».
2. Adams, Z. W., Moreland, A., Cohen, J. R., Lee, R. C., Hanson, R. F., Danielson, C. K., Self-Brown, S. & Briggs, E. C. (2016). Polyvictimization: Latent profiles and mental health outcomes in a clinical sample of adolescents. *Psychology of Violence*, 6 (1), 145–155.

3. Cougle, J. R., Resnick, H. & Kilpatrick, D. G. (2009). A prospective examination of PTSD symptoms as risk factors for subsequent exposure to potentially traumatic events among women. *Journal of Abnormal Psychology*, 118 (2), 405–411.
4. Gagnon, K. L., DePrince, A. P., Srinivas, T. & Hasche, L. K. (2015). Perceptions of participation in trauma research among older adults. *Traumatology*, 21 (3), 237–243.
5. Graham-Bermann, S., Sularz, A. R. & Howell, K. H. (2011). Additional adverse events among women exposed to intimate partner violence: Frequency and impact. *Psychology of Violence*, 1 (2), 136–149.
6. Graham, N., Kimonis, E. R., Wasserman, A. L. & Kline, S. M. (2012). Associations among childhood abuse and psychopathy facets in male sexual offenders. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 3 (1), 66–75.
7. Golder, S., Engstrom, M., Hall, M. T., Higgins, G. E. & Logan, T. K. (2015). Psychological distress among victimized women on probation and parole: A latent class analysis. *American Journal of Orthopsychiatry*, 85 (4), 382–391.
8. Hodgins, D. C., Schopflocher, D. P., el-Guebaly, N., Casey, D. M., Smith, G. J., Williams, R. J. & Wood, R. T. (2010). The association between childhood maltreatment and gambling problems in a community sample of adult men and women. P*sychology of Addictive Behaviors*, 24 (3), 548–554.
9. Hopton, J. L. & Huta, V. (2013). Evaluation of an intervention designed for men who were abused in childhood and are experiencing symptoms of posttraumatic stress disorder. *Psychology of Men & Masculinity*, 14 (3), 300–313.
10. Iverson, K. M., Gradus, J. L., Resick, P. A., Suvak, M. K., Smith, K. F. & Monson, C. M. (2011). Cognitive–behavioral therapy for PTSD and depression symptoms reduces risk for future intimate partner violence among interpersonal trauma survivors. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 79 (2), 193–202.
11. Lambert, S. F., Boyd, R. C., Cammack, N. L. & Ialongo, N. S. (2012). Relationship proximity to victims of witnessed community violence: Associations with adolescent internalizing and externalizing behaviors. *American Journal of Orthopsychiatry,* 82 (1), 1–9.
12. Lilly, M. M., London, M. J. & Bridgett, D. J. (2014). Using SEM to examine emotion regulation and revictimization in predicting PTSD symptoms among childhood abuse survivors. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 6 (6), 644–651.
13. Margolin, G. & Vickerman, K. A. (2011). Posttraumatic stress in children and adolescents exposed to family violence: I. Overview and issues. *Couple and Family Psychology: Research and Practice*, 1 (S), 63–73.
14. Masson, M., East-Richard, C. & Cellard, C. (2016). A meta-analysis on the impact of psychiatric disorders and maltreatment on cognition. *Neuropsychology*, 30 (2), 143–156.
15. Milaniak, I. & Widom, C. S. (2015). Does child abuse and neglect increase risk for perpetration of violence inside and outside the home? *Psychology of Violence*, 5 (3), 246–255.
16. Norbeck, J. S. (1984). Modification of recent life event questionnaires for use with female respondents. *Research in Nursing and Health*, 7, 61–71.
17. Reiff, M., Castille, D. M., Muenzenmaier, K. & Link, B. (2012). Childhood abuse and the content of adult psychotic symptoms. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 4 (4), 356–369.

18. Sabina, C. & Banyard, V. (2015). Moving toward well-being: The role of protective factors in violence research. *Psychology of Violence*, 5 (4), 337–342.
19. Sarason, I. G., Johnson, J. H. & Siegel, J. M. (1978). Assessing the impact of life changes: Development of the life experiences survey. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 46, 932–946.
20. Schimmenti, A., Di Carlo, G., Passanisi, A. & Caretti, V. (2015). Abuse in childhood and psychopathic traits in a sample of violent offenders. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 7 (4), 340–347.
21. Smith, P. H., Saddleson, M. L., Homish, G. G., McKee, S. A., Kozlowski, L. T. & Giovino, G. A. (2015). The relationship between childhood physical and emotional abuse and smoking cessation among U.S. women and men. *Psychology of Addictive Behaviors*, 29 (2), 338–346.
22. Vasilevski, V. & Tucker, A. (2016). Wide-ranging cognitive deficits in adolescents following early life maltreatment. *Neuropsychology*, 30 (2), 239–246.
23. Verona, E., Murphy, B. & Javdani, S. (2016). Gendered pathways: Violent childhood maltreatment, sex exchange, and drug use. *Psychology of Violence*, 6 (1), 124–134.

Статья поступила в редакцию 28.09.2015.

……..

THE INTENSITY OF POST-TRAUMATIC STRESS AS THE DELAYED REACTION ON THE TRAUMATIC EVENTS IN DIFFERENT PERIODS OF ADULTHOOD

Kharlamenkova N. E.

Kharlamenkova Natalya Evgenyevna, Institute of Psychology RAS, 129366, Russia, Moscow, ul. Yaroslavskaya, 13. E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com.

The work has been done under the Russian Humanitarian Scientific Fund project № 15-36-11108 "Intensive stress in context of psychological safety".

The article presents the results of theoretical and empirical research of high intensity stressors influence on human and the psychological effects of this influene — the post-traumatic stress. It was assumed that the highest level of post-traumatic stress occurs when there are the events presenting an immediate threat to human life, man-made hazards — physical and sexual abuse, as well as accidents and injuries, dangerous illnesses. Empirical research, which was carried out with Life Experience Questionnaire (LEQ) in sample of 187 Ss was found that regardless of age intensive post-traumatic stress (PTS) occurs on the emotional abuse and neglect, as well as on the news of dangerous illnesses, sudden death of a loved person. Age differences in people's vulnerability to the high intensity stressors influence were found in higher PTS on the threat of economic need and deprivation in middle age and in high PTS on dangerous disease in older age.

Gender and age differences are revealed in increase of the PTS level at middle age women on an emotional abuse and neglect, and at men — on news of a sudden illness or death of the loved one. Intensive PTS of older women arises owing to influence of a situation of interaction with the loved one having emotional violations, and at men — as a result of loss of the spouse or the child. Regardless of age the PTS high level at women is a remote consequence of an emotional abuse and neglect, and at men — on situations of an illness and death of close people that confirms existence of specifics in personality developments of men and women. On the basis of the results it was determined the practical significance of the study.

Key words: traumatic event, posttraumatic stress, vulnerability, physical and emotional abuse, middle and older age.

References

1. Tarabrina, N. V. (2007). *Prakticheskoe rukovodstvo po psichologii posttravmaticheskogo stressa*. [A practical guide on the psychology of post-traumatic stress]. Moskva: izdatel'stvo "Kogito-Centr" [Moscow: publishing house "Cogito-Centre"].
2. Adams, Z. W., Moreland, A., Cohen, J. R., Lee, R. C., Hanson, R. F., Danielson, C. K., Self-Brown, S. & Briggs, E. C. (2016). Polyvictimization: Latent profiles and mental health outcomes in a clinical sample of adolescents. *Psychology of Violence*, 6 (1), 145–155.
3. Cougle, J. R., Resnick, H. & Kilpatrick, D. G. (2009). A prospective examination of PTSD symptoms as risk factors for subsequent exposure to potentially traumatic events among women. *Journal of Abnormal Psychology*, 118 (2), 405–411.
4. Gagnon, K. L., DePrince, A. P., Srinivas, T. & Hasche, L. K. (2015). Perceptions of participation in trauma research among older adults. *Traumatology*, 21 (3), 237–243.
5. Graham-Bermann, S., Sularz, A. R. & Howell, K. H. (2011). Additional adverse events among women exposed to intimate partner violence: Frequency and impact. *Psychology of Violence*, 1 (2), 136–149.
6. Graham, N., Kimonis, E. R., Wasserman, A. L. & Kline, S. M. (2012). Associations among childhood abuse and psychopathy facets in male sexual offenders. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 3 (1), 66–75.
7. Golder, S., Engstrom, M., Hall, M. T., Higgins, G. E. & Logan, T. K. (2015). Psychological distress among victimized women on probation and parole: A latent class analysis. *American Journal of Orthopsychiatry*, 85 (4), 382–391.
8. Hodgins, D. C., Schopflocher, D. P., el-Guebaly, N., Casey, D. M., Smith, G. J., Williams, R. J. & Wood, R. T. (2010). The association between childhood maltreatment and gambling problems in a community sample of adult men and women. *Psychology of Addictive Behaviors*, 24 (3), 548–554.
9. Hopton, J. L. & Huta, V. (2013). Evaluation of an intervention designed for men who were abused in childhood and are experiencing symptoms of posttraumatic stress disorder. *Psychology of Men & Masculinity*, 14 (3), 300–313.
10. Iverson, K. M., Gradus, J. L., Resick, P. A., Suvak, M. K., Smith, K. F. & Monson, C. M. (2011). Cognitive–behavioral therapy for PTSD and depression symptoms reduces risk for future intimate partner violence among interpersonal trauma survivors. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 79 (2), 193–202.
11. Lambert, S. F., Boyd, R. C., Cammack, N. L. & Ialongo, N. S. (2012). Relationship proximity to victims of witnessed community violence: Associations with adolescent internalizing and externalizing behaviors. *American Journal of Orthopsychiatry*, 82 (1), 1–9.
12. Lilly, M. M., London, M. J. & Bridgett, D. J. (2014). Using SEM to examine emotion regulation and revictimization in predicting PTSD symptoms among childhood abuse survivors. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 6 (6), 644–651.
13. Margolin, G. & Vickerman, K. A. (2011). Posttraumatic stress in children and adolescents exposed to family violence: I. Overview and issues. *Couple and Family Psychology: Research and Practice*, 1 (S), 63–73.
14. Masson, M., East-Richard, C. & Cellard, C. (2016). A meta-analysis on the impact of psychiatric disorders and maltreatment on cognition. *Neuropsychology*, 30 (2), 143–156.

15. Milaniak, I. & Widom, C. S. (2015). Does child abuse and neglect increase risk for perpetration of violence inside and outside the home? *Psychology of Violence*, 5 (3), 246–255.
16. Norbeck, J. S. (1984). Modification of recent life event questionnaires for use with female respondents. *Research in Nursing and Health*, 7, 61–71.
17. Reiff, M., Castille, D. M., Muenzenmaier, K. & Link, B. (2012). Childhood abuse and the content of adult psychotic symptoms. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 4 (4), 356–369.
18. Sabina, C. & Banyard, V. (2015). Moving toward well-being: The role of protective factors in violence research. *Psychology of Violence*, 5 (4), 337–342.
19. 19. Sarason, I. G., Johnson, J. H., Siegel, J. M. (1978). Assessing the impact of life changes: Development of the life experiences survey. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 46, 932–946.
20. Schimmenti, A., Di Carlo, G., Passanisi, A. & Caretti, V. (2015). Abuse in childhood and psychopathic traits in a sample of violent offenders. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 7 (4), 340–347.
21. Smith, P. H., Saddleson, M. L., Homish, G. G., McKee, S. A., Kozlowski, L. T. & Giovino, G. A. (2015). The relationship between childhood physical and emotional abuse and smoking cessation among U.S. women and men. *Psychology of Addictive Behaviors*, 29 (2), 338–346.
22. Vasilevski, V. & Tucker, A. (2016). Wide-ranging cognitive deficits in adolescents following early life maltreatment. *Neuropsychology*, 30 (2), 239–246.
23. Verona, E., Murphy, B. & Javdani, S. (2016). Gendered pathways: Violent childhood maltreatment, sex exchange, and drug use. *Psychology of Violence*, 6 (1), 124–134.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ТЕОРИИ РИТУАЛОВ ИНТЕРАКЦИЙ

Пересёлкова З. Ю., Иншаков В. В.

Переселкова Зинаида Юрьевна, Оренбургский государственный университет, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13. Эл. почта: anizz@yandex.ru

Иншаков Вадим Вадимович, Оренбургский государственный университет, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13. Эл. почта: vadiminshakov@gmail.com

Данная статья посвящена проблеме исследования трудовой мотивации в рамках социологической науки с использованием объяснительной модели теории ритуалов интеракции Р. Коллинза. Актуальность выбранной темы обосновывается сохраняющейся зависимостью социологии от психологических теорий мотивации, в связи с чем, целью исследования является описание и обоснование эффективности социологического подхода к анализу трудовых отношений с точки зрения их влияния на трудовую мотивацию работников. Авторами проведен анализ связи общих социологических теорий с проблематикой мотивации (теории обмена, символического интеракционизма, этнометодологии, психоаналитической модели личности), выделены их концептуальные основания. Рассмотрена теория мотивации Дж. Тернера, основанная на эклектичном сочетании всех поддающихся редукции (для целей анализа мотивации) социологических теорий, указываются ее недостатки в попытках подобного теоретического «синтеза». В связи с чем, авторами обосновывается идея о возможности использования теории ритуалов интеракции Р. Коллинза в качестве общей теории мотивации, способной объяснить весь спектр трудовой деятельности индивида — от повседневной нерефлексивной рутины до исключительно заинтересованной и активной трудовой деятельности. Доказывается, что одним из факторов, определяющих трудовое поведение индивида, является необходимость материального обеспечения ритуалов интеракций. Показаны возможности обоснования с точки зрения теории ритуалов интеракции трудовой мотивации технических специалистов. Обосновывается валидность теории ритуалов интеракций на основе эмпирических исследований Н. Ротбард, проведенных в коллективах двух проектов (Shield и Gateway) компании Fortune 500 (TechCo), занимающейся разработкой программного обеспечения, а также среди сотрудников колл-центров.

Ключевые слова: трудовая мотивация, теория ритуалов интеракции, эмоциональная энергия (emotional energy, EE), EE-seeker, рынок ритуалов интеракций, социальное действие.

Проблема мотивации персонала имеет непреходящее значение ввиду её непосредственной связи с вопросами экономической эффективности предприятий, удовлетворенности работников содержанием и условиями труда. Теоретическая значимость проблемы мотивации связана с сохраняющейся зависимостью социологии от психологических теорий мотивации. В данной работе мы хотим

описать и обосновать эффективность нового подхода к анализу трудовых отношений с точки зрения их влияния на трудовую мотивацию[1] работников. Этот подход основан на применении общей теории социальных взаимодействий — теории ритуалов интеракций Рэндалла Коллинза.

В отечественных научных публикациях, посвященных трудовой мотивации, сложились устойчивые модели мышления о данном предмете:

1) анализ потребностей трудовых субъектов (Пхаладзе, 2012; Жулина, 2009; Туев, 2014; Федоренко, Кузьма, 2008; Труфанова, Воеводина, 2013; Черемошкина, 2005; Корзенко, Хорева, 2015; Якимов, 2012; Бухарова, 2014; Бакурадзе, 2013);

2) сравнительный анализ национальных моделей стимулирования повышения производительности труда (Хуако, 2011; Сурикова, Радченко, 2015; Наумова, 2008);

3) административный анализ различных областей производства и институциональная критика капитализма — наиболее общий анализ и критика экономической системы и управленческих практик, в рамках которых рассматривается проблема мотивации труда (Захаров, 2014; Герасименко, 2013; Ушач, 2008; Красников, 2010; Любицкая, 2011).

Понятие потребности не предоставляет эпистемических ресурсов социологическому мышлению о трудовой мотивации (что явно следует из имеющихся публикаций на эту тему). Атрибуция психологическим явлениям первичной релевантности выводит социолога из области его компетенции и обрекает на тавтологическое рассуждение вида «анализ потребностей работников показал, что необходимо удовлетворять следующие потребности…». Мы не отрицаем значимости таких исследований, но лишь легитимируем собственный отказ от смешения языков разных дисциплин (поскольку такой «синтез» не может быть произвольным и нуждается в отдельном обосновании). Кроме того, теории, связанные с проблематикой потребностей и их связи с трудовой деятельностью (теории А. Маслоу (Маслоу, 2008), Д. Макгрегора (McGregor, 1957), Э. Мэйо (Mayo, 2003) и др.), достаточно подробно описаны в большом количестве учебных пособий и статей, посвященных трудовой мотивации, и их анализ в данной работе представляется неуместным.

Работы, посвященные сравнительному анализу национальных моделей мотивирования работников (при этом корректность сведения опыта множества национальных предприятий к единому образцу не подвергается сомнению), а также исследования на отдельных предприятиях (хотя более корректно назвать эти работы социальными обследованиями[2]) в подавляющем большинстве

[1] Понятие трудовой мотивации в данной статье не проблематизируется и содержательно характеризуется как степень заинтересованности индивида в эффективном осуществлении трудовой деятельности.

[2] Вслед за автором термина Геннадием Батыгиным мы понимаем «социальные обследования» как изучение объекта любым владеющим методом опроса специалистом в целях решения социальных проблем, для достижения прикладных результатов, а не для приращения научного знания (Батыгин, 1986).

лишены теоретического обоснования, что блокирует возможность оценки их «эпистемической добавочной стоимости».

Но прежде чем обратиться к альтернативной теоретической перспективе, попробуем обозначить «слепые пятна» конвенциональных теоретических позиций. Профессор социологии Калифорнийского университета в Риверсайде Джонатан Тернер в статье «Toward a Sociological Theory of Motivation» (1987 г.) предпринял попытку разработать концептуальные следствия некоторых общих социологических теорий в отношении проблематики мотивации. Объектами первичной концептуальной разработки в отношении проблематики мотивации стали теория обмена, символический интеракционизм, этнометодология, психоаналитическая модель личности, теория ритуалов интеракций.

В литературе по менеджменту освещаются теории, имеющие те же бихевиористские истоки: концепция мотивации «стимул–реакция» не ставится под сомнение как эффективная, но лишь конкретизируется различными частными теориями потребностей или теориями, обосновывающими важность неформальных отношений между работниками. Центральной аксиомой такого подхода к мотивации остается предположение о том, что человеческое поведение может быть объяснено и спрогнозировано на основе наблюдения реакций индивида на позитивные и негативные стимулы.

Теория обмена Д. Хоманса (Homans, 1974), являющаяся социологической адаптацией бихевиоризма Б. Ф. Скиннера, постулирует стремление индивидов получить выгоду и избежать потерь во взаимодействии и соответственно само взаимодействие представляет как обмен подкрепляющими и депривирующими действиями (История социологии в Западной Европе и США, 2001).

Кроме бихевиористской редукции социального взаимодействия до последовательности взаимных реакций теория обмена опирается на теорию рационального выбора. Доктор философских наук В. Култыгин так выражает сущность этого подхода: «индивид имеет полный «порядок предпочтений» относительно различных опций <...> обществоведы могут говорить об утилитарной функции, которая присваивает номер каждой опции в соответствии с ее рангом в рамках порядка предпочтений» (Култыгин, 2004). Проблема такого подхода заключается в идеализированном представлении о рациональности индивида, якобы просчитывающего возможные затраты и вознаграждения, являющиеся следствием его действий. По утверждению Р. Коллинза, не существует общей меры полезности, которой могли бы руководствоваться индивиды в своих расчетах выгод и затрат (Collins, 2004). Столь же сомнительными представляются поиски универсального стимула (совокупности стимулов), одинаково эффективного для мотивации любого индивида в силу соответствия некоей универсальной структуре потребностей.

С точки зрения символического интеракционизма индивиды стремятся поддерживать желаемый образ себя и «определение ситуации» (т.е. воз-

можность интерпретации) (Мид, 2009). С позиций этнометодологии общая мотивации может быть понята почти идентично символическому интеракционизму — как стремление к установлению интерсубъективности и чувства «фактичности» (адекватности, нормальности) происходящего (Гарфинкель, 2007; Turner, 1987). Этнометодологические исследования рабочего процесса сформировали отдельную область исследований (workplace studies), в рамках которой исследуются этнометоды и организация локального порядка деятельности. Среди прочих в этой традиции выполнены исследования лекционной практики университетского профессора (Burns, 2012), организации учебного процесса в школе (MacKey, 1978), взаимодействия офисных работников с офисной техникой (Suchman, 1987), работы диспетчеров метро (Heath, Luff, 1992). При стремлении к чрезвычайной дескриптивной подробности своих исследований этнометодологи воздерживаются от теоретических генерализаций.

Поддержание положительного образа себя и действие в соответствии с особенностями ситуации являются также основными постулатами драматургической социологии И. Гофмана (Гофман, 2000; 2009) и его теории фреймов (Гофман, 2003). Однако теорию фреймов, являющуюся прежде всего социологической теорией восприятия и лишь затем — теорией действия, или социальную драматургию И. Гофмана, вряд ли возможно адекватно редуцировать для описания и объяснения трудовой мотивации.

Более продуктивной является теория трудовой мотивации профессора Еврейского университета в Иерусалиме Боаса Шамира (Shamir, 1991). Б. Шамир излагает основные концептуальные следствия обобщенной теории Я-концепции для описания и объяснения феномена трудовой мотивации. Эти «теоремы» имеют следующий вид:

– индивид ориентирован не только на достижение внешних целей, но и на самовыражение;

– люди стремятся поддерживать самооценку;

– индивиды поддерживают самосогласованность (self-consistency) — непротиворечивость различных частей концепции Я и поведения (Shamir, 1991).

Степень соответствия рабочих задач, ролей, условий труда концепции, которую индивид имеет в отношении себя, определяет степень его трудовой мотивации (Shamir, 1991). Но как идентичности, составляющие Я-концепцию индивида, формируются и изменяются? Как возможно харизматическое лидерство, приравнивающее ценностные ориентации руководителя и подчиненных и разрешающее проблему соответствия целей индивида и организации? Ответы на эти вопросы можно дать в рамках теории ритуалов интеракций, речь о которой пойдет далее, после упоминания теории Дж. Тернера.

Теория мотивации Дж. Тернера постулирует наличие у индивида следующих потребностей: снижение «диффузной тревоги», чувство «онтологической безопасности», доверие, чувство включенности в группу, чувство «фактичности», поддержание концепции «Я» и её презентация, символические и материальные поощрения (Turner, 1987). Столь громоздкая система переменных, как может показаться, должна способствовать точности получаемых с её помощью данных. Но для того чтобы применять эту теорию, сочетающую элементы теории обмена, символического интеракционизма, психоанализа, этнометодологии и других теорий, необходимо обоснование непротиворечивости по отношению друг к другу всех этих теоретических перспектив или хотя бы наличие эмпирических подтверждений того, что эта теоретическая конструкция «работает». Однако нам об этом ничего не известно. В этом, как нам кажется, заключается ошибка Дж. Тернера, поскольку его теория мотивации (Turner, 1987), основанная на эклектичном сочетании всех поддающихся редукции (для целей анализа мотивации) социологических теорий, вряд ли применима для анализа реальных явлений.

В отдельности все эти теоретические перспективы, используемые Дж. Тернером в его теоретическом «синтезе», могут быть эвристичными для описания отдельных случаев. Однако требуется общая теория мотивации, способная объяснить весь спектр трудовой деятельности индивида — от повседневной нерефлексивной рутины до исключительно заинтересованной и активной трудовой деятельности. Предпочтительной следует считать ту теорию трудовой мотивации, которая способна трактовать весь этот спектр, исходя из собственных базовых теоретических оснований. Такой теорией, на наш взгляд, является теория цепочек ритуалов интеракций (interaction ritual chains theory).

Человек в теории ритуалов интеракций Р. Коллинза определяется как существо, ищущее эмоциональную энергию и движимое потребностью её увеличения. Понятие эмоциональной энергии обозначает ключевой феномен теории, являющийся «движущей силой» интеракций. Коллинз определяет это понятие как «континуум, в диапазоне которого на одном конце располагаются уверенность, энтузиазм, хорошее самочувствие; в середине диапазона находится обычное спокойное состояние; на другом конце — депрессия, отсутствие инициативы и негативное самочувствие» (Collins, 2004).

Теория ритуалов интеракций — это, в значительной степени, теория мотивации. По утверждению Р. Коллинза, «теория ритуалов интеракций предоставляет теорию индивидуальной мотивации от одной ситуации к другой. Эмоциональная энергия — это то, что люди ищут; ситуации привлекательны или непривлекательны для них в той степени, в которой ритуал интеракции успешен в поддержании эмоциональной энергии» (Collins, 2004). Эмоциональная энергия (emotional energy, EE), которую в этой работе предлагается понимать как *потенциал социального действия*, определяет предпочтительные формы

активности индивида, возможность совершения определенных действий, их эффективность. Чтобы повысить свою эмоциональную энергию, индивид вступает в *ритуалы интеракций* (так Р. Коллинз обозначает любое взаимодействие)[3].

Любой ритуал интеракции зависит от следующих начальных условий: физическое соприсутствие, осознание участниками взаимодействия групповых границ, общий объект внимания (или идентичные действия) и осознание того, что внимание других участников направлено на тот же объект (или они совершают идентичные действия), общее эмоциональное состояние. Степень выраженности этих начальных условий обуславливает эффективность ритуала интеракции, которая выражается следующими характеристиками: степень солидарности (чувство групповой принадлежности), уровень эмоциональной энергии, создание новых или повышение значимости старых символов группы, моральное чувство (чувство правильности того, что делает группа, и готовность её защищать) (Collins, 2004).

Используя аналитическую схему ритуала интеракции (систему доступных эмпирической фиксации переменных), мы можем объяснить особенности того или иного взаимодействия, имевшего место в прошлом, или спрогнозировать результаты будущих взаимодействий. Концептуализация индивида как EE-seeker (искателя эмоциональной энергии) позволяет Р. Коллинзу ввести ещё одно понятие — *рынок ритуалов интеракций*, означающее совокупность доступных индивиду в определенный момент или период ритуалов интеракций. Индивид выбирает те ситуации и партнеров по взаимодействию, которые обеспечивают наибольший прирост эмоциональной энергии. Ключевыми ресурсами, определяющими выбор, являются уровень эмоциональной энергии и культурный капитал (совокупность эмоционально значимых символов) (Collins, 2004).

Одним из факторов, определяющих трудовое поведение индивида, является необходимость материального обеспечения ритуалов интеракций. Независимо от того, предпочитает индивид проводить время за решением рабочих задач, являясь высокомотивированным работником, или общаясь с друзьями на темы, никак не связанные с работой, индивид не может отказаться от пребывания в регионе рынка ритуалов интеракций, связанном с деятельностью, приносящей денежный доход. Немотивированный сотрудник организации вынужден выполнять

[3] Термин «ритуал» в названии теории обозначает связь теории Р. Коллинза с теорией религии Э. Дюркгейма. Выделенные Э. Дюркгеймом элементы религиозного ритуала оказались конститутивными в отношении любого социального взаимодействия. Физическое соприсутствие, общий объект внимания, одновременные действия, групповые границы, эмоционально значимые символы являются важными составляющими не только религиозного ритуала, как заметил Р. Коллинз, но также любого социального взаимодействия. Этот концептуальный перенос Р. Коллинз смог осуществить благодаря И. Гофману, который показал наполненность повседневности неутилитарными условностями и продемонстрировал возможность анализа повседневных нерелигиозных взаимодействий как ритуалов, в которых священным является индивид (индивидуальное «Я»).

рабочие задачи, чтобы получить материальные ресурсы, необходимые для обеспечения других, предпочтительных ритуалов интеракций (Collins, 2004). Регион рынка ритуалов интеракций, связанный с заработком, состоит из определенного рода взаимодействий индивидов, конкретная специфика которых определяется характером организации, в которую включен индивид. Являются эти ритуалы интеракций привлекательными для индивида или нет, зависит от того, насколько эти ритуалы интеракций способны повышать эмоциональную энергию индивида.

На наш взгляд, особый интерес представляет обоснование с точки зрения теории ритуалов интеракции трудовой мотивации специалистов, работающих с техникой, поскольку в отличие от тех профессий, которые предполагают интенсивное взаимодействие с людьми, здесь, казалось бы, нет места ритуалам интеракций, что означает неэвристичность теории Р. Коллинза, а в пределе — её фальсификацию. Р. Коллинз осознает это противоречие и подробно рассматривает вопрос мотивации технических специалистов. Во-первых, само обучение техническим навыкам предполагает участие в ритуалах интеракций с людьми, обладающими экспертным знанием. Интерес к технике не возникает спонтанно, его возникновение всегда опосредовано взаимодействием с людьми, объясняющими и демонстрирующими те или иные аспекты работы с техникой. Поскольку без участия сообщества невозможно само возникновение индивидов, признанных в качестве технических специалистов, технические навыки служат символами принадлежности к сообществу экспертов (специалистов). Использование символов (технические навыки) определяет групповые границы в ритуалах интеракций первого порядка (взаимодействие лицом-к-лицу). Разговор двух специалистов на тему узкоспециальной проблематики обладает всеми признаками эффективного ритуала интеракции:

1) физическое соприсутствие (в лучшем случае, хотя это не обязательное условие);

2) использование эмоционально значимых символов (технические навыки, знания);

3) общее эмоциональное состояние (интерес);

4) сфокусированность внимания на общем объекте (определенная узкоспециальная тема);

5) групповые границы (через исключение из взаимодействия тех, кто не способен поддерживать диалог по причине отсутствия специальных технических знаний и навыков).

Также технические знания и навыки могут быть использованы в ритуалах интеракций второго порядка, т.е. в разговорах о ритуалах интеракций первого порядка: например, технические знания могут быть использованы в разговоре двух специалистов для оценки квалификации третьего. В ритуалах интеракций третьего порядка, т.е. в мышлении, символы принадлежности (технические

знания и навыки) используются как условие возможности таких ритуалов интеракций (так как само мышление в теории ритуалов интеракций концептуализируется как рециркуляция символов) (Collins, 2004).

В рамках теории ритуалов интеракций профессором социологии Уортонской школы Пенсильванского университета Нэнси Ротбард с соавторами было проведено исследование рабочего процесса в коллективах двух проектов (Shield и Gateway) компании Fortune 500 (TechCo), занимающейся разработкой программного обеспечения, которое показало важность ритуалов интеракций первого порядка даже для технических специалистов[4]. Наблюдение и интервью с членами коллективов обоих проектов показали, что в проекте Shield разработчики чаще взаимодействуют, обсуждая рабочие вопросы, делятся знаниями и предлагают собственные решения в неформальном взаимодействии, тогда как в Gateway разработчики склонны решать рабочие задачи в одиночку, встречаясь с коллегами лишь на формальных общих собраниях, где до них доводится в директивном порядке информация и распределяются задания. Субъективно разработчики проекта Gateway воспринимали редкость взаимодействий с коллегами как недостаток рабочего процесса, а разработчики Shield отмечали наличие частых солидарных взаимодействий с коллегами как явное преимущество своего проекта. В обоих коллективах при наблюдении взаимодействий и при проведении интервью фиксировались такие характеристики, как сосредоточенность на общем объекте внимания при взаимодействии, общее эмоциональное состояние, групповые границы и, как результат, изменение эмоционального состояния участников взаимодействий. Частые и солидарные взаимодействия в Shield, соответствующие условиям эффективного ритуала интеракции, обеспечили успешность проекта, в котором высокомотивированные сотрудники выполнили все поставленные перед проектом цели. Проект Gateway, в котором сотрудники чувствовали отчуждение, был закрыт, так и не достигнув поставленных целей (Metiu, Rothbard, 2013).

Таким образом, даже в коллективах разработчиков программного обеспечения, ориентированных на взаимодействие с техникой и часто характеризуемых как «интроверты», рабочие взаимодействия, в которых поддерживается общее эмоциональное состояние и общий фокус внимания, способствуют «энергизации, а не энергетическому истощению людей в группах» (Metiu, Rothbard, 2013). Частота и характер взаимодействий на рабочем месте влияют на эффективность процесса решения рабочих задач. Неформальные взаимодействия, в которых индивиды поддерживают общий фокус внимания (сосредоточение внимания

[4] Исследование интеракций трудовой мотивации именно этой категории работников представляло особый интерес, так как, несмотря на то что разработчик программного обеспечения может быть мотивирован работать эффективно даже в одиночестве, получая удовольствие от непосредственного решения рабочих задач, общение между коллегами по поводу решения текущих рабочих задач (ритуал интеракции первого порядка) и обсуждение неких прошедших событий (ритуал интеракций второго порядка) является важным фактором мотивации персонала и общей эффективности деятельности компании.

на общем объекте или общих действиях при одновременном осознании каждым индивидом того факта, что внимание других участников взаимодействия имеет ту же направленность) и общее эмоциональное состояние, увеличивают вовлеченность каждого работника в рабочий процесс, тогда как вынужденные формальные взаимодействия снижают рабочий потенциал работника.

В другом исследовании, проведенном Н. Ротбард, целью было установление степени зависимости между, с одной стороны, настроением перед рабочим днем, опытом в течение рабочего дня (независимые переменные) и, с другой стороны, качеством и производительностью работников (зависимые переменные). Отобранные для исследования 29 сотрудников двух колл-центров на протяжении трех недель заполняли анкеты перед началом работы и два раза в течение рабочего дня непосредственно после обработки звонков клиентов в колл-центр. В анкетах требовалось оценить собственное эмоциональное состояние и состояние клиента. Данные об эмоциональных состояниях сопоставлялись с данными о продуктивности и качестве выполняемой работы. По результатам исследования была выявлено, что положительное эмоциональное состояние в начале рабочего дня обуславливает склонность работника к положительному восприятию эмоционального состояния партнеров по взаимодействию (клиентов), положительному самочувствию после рабочих событий (звонков клиентов), а также увеличивает продуктивность и качество работы сотрудников. И, наоборот, отрицательное эмоциональное состояние в начале рабочего дня приводит к негативному восприятию партнеров по взаимодействию, рабочих событий и отрицательно сказывается на продуктивности и качестве работы сотрудников (Rothbard, Steffanie, 2011).

Результаты эмпирических исследований Н. Ротбард подтверждают валидность теории ритуалов интеракций Р. Коллинза. Исходя из этого представляется эффективным использование теории ритуалов интеракций для повышения мотивации сотрудников организаций. На прикладном уровне теория ритуалов интеракций предполагает следующие следствия:

1) высокая значимость мониторинга эмоционального состояния персонала;
2) поощрение неформального общения сотрудников;
3) предотвращение и медиация конфликтов;
4) отказ от избыточных негативных санкций;
5) организация параметров взаимодействий сотрудников в соответствии с аналитической схемой ритуалов интеракций Р. Коллинза для повышения их позитивных эффектов.

Ранее в этой статье мы поставили вопросы относительно условий формирования, динамики идентичности сотрудников организации, условий возможности харизматического лидерства в организации. Идентичность в терминах теории ритуалов интеракций — это символ, имеющий эмоциональную значимость для индивида и представленный в виде желаемого образа себя, а также в виде поведен-

ческих особенностей, связанных с этим образом. Индивид может интернализировать некий образ в качестве идеального, участвуя в высокоинтенсивных ритуалах интеракций на стадии первичной (семья) и вторичной (школа, университет) социализации,— в этом случае идентичность может быть несовместима с требованиями организации. Харизматический лидер, будучи инициатором высокоинтенсивных ритуалов интеракций, создателем общезначимых символов, может имплицитно предложить сотрудникам организации собственный образ в качестве идентичности. Харизматический лидер — это индивид с высоким уровнем эмоциональной энергии, находящийся в центре внимания и «заряжающий» энергией прямо или косвенно взаимодействующих с ним индивидов (Collins, 2004).

В этой связи представляется интересным рассмотреть стиль руководства основателя компании Apple Стива Джобса. Он смог стать источником мотивации для сотрудников компании и символом Apple для широкой аудитории потенциальных потребителей продукции. На теоретическом уровне стиль руководства Стива Джобса является «негативным случаем», т.е. потенциально опровергающим базовые или производные теоретические положения явлением. Анализ «негативных случаев» представляется важным с точки зрения проверки научности теории (Поппер, 1983) и её обоснования (Штейнберг, 2009).

Резкость С. Джобса в оценках работы подчиненных, чрезмерная требовательность, безусловно, не могли способствовать продуктивной работе, понижая эмоциональную энергию сотрудников Apple. Однако «управленческий деспотизм» Джобса сочетался с парадоксальным мышлением и общей склонностью к пренебрежению принятыми нормами, что делало его центром внимания (Айзексон, 2012). Джобс своим поведением продуцировал высокоинтенсивные ритуалы интеракций второго (обсуждения его качеств и поступков) и третьего порядков (качества и поступки руководителя как предмет мышления сотрудников). Рядовой сотрудник, демонстрирующий подобное поведение, был бы, скорее всего, уволен, но позиция руководителя и высокие результаты работы компании создавали веру сотрудников в исключительные личные качества Стива Джобса. Харизматическое лидерство — это не производная от личных качеств индивида, присущих ему изначально, а особая конфигурация деталей взаимодействий, наделяющих образ лидера эмоциональной значимостью.

Таким образом, теория ритуалов интеракций предоставляет ясную и адекватную имеющимся в распоряжении социолога инструментам схему анализа различных аспектов мотивации работников. Проектирование корпоративной культуры, создание харизматических лидеров, формирование приверженности работников целям организации, повышение удовлетворенности рабочим процессом,— эти и другие задачи, связанные с формированием трудовой мотивации, вполне поддаются решению в представленной перспективе.

Относительная малоизвестность теории ритуалов интеракций в России лишает менеджеров отечественных компаний научно обоснованных ориентиров

как в отношении мотивации персонала, так и других организационных проблем. С учетом широких возможностей практического применения теории представляются необходимыми дальнейшие эмпирические исследования в рамках этой теории и развитие наличных теоретических ресурсов.

Библиографический список

1. Айзексон, У. (2012). *Стив Джобс*. Пер. с англ. Д. Горяниной, Ю. Полещук, А. Цырульниковой, А. Чередниченко. Москва: «Астрель: CORPUS».
2. Бакурадзе, А. Б. (2013). Влияние ценностей на мотивацию труда педагогов. *Инновационные проекты и программы в образовании*, 1, 18–21.
3. Батыгин, Г. С. (1986). *Обоснование научного вывода в прикладной социологии*. Москва: Наука.
4. Бухарова, Н. В. (2014). Стимулирование в системе мотивации труда. *Социально-политические науки*, 1, 59–65.
5. Гарфинкель, Г. (2007). *Исследования по этнометодологии*. Санкт-Петербург: Питер.
6. Герасименко, Д. А. (2013). Особенности мотивации труда государственных гражданских служащих. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*, 3, 19–29.
7. Гофман, И. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Пер. с англ., под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. Москва: Институт социологии РАН.
8. Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни*. Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
9. Гофман, И. (2009). *Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу*. Пер. с англ.; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. Москва: Смысл.
10. Жулина, Е. Г. (2009). Мотивация труда и её влияние на качество трудовой жизни. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 3, 153–157.
11. Захаров, А. Н. (2014). Особенности и проблемы мотивации труда в сельском хозяйстве. *Вестник НГИЭИ*, 1, 27–37.
12. Коллинз, Р. (2002). *Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений*. Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф.
13. Корзенко, Н. И., Хорева, А. С. (2015). Стимулирование и мотивация труда в организации. *Вестник Челябинского государственного университета*, 1, 127–128.
14. Красников, И. В. (2010). Развитие мотивации труда в условиях становления новых институциональных структур. *Вестник Чувашского университета*, 1, 378–387.
15. Култыгин, В. (2004). Теория рационального выбора — возникновение и современное состояние. *Социологические исследования*, 1, 27–36.
16. Любицкая, В. А. (2011). Система мотивации и стимулирования труда работников промышленного предприятия в рыночной среде. *Известия Иркутской государственной экономической академии*, 1, 99–102.
17. Маслоу, А. (2008). *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Питер.

18. Мид, Дж. Г. (2009). *Избранное*: сб. переводов. Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. Москва: РАН ИНИОН.
19. Наумова, Л. В. (2008). Вознаграждение как фактор мотивации труда преподавателей вузов в 1985–1995 гг.: на материалах Тверской области. *Вестник Чувашского университета*, 4, 93–97.
20. Осипов, Г. В. (2011). *История социологии в Западной Европе и США*. Москва: «НОРМА».
21. Поппер, К. (1983). *Логика и рост научного знания (избранные работы)*. Сост., общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского. Москва: «Прогресс».
22. Пхаладзе, С. Г. (2012). Мотивационные теории персонала и управление мотивацией труда. *Бизнес Информ,* 2, 206–209.
23. Сурикова, Е. А., Радченко, М. О. (2015). Сравнительная характеристика принципов мотивации труда персонала: зарубежный и российский опыт. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*, 19 (1), 94–99.
24. Труфанова, Т. А., Воеводина, А. П. (2013). Проблема управления мотивацией труда в современных организациях. *Социально-экономические явления и процессы*, 6, 138–144.
25. Туев, В. А. (2014). Мотивация труда и развитие потребностей личности. Известия *Иркутской государственной экономической академии,* 4, 177–182.
26. Ушач, И. Г. (2008). Производительность и мотивация труда в сельском хозяйстве. *Аграрный вестник Урала*, 2, 13–16.
27. Федоренко, И. В., Кузьма, Е. В. (2008). Мотивация труда как основа его эффективности. *Вестник клинической больницы,* 51, 3 (3), 29–32.
28. Хуако, А. Н. (2011). Организация и мотивация труда: зарубежный опыт. *Теория и практика общественного развития*, 8, 324–326.
29. Черемошкина, Л. В. (2005). Современные проблемы мотивации труда. *Ученые записки*, 2, 14–23.
30. Штейнберг, И., Шанин, Т., Ковалев, Е., Левинсон, А. (2009). *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. Санкт-Петербург: «Алетейя».
31. Якимов, В. Н. (2012). Стимулирование и мотивация труда в организации. *Государство и гражданское общество: политика, экономика, право*, 4, 61–67.
32. Burns, S. L. (2012). "Lecturing's work": a collaborative study with Harold Garfinkel. *Human Studies*, 35 (2), 175–192.
33. Collins, R. (2004). *Interaction ritual chains.* Princeton: Princeton University Press.
34. Heath, C. & Luff, P. (1992). Collaboration and control: crisis management and Multimedia Technology in London Underground Line Control Rooms. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 1, 69–94.
35. Homans, G. (1974). *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
36. MacKay, R. (1978). How teachers know: a case of epistemological conflict. *Sociology of Education*, 51 (3), 177–187.
37. Mayo, E. (2003). *The human problems of an industrial civilization*. London: Routledge.
38. McGregor, D. (1957). The human side of enterprise. *Management Review*, 2, 41–49.

39. Metiu, A. & Rothbard, N. (2013). Task Bubbles, Artifacts, Shared Emotion, and Mutual Focus of Attention: A Comparative Study of the Microprocesses of Group Engagement. *Organization Science*, 24 (2), 455–475.
40. Rothbard, N. & Steffanie, W. (2011). Waking Up on the Right or Wrong Side of the Bed: Start-of-workday Mood, Work Events, Employee Affect, and Performance. *Academy of Management Journal*, 54 (5), 964–975.
41. Shamir, B. (1991). Meaning, Self and Motivation in Organizations. *Organization studies,* 12 (3), 405–424.
42. Suchman, L. (1987). *Plans and situated actions: the problem of human-machine communication*. New York: Cambridge University Press.
43. Turner, J. (1987). Toward a Sociological Theory of Motivation. *American Sociological Review*, 52 (1), 15–27.

Статья поступила в редакцию 02.11.2015.

……..

SOCIOLOGICAL FOUNDATION OF MOTIVATION: AN EXPLANATORY MODEL OF THE INTERACTION RITUALS THEORY

Pereselkova Z. Y., Inshakov V. V.

Pereselkova Zinaida Yurevna, Orenburg State University, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, 13. E-mail: anizz@yandex.ru

Inshakov Vadim Vadimovich, Orenburg State University, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, 13. E-mail: vadiminshakov@gmail.com

This article is devoted to the study of motivation within sociology with an explanatory model of the theory of interaction ritual R. Collins. The relevance of the topic chosen is justified by the continuing dependence of the sociology of psychological theories of motivation, in this connection, the purpose of the study is to describe and study the effectiveness of a sociological approach to the analysis of labor relations in terms of their impact on the labor motivation of employees. The authors analyzed the relation of general sociological theories to the problems of motivation (exchange theory, symbolic interactionism, ethnomethodology, the psychoanalytic model of personality), highlighted their conceptual foundation. The theory of motivation G. Turner, based on an eclectic mix of all measurable reduction (for motivation purposes of analysis) sociological theories, indicated its lack of attempts of this theoretical "synthesis". In this connection, the authors it substantiates the idea of the possibility of using the theory of interaction ritual R. Collins as a general theory of motivation that can explain the whole range of work of the individual — from the daily nonreflexive routine to extremely concerned and active work. It is proved that one of the factors that determine the labor behavior of the individual is the need for material security rituals interactions. The possibilities of justification from the point of view of the theory of interaction rituals of motivation technicians. Substantiates the validity of the theory of interactional rituals based on empirical studies N. Rothbard, conducted in groups of two projects (Shield and Gateway) Fortune 500 companies (TechCo), software development, and also among employees of call centers.

Key words: labor motivation, interaction ritual theory, emotional energy (EE), EE-seeker, rituals, interaction rituals market, social action.

References

1. Ayzekson, U. (2012). *Stiv Dzhobs* [Stiv Dzhobs]. Per. from english D. Goryaninoy, Yu. Poleschuk, A. Tsyirulnikovoy, A. Cherednichenko. Moscow, "Astrel: CORPUS».

2. Bakuradze, A. B. (2013). Vliyanie cennostej na motivaciyu truda pedagogov [The impact of values on motivation of teachers]. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programmes in education], 1, 18–21.
3. Batygin, G. S. (1986). *Obosnovanie nauchnogo vyvoda v prikladnoj sociologii* [The justification of scientific inference in applied sociology]. Moskva: Nauka.
4. Buharova, N. V. (2014). Stimulirovanie v sisteme motivacii truda [Stimulation in the system of labour motivation]. *Social'no-politicheskie nauki* [Social and political Sciences], 1, 59–65.
5. Garfinkel, G. (2007). *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. St. Petersburg: Peter.
6. Gerasimenko, D. A. (2013). Osobennosti motivacii truda gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih [Features of motivation of civil servants]. *EHlektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-ehkonomicheskogo institute* [Electronic Bulletin of the Rostov social and economic Institute], 3, 19–29.
7. Gofman, I. (2003). *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyita* [Frame Analysis: An Essay on the organization of everyday experience]. Per. from english, ed. G. S. Batyigina i L. A. Kozlovoy; enter. article G. S. Batyigina. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
8. Gofman, I. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Presentation of Self in everyday life]. Per. from english. and enter. article A. D. Kovaleva. Moscow: "Canon-press-C", "Kuchkovo field".
9. Gofman, I. (2009). *Ritual vzaimodeystviya: Ocherki povedeniya litsom k litsu* [Ritual interactions: Essays conduct face to face]. Per. with english; ed. N. N. Bogomolovoy, D. A. Leonteva. Moscow: Meaning.
10. ZHulina, E. G. (2009). Motivaciya truda i eyo vliyanie na kachestvo trudovoj zhizni [Labor motivation and its impact on the quality of working life]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ehkonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov state socio-economic University], 3, 153–157.
11. Zaharov, A. N. (2014). Osobennosti i problemy motivacii truda v sel'skom hozyajstve [Features motivacii i problemy truda v sel'skom hozyajstve]. *Vestnik NGIEHI* [Vestnik NGIEHI], 1, 27–37.
12. Kollinz R. (2002). *Sociologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nyh izmenenij* [The sociology of philosophies. Global theory of intellectual changes]. Per. s angl. N. S. Rozova i YU. B. Vertgejm. Novosibirsk: Sibirskij hronograf.
13. Korzenko, N. I., Horeva, A. S. (2015). Stimulirovanie i motivaciya truda v organizacii [The incentives and motivation of labor in the organization]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 1, 127–128.
14. Krasnikov, I. V. (2010). Razvitie motivacii truda v usloviyah stanovleniya novyh institucional'nyh struktur [The development of labor motivation in the conditions of formation of new institutional structures]. *Vestnik CHuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 1, 378–387.
15. Kultygin, V. (2004). Teoriya racional'nogo vybora — vozniknovenie i sovremennoe sostoyanie [Rational choice theory — the emergence and current state]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1, 27–36.

16. Lyubickaya, V. A. (2011). Sistema motivacii i stimulirovaniya truda rabotnikov promyshlennogo predpriyatiya v rynochnoj srede [The system of motivation and stimulation of work of workers of industrial enterprises in a market environment]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoj akademii* [News of Irkutsk state economic Academy], 1, 99–102.
17. Maslou, A. (2008). *Motivaciya i lichnost* [Motivation and personality]. Sankt-Peterburg: Piter.
18. Mid, Dzh. G. (2009). *Izbrannoe: sb. Perevodov* [Favorites: collection of translations]. Sost. i perevodchik V. G. Nikolaev. Otv. red. D. V. Efremenko. Moskva: RAN INION.
19. Naumova, L. V. (2008). Voznagrazhdenie kak faktor motivacii truda prepodavatelej vuzov v 1985–1995 gg.: na materialah Tverskoj oblasti [Reward as factor of motivation of University teachers in 1985–1995 years: on materials of the Tver region]. *Vestnik CHuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 4, 93–97.
20. Osipov, G. V. (2001). *Istoriya sotsiologii v Zapadnoy Evrope i SShA* [History of Sociology in Western Europe and the United States]: Proc. Benefit. Moscow: "Norm".
21. Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya (izbrannye raboty)* [Logic and growth of scientific knowledge (selected works)]. Sost., obshch. red. i vstup. stat'ya V. N. Sadovskogo. Moskva: "Progress".
22. Phaladze, S. G. (2012). Motivacionnye teorii personala i upravlenie motivaciej truda [Motivational theories of personnel management and motivation]. *Biznes Inform* [Business Inform], 2, 206–209.
23. Surikova, E. A., Radchenko, M. O. (2015). Sravnitel'naya harakteristika principov motivacii truda personala: zarubezhnyj i rossijskij opyt [Comparative characteristics of the principles of motivation of personnel: foreign and Russian experience]. *EHkonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya* [Economics and management in XXI century: tendencies of development], 19 (1), 94–99.
24. Trufanova, T. A., Voevodina, A. P. (2013). Problema upravleniya motivaciej truda v sovremennyh organizaciyah [The problem of motivation in modern organizations]. *Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i process* [Socio-economic phenomena and processes], 6, 138–144.
25. Tuev, V. A. (2014). Motivaciya truda i razvitie potrebnostej lichnosti [Labor motivation and development needs of the individual]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoj akademii* [News of Irkutsk state economic Academy], 4, 177–182.
26. Ushach, I. G. (2008). Proizvoditel'nost' i motivaciya truda v sel'skom hozyajstve [The performance and motivation of labour in agriculture]. *Agrarnyj vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2, 13–16.
27. Fedorenko, I. V., Kuz'ma, E. V. (2008). Motivaciya truda kak osnova ego ehffektivnosti [Labor motivation as a basis for its effectiveness]. *Vestnik klinicheskoj bol'nicy*, 51 [Bulletin of clinical hospital No. 51], 3 (3), 29–32.
28. Huako, A. N. (2011). Organizaciya i motivaciya truda: zarubezhnyj opyt [Organization and motivation of labour: foreign experience]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 8, 324–326.
29. CHeremoshkina, L. V. (2005). Sovremennye problemy motivacii truda [Modern problems of labor motivation]. *Uchenye zapiski* [Scientific notes], 2, 14–23.

30. SHtejnberg, I., SHanin, T., Kovalev, E., Levinson, A. (2009). *Kachestvennye metody. Polevye sociologicheskie issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research]. Sankt-Peterburg: "Aletejya".
31. YAkimov, V. N. (2012). Stimulirovanie i motivaciya truda v organizacii [The incentives and motivation of labor in the organization]. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo [The state and civil society: politics, Economics, law], 4, 61–67.
32. Burns, S. L. (2012). "Lektorskaya rabota": sovmestnoe issledovanie s Garol'd Garfinkel' ["Lecturing's work" a collaborative study with Harold Garfinkel]. *Issledovaniya Na Lyudyah* [Human Studies], 35 (2), 175–192.
33. Kollinz, R. (2004). *Cepochki ritualov interakcij* [Interaction ritual chains]. Princeton: Princeton University Press.
34. Hit, K., Laff, P. (1992). Sotrudnichestvo i kontrol': krizisnyj menedzhment i mul'timedijnye tekhnologii v londonskih komnatah kontrolya podzemnyh linij [Collaboration and control: crisis management and Multimedia Technology in London Underground Line Control Rooms]. *Komp'yuternaya podderzhka kooperativnoj raboty (KPKR)* [Computer Supported Cooperative Work (CSCW)], 1, 69–94.
35. Homans, G. (1974). *Social'noe Povedenie: Ego EHlementarnye Formy* [Social Behavior: Its Elementary Forms]. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
36. MakKej, R. (1978). Otkuda uchitelya znayut: sluchaj ehpistemologicheskogo konflikta [How teachers know: a case of epistemological conflict]. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], 51 (3), 177–187.
37. Mehjo, E. H. (2003). *CHelovecheskie problemy industrial'noj civilizacii* [The human problems of an industrial civilization]. London: Routledge.
38. MakGregor, D. (1957). CHelovecheskaya storona predpriyatiya [The human side of enterprise]. *Upravlencheskoe obozrenie* [Management Review], 2, 41–49.
39. Meht'yu, A., Rotbard, N. (2013). Puzyri zadach, artifakty, obshchee ehmocional'noe sostoyanie i obshchij fokus vnimaniya: sravnitel'noe issledovanie mikroprocessov gruppovogo vovlecheniya [Task Bubbles, Artifacts, Shared Emotion, and Mutual Focus of Attention: A Comparative Study of the Microprocesses of Group Engagement]. *Teoriya organizacii* [Organization Science], 24 (2), 455–475.
40. Rotbard, N., Stehffani, V. (2011). Prosypayas' na pravil'noj ili nepravil'noj storone krovati: nastroenie v nachale rabochego dnya, rabochie sobytiya, affekt rabotnika i proizvoditel'nost'[Waking Up on the Right or Wrong Side of the Bed: Start-of-workday Mood, Work Events, Employee Affect, and Performance]. *ZHurnal akademii menedzhmenta* [Academy of Management Journal], 54 (5), 964–975.
41. Shamir, B. (1991). Znachenie, samost' i motivaciya v organizaciyah [Meaning, Self and Motivation in Organizations]. *Issledovaniya organizacij* [Organization studies], 12 (3), 405–424.
42. Sachmen, L. (1987). *Plany i situativnye dejstviya: problema kommunikacii "chelovek-mashina"* [Plans and situated actions: the problem of human-machine communication]. New York: Cambridge University Press.
43. Tyorner, Dzh. (1987). K sociologicheskoj teorii motivacii [Toward a Sociological Theory of Motivation]. *Amerikanskoe sociologicheskoe obozrenie* [American Sociological Review], 52 (1), 15–27.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ДИАСПОР В ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Оркени А., Секельи М.

Оркени Антал, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия, H-1117 Будапешт, Pázmány Péter sétány 1/A. Эл. почта: orkeny@tatk.elte.hu.

Секельи Мария, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия, H-1117 Будапешт, Pázmány Péter sétány 1/A. Эл. почта: szekelyi@tatk.elte.hu.

Представленная работа основана на эмпирическом социологическом исследовании различных аспектов принадлежности людей к диаспоре и их этнической и национальной идентичности в пограничных областях Восточной Европы. Рассмотрены группы из этнических меньшинств в восьми странах, которые находятся на фронтире Центральной и Восточной Европы. Показано, как этнические меньшинства относятся к своему статусу в принимающей стране, если их родная страна служит местом жительства этнического меньшинства того же происхождения, что и большинство принимающей страны. Анализ воссоздает образ этнического меньшинства на социальном уровне. Смоделированы личная и коллективная идентичность в качестве фонда знаний, основанных на когнитивных и аффективных компонентах, и протестировали их в разных этнических диадах. Проанализированы способность последующих поколений передавать паттерны этнической идентичности внутри семьи, а также роль, которую играют использование языка и круг общения человека в сохранении личной этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, пограничная область, диаспора, Восточная Европа, этническая диада, национальное сознание.

Введение и рассматриваемые вопросы

Представленная работа основана на эмпирическом исследовании различных аспектов принадлежности людей к диаспорам и социально-психологических характеристик их этнической и национальной идентичности в приграничных областях Европы. Анализ пограничной этнической идентичности может осуществляться исследователями с нескольких точек зрения. Во-первых, к изучению фонда знаний об этнической и национальной идентичности можно подходить с позиции различных исторических, политических и культурных аспектов, во-вторых, он может рассматриваться в рамках политических и интеллектуальных процессов, во время которых происходит формирование и изменение этих знаний, а также трансформация, переписывание и преобразование разными субъектами полотна знаний. В-третьих,

эти знаний проявляются в этнических и национальных символах, объектах, текстах и событиях (Gerő, 2006). Наконец, мы можем попытаться раскрыть компоненты идентичности и механизмы идентификации, которые обнаруживаются в повседневной жизни, и проанализировать, как они меняются с течением времени, что очень важно для этого исследования. Поэтому тематикой данного исследования является диаспора, или этническое меньшинство, не как сформировавшееся исторически сообщество или интеллектуальная хроника, или культурная традиция, а как сообщество членов, обычных людей. Целью данного подхода является воссоздание представлений об этническом меньшинстве, которые складываются из ежедневных наблюдений, установок и оценочных суждений в уме индивидуума, а также представлений, собранных в целостную идентичность в качестве некоторого коллективного фонда знаний на социальном уровне (Brubaker at al, 2004).

Исследование повседневных социально-психологических черт национального сознания и этнической идентичности предполагает использование модели, которая была разработана Д. Чепели на основе его обзоров в 1980-х и 1990-х гг. (Csepeli, 2000). Вариант этой модели также рассматривается в анализе Х. Деккера (Dekker, 2003). Эти модели в сущности описывают идентичность как фонд знаний о когнитивных и аффективных компонентах, которые создают целостную структуру из иерархии тесно связанных частей. Первичным уровнем этнической, или национальной, принадлежности является спонтанная эмоциональная идентификация, которая создает ощущение общности с группой, определяемой членами нации. На этой эмоциональной основе формируются различные установки, побуждения, ценности и идеологии, которые конструируют идентичность. Нация как совокупность членов социальной или этнической группы получает ориентиры и информационное наполнение, которые обеспечивают развитие индивидуальных рамок психологической идентификации от инстинктивной и до осознанной формы с помощью различных категоризаций, атрибуций, стереотипов, а также этноцентризма и национализма.

Это исследование максимально приближено к структуре модели Деккера — Чепели. Нашим главным вопросом является определение факторов, которые влияют на выбор стратегий ассимиляции этнических диаспор: продолжает, прерывает или повторяет индивид многосюжетную историю, в результате чего он определяет себя как член той или иной этнической группы, или, напротив, эмоциональные и аффективные компоненты играют в этом решающую роль. Главная выдвигаемая нами гипотеза состоит в том, что в случае этнических диаспор на этническую идентичность влияют не только когнитивные и аффективные механизмы, но также моменты жизненного пути. Мы предполагаем, что эти два фактора определяют выбор между стратегиями ассимиляции и интеграции (Csepeli, Örkény, Székelyi, 2000).

Исследование этнического происхождения предков респондентов показывает, что этноистория семьи содержит противоречивые тенденции, которые зарождаются на основе процесса этнической гомогенизации, присущего для развития национального государства, а также несут в себе следы напряженности ассимиляции и диссимиляции. Нам необходимо ответить на следующие вопросы: в какой мере последующие поколения способны передавать паттерны этнической гомогенности внутри семьи, и если не способны, то когда нарушается паттерн и как он замещается гетерогенностью (Sanders, 2002).

Поскольку мы спрашивали респондентов, из каких национальных и этнических групп они выбирают супругов, мы также можем продемонстрировать текущие паттерны этнической гомогенности или гетерогенности внутри семьи. Брак играет, очевидно, ключевую роль в стратегии выживания этнической диаспоры в позиции меньшинства. Лингвистическая толерантность оказывает значительное влияние на отношения между этническим меньшинством и большинством, которое считается государствообразующей нацией.

Лингвистическая гомогенизация заложена в программе национальной гомогенизации, что представляет значительную сложность для членов группы, стремящихся сохранить использование языка меньшинства. Они могут устранить сложность, только если они начинают говорить на языке, который считается официальным языком государства, т.е. языком большинства (Eriksen, 1992). Не только практика использования языка, но и этническая гомогенность или гетерогенность личного круга общения играет важную роль в сохранении или ограничении личной этнической идентичности. Этнический состав ближайшего окружения может сильно повлиять на построение идентичности и самоидентификацию (Brubaker, 2004).

Для обоснования нашей главной гипотезы мы сначала рассматриваем личную историю идентичности и демонстрируем, чем определенные диаспоры похожи и чем отличаются друг от друга в процессе конструирования их собственных этнических идентичностей. Сначала мы рассмотрим, как конструируется личная идентичность людей, потом обратимся к моментам жизненного пути, повлиявшим на конструирование личной идентичности (такие, как этнические корни семьи и происхождение, образование и родной язык, используемый для коммуникации язык, этнический состав семейных пар и этнический состав социальной сети). На следующем этапе мы вводим некоторые когнитивные элементы структуры (такие, как спонтанная эмоциональная идентификация и чувство гордости за свою этническую диаспору, социальная дистанция и доверительные отношения со своей группой и другими), которые являются частью построения идентичности. В заключительной части мы рассматриваем характеристики стратегий интеграции–ассимиляции диаспоры и пытаемся описать систему категорий, которая стоит за этими стратегиями, на основе которых члены диаспоры строят свою национальную идентичность.

Методология

В эмпирической социологии часто обсуждается вопрос, кого считать членом определенной группы (этнической, религиозной и т.д.): тех, кто причисляет себя к ней, или тех, кто считается членом группы теми, кто к группе не принадлежат. Этот вопрос не затрагивался в международном исследовании, проведенном в восьми странах[1] в 2010 г. Исследование было спроектировано таким образом, что в качестве индикатора принадлежности к группе рассматривалась только самоидентификация респондентов, а мнение внешних субъектов во внимание не принималось. Тем не менее в исследовании проводился анализ на разных уровнях, так как наличие респондентов из меньшинств в восьми странах позволило создать диады. Например, мы смогли сравнить словаков, живущих в Венгрии, с венграми, живущими в Словакии, и, таким образом, проанализировать, как каждая из этих стран «относится» к этнической группе, чья родина является местом жительства меньшинства, принадлежащего к этническому большинству другой и проживающего в отрыве от него. Мы смогли рассмотреть, как данные страны воспринимаются меньшинством, которое живет в них. Предположим, совпадает ли опыт проживания в Украине у поляков и белорусов? Мы можем пойти дальше и задаться вопросом, в какой стране жить данным меньшинствам легче. К примеру, лучше ли относятся к польскому меньшинству в Украине или в Белоруссии? Объединяя другие международные исследования, мы изучаем положение данных меньшинств, сравнивая их установки с установками большинства в принимающей их стране.

В нашем анализе задействованы 4 диады, состоящие из восьми групп этнических меньшинств[2], а именно:

1. Русские в Литве — литовцы в России.
2. Поляки в Украине — украинцы в Польше.
3. Белорусы в Польше — поляки в Белоруссии.
4. Словаки в Венгрии — венгры в Словакии.

Выборка является представительной для всех членов, принадлежащих к группе этнического меньшинства, от 18 лет или старше. Размер выборки этнических групп в данных стран составлял от 400 до 800 респондентов[3].

---

[1] Странами, в которых проводилось исследование, являются Белоруссия, Польша, Латвия, Литва, Венгрия, Россия, Словакия и Украина.

[2] Размер выборки составил от 400 до 800 представителей этнической группы в каждой из рассматриваемых стран. В целях последующей интерпретации различий между группами, с тем, чтобы разработанные комплексные показатели имели равный вес во всех группах, мы «изменили» размер выборки во всех этнических группах. Для этого мы прибегли к простому перевзвешиванию.

[3] Сбор данных осуществлялся на основе личного интервью на шести языках, стандартный социологический опросник для определения взглядов и когнитивных аспектов состоял из 60 четко сформулированных закрытых вопросов.

Результаты

1. Личная этническая идентичность

Для ощущения принадлежности к группе или развития этнической идентичности необходимо, чтобы индивид имел связь со своей (этнической) группой. Сам факт рождения в юридическом смысле делает очевидной принадлежность к группе, в психологическом же смысле необходимо наличие «наполнения» и укрепление идентичности эмоциональным и когнитивным содержанием. Однако для диаспоры ситуация не так проста. В Восточной Европе государственные границы не раз менялись. Следовательно, факт рождения на территории одной страны не гарантирует того, что индивид останется гражданином этой страны, даже если он не поменяет места жительства ни разу в жизни. Этот парадокс подчеркивает значение роли эмоциональных и когнитивных компонентов в развитии этнической идентичности. Мы не изучали вопрос о том, какие факторы имеют определяющую функцию в решении индивида продолжить, завершить или вновь начать многосюжетную историю, через которую он/она относит себя к членам диаспоры. История диаспоры — и внутри нее истории ее индивидуальных членов — относится к противоречивым акцентам ассимиляции и диссимиляции процесса национальной гомогенизации, присущего развитию национального государства.

Основным вопросом является, считают ли члены данной группы меньшинства себя принадлежащими к принимающей стране или к родине. Дает ли диаспора в стране проживания базу для создания идентичности или такие индивиды отделяют себя от большинства на основании происхождения?

При самоидентификации респонденты главным образом выбирали «этническое меньшинство», что означает принадлежность к диаспоре в их принимающей стране. Особенно венгры в Словакии и поляки в Украине (почти 70% в обеих группах) выбрали принадлежность к диаспоре в качестве основания их идентичности. На втором месте по распространенности был вариант принадлежности к большинству, хотя значительными были показатели и противоположного варианта (принадлежность к национальности этнически родной страны). Так видят себя белорусы в Польше (60%), а также значительная часть литовцев в России (почти 40%). По сравнению с другими группами русские в Литве и поляки в Белоруссии показали относительно высокую часть (более 20%) членов, которые определяют свою принадлежность к родной стране. Полное слияние с населением принимающей страны достаточно редко. Только среди словаков, живущих в Венгрии, респондентов, выбравших этот вариант, было более 10% (табл. 1). Варианты, предложенные для определения этнической идентичности: от строгой принадлежности к исходной этнической группе до полного включения в общественное большинство — можно рассматривать как стадии процесса ассимиляции. В этом смысле словаки, живущие в Венгрии, и белорусы, живущие в Польше, могут считаться самыми ассимилированными

Таблица 1

Этнический статус, основанный на самоидентификации по отношению к меньшинству, %

Диады	Принадлежность к национальности этнически родной стране	Диаспора	Смешанная принадлежность к национальности принимающей страны и к этнически родной стране	Принадлежность к национальности принимающей страны	Итого
Русские в ЛИТВЕ	**22,6**	61,7	*14,5*	1,2	100,0
Литовцы в РОССИИ	*7,6*	49,5	**38,6**	4,3	100,0
Поляки в УКРАИНЕ	11,8	**68,4**	19,8	—	100,0
Украины в ПОЛЬШЕ	15,5	65,9	17,3	1,3	100,0
Белорусы в ПОЛЬШЕ	*2,5*	*36,6*	**59,3**	1,5	100,0
Поляки в БЕЛОРУССИИ	**21,5**	60,5	18,0	—	100,0
Словаки в ВЕНГРИИ	—	65,8	21,9	**12,2**	100,0
Венгры в СЛОВАКИИ	16,4	**69,0**	13,4	1,3	100,0

Примечание. В таблице жирным шрифтом выделены значения выше средних, а курсивом выделены значения ниже средних.

меньшинствами, в том время как русские в Литве, поляки в Белоруссии и венгры в Словакии являются меньшинствами, которые сохранили свою идентичность.

2. Моменты жизненного пути как основание идентичности

Если родители индивидуума принадлежат к этническому меньшинству, но он родился в принимающей стране, есть вероятность, что он будет чувствовать принадлежность к стране проживания. Вероятность возрастает, если (по крайней мере)[4] один из родителей является членом большинства.

Сначала рассмотрим этнические корни респондентов: вырастили ли их родители, состоящие в смешанном браке, принадлежат ли оба родителя к этническому меньшинству.

Можно сделать вывод, что во всех этнических меньшинствах родители предпочитают супруга из их собственной этнической группы. Большинство родителей респондентов родились в родной стране, но стали гражданами принимающей страны, причем причиной стала не смена места жительства, а изменение государственных границ. Количество гомогенных браков родителей увеличится, если мы включим те случаи, когда оба родителя являются членами

[4] Есть случаи, в которых родители респондентов считались принадлежащими к группе большинства в «принимающем» обществе, а ребенок тяготеет к идентичности своих прародителей (бабушек и дедушек) и с этой точки зрения позиционирует себя ближе к диаспоре или стране происхождения последних.

Таблица 2

Этническая принадлежность родителей, %

Диады	Из принимающей страны	Принимающая и родная страна или диаспора	Родная страна или диаспора и третья этническая группа	Родная страна или диаспора	Родная страна	Итого
Русские в ЛИТВЕ		13,8	**20,5**	*10,5*	**54,9**	100,0
Литовцы в РОССИИ	**4,5**	**26,1**	8,7	*2,6*	**58,0**	100,0
Поляки в УКРАИНЕ	1,2	**30,8**	2,1	*2,4*	**63,4**	100,0
Украины в ПОЛЬШЕ	1,7	*7,3*	2,9	33,7	54,4	100,0
Белорусы в ПОЛЬШЕ	1,1	*4,6*	*1,7*	**80,8**	*11,7*	100,0
Поляки в БЕЛОРУССИИ		15,7	4,0	29,7	50,6	100,0
Словаки в ВЕНГРИИ	**6,1**	11,9	*1,9*	**71,6**	*8,5*	100,0
Венгры в СЛОВАКИИ	1,0	14,5	2,8	17,6	**64,0**	100,0

диаспоры. Этнически смешанные браки были редки среди поколения родителей, хотя они появляются немного чаще среди поляков на Украине и литовцев в России (табл. 2).

Родители большинства *русско-литовской* диады (55% и 58% соответственно) выбирают партнеров из родной страны. Родители литовского меньшинства часто жили в этнически смешанных браках (например, выбирали русского супруга/супругу). Число литовских респондентов, у которых двое русских родителей, выше среднего. Этот парадокс можно объяснить тем, что во времена Советского Союза существовало меньше возможностей для официального и точного представления этнической идентичности. Конечно, возможно, этот феномен отражает первые признаки пробуждения чувства принадлежности к нации у литовцев. Мы рассмотрим этот момент далее. Русские, живущие в среде этнического меньшинства, часто растут в семьях, где один из родителей является русским, а другой из еще одной (не литовской) этнической группы. Понять это явление можно, вновь вернувшись к тому, что Советский Союз выступал как огромный «плавильный котел».

В случае *польско-украинской* диады большинство родителей выбирают супругов из своей этнической группы (83% и 54% соответственно). Польские родители сравнительно часто отказываются от этнической гомогенности (31%) и выбирают супругов из украинцев. Закрытие границ привело к тому, что в поколении родителей было мало браков между членами диаспоры и гражданами родной страны.

В *польско-белорусской* диаде родители-белорусы вступали в браки почти исключительно с членами своей этнической группы (93%), при этом более

80% родителей польских респондентов жили в этнически-гомогенных браках. Родители поляков, живущих в Украине, чаще вступали в смешанные браки, чем родители украинцев, составляющих второй элемент диады.

И наконец, в *словацко-венгерской* диаде также подавляющее большинство родителей жили в гомогенных браках (80%). При этом в браках родителей словаков часто один родитель был членом диаспоры, а второй — из родной страны, а большинство венгерских браков заключалось между членами диаспоры[5]. Пропорция словацко-венгерских смешанных браков не отличалась от среднего для других этнических групп (12% и 15%). Также среди словаков и венгров мы отметили тенденцию, похожую на русских в Литве: в то время как родители считают себя частью этнического большинства принимающей страны, сами респонденты считали себя частью меньшинства. Мы позже вернемся к вопросу укрепления этнической самоидентификации.

Мы предполагаем, что в процессе построения личной этнической идентичности эмоциональная привязанность к личной идентичности частично зависит от того, родился ли индивид в принимающей стране или она стала местом проживания позже, возможно, даже во взрослом возрасте в результате переселения или иных событий. Миграция может предложить индивиду широкий выбор идентичности, что может привести к изменению идентичности, потере ее или созданию двойной идентичности. Еще одним определяющим фактором является посещение школы, в которой языком преподавания был родной язык, а также использование родного языка или языка принимающей страны в семейном обиходе. Последний фактор часто связан с составом семьи: является ли семья этнически гомогенной или смешанной; а также с принадлежностью супруга/супруги (если он/она есть) к принимающей или родной стране.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению того, насколько часто члены этнических меньшинств посещали школы, где занятия велись на их родном языке, мы должны пояснить, что данный индикатор указывает не только на роль языка в сохранении этнической идентичности. Исторический период, во время которого проходило обучение в школе, также важен: было ли доступно на тот момент обучение в школе на языке меньшинства в принимающей стране и существовали ли вообще школы и университеты, где преподавание велось на языке меньшинства.

За исключением словацко-венгерской диады, во всех диадах одна из частей находится в более выгодном положении. В то время как большинство русских в Литве изучали свой родной язык, всего лишь примерно треть литовцев, жи-

[5] Важно отметить, что такие расхождения могут объясняться возрастной структурой выборке. Средний возраст по выборке словаков больше, а их родители вступали в брак раньше, когда границы часто менялись. Респонденты не могли точно вспомнить, родились ли их родители на родине или были членами национальных меньшинств, проживающих на территориях, присоединенных Венгрией.

Таблица 3

Изменения в количестве представителей, получивших образование на языке, родном для меньшинства, %

Диады	Посещение школ с родным языком	Перед ВМВ	До 20-го конгресса	Эпоха Брежнева	Горбачев и после	Итого
Русские в ЛИТВЕ	Не посещали	6,5	5,3	9,4	34,2	10,3
	Посещали	93,5	94,7	90,6	65,8	**89,7**
Литовцы в РОСИИ	Не посещали	16,4	54,0	75,1	76,8	***64,0***
	Посещали	83,6	46,0	24,9	23,2	36,0
Поляки в УКРАИНЕ	Не посещали	74,4	92,6	80,2	57,9	***78,3***
	Посещали	25,6	7,4	19,8	42,1	21,8
Украинцы в ПОЛЬШЕ	Не посещали	54,5	41,2	26,9	19,0	34,0
	Посещали	45,5	58,8	73,1	81,0	**66,0**
Белорусы в ПОЛЬШЕ	Не посещали	36,3	20,0	35,0	46,7	33,5
	Посещали	63,7	80,0	65,0	53,3	**66,5**
Поляки в БЕЛОРУСИ	Не посещали	80,5	98,6	95,0	89,7	***91,0***
	Посещали	19,5	1,4	5,0	10,3	9,0
Словаки в ВЕНГРИИ	Не посещали	39,0	15,2	22,4		29,1
	Посещали	61,0	84,8	77,6	100,0	**70,9**
Венгры в СЛОВАКИИ	Не посещали	13,4	19,6	22,1	28,6	20,3
	Посещали	86,6	80,4	77,9	71,4	**79,7**

вущих в России, учились — или могли учиться — в школе, где преподавание велось на литовском языке. У поляков не было широких возможностей учить польский в Украине, при этом большинство украинцев обучалось в непольской школе в Польше. Положение поляков в Белоруссии было не лучше при том, что 91% из группы посещал русскоязычные школы, в то время как большинство белорусов в Польше учили свой родной (русский) язык. Наличие возможности изучать и использовать родной язык характерно для обеих частей венгерско-словацкой диады.

Чтобы составить представление о воздействии изменений в образовательных возможностях с течением времени, нам необходимо рассмотреть живущие в разные периоды поколения, которые получали или имели возможность получать школьное образование на своем родном языке (табл. 3).

Расширение свобод по-разному подействовало на Советское государство. Русские все меньше хотели быть «русскими» в Литве, в то время как литовцы все больше выбирали литовские школы, если двигаться по временной оси от сталинского периода к распаду Советского Союза. В польско-украинской диа-

де обе этнические группы все чаще отдавали предпочтение образовательным возможностям на родном языке. Что касается белорусов в Польше, сложно определить их родной язык. Более 90% населения Белоруссии говорит на русском языке, а белорусский язык (который является прежде всего официальным языком) используется гораздо реже. Принимая это во внимание, колеблющаяся тенденция к получению образования на родном языке не является отражением изменения возможностей обучения на белорусском языке, но относится к русскому языку.

Лингвистическая толерантность может глубоко повлиять на отношения между национально-этническими меньшинствами и государствообразующим большинством. Национальная гомогенизация несет в себе возможность лингвистической гомогенизации, что может стать серьезным вызовом для членов группы, стремящихся сохранить использование родного языка. На этот вызов можно ответить, только выучив официальный государственный язык, т.е. язык большинства. В то же время одним из необходимых условий сохранения идентичности является знание и использование родного языка в повседневной жизни. В этом смысле белорусы и украинцы находятся в любопытной ситуации, поскольку большинство в их стране говорит на русском, поэтому среди них мало распространено знание родного языка. Большая часть оставшегося меньшинства (80%) говорит на родном языке. Большинство поляков (49% в Белоруссии и 30% на Украине) не говорит на родном языке, и четверть литовцев, живущих в России, не говорит на литовском. Все венгры и русские говорят на их родном языке, и всего лишь десятая часть словаков не говорит на словацком. (Стоит отметить, что интеграция возможна только через знание официального языка принимающей страны. Члены меньшинства учат официальный язык принимающей страны. Исключением являются русские и литовцы, больше 10% которых не говорит на официальном языке государства. Среди русских пожилые люди (средний возраст — 67 лет) смогли прожить всю жизнь, не говоря на литовском, и на момент опроса не знали этого языка).

Повседневное использование родного языка характерно для трети всех рассматриваемых меньшинств. Еще треть использует и родной язык, и государственный язык в домашних условиях, а оставшаяся треть пользуется дома только языком принимающей страны. Между рассматриваемыми меньшинствами существуют значительные отличия.

На рис. 1 показано, что русские и венгры говорят на родном языке дома, и только несколько процентов параллельно пользуются государственным языком. (Это явление также предвосхищает то, что важным фактором сохранения идентичности остается этнический состав семьи.) Польские и литовские семьи редко используют родной язык. Белорусы и украинцы используют два языка для общения дома, одним из которых является официальный язык принимающей

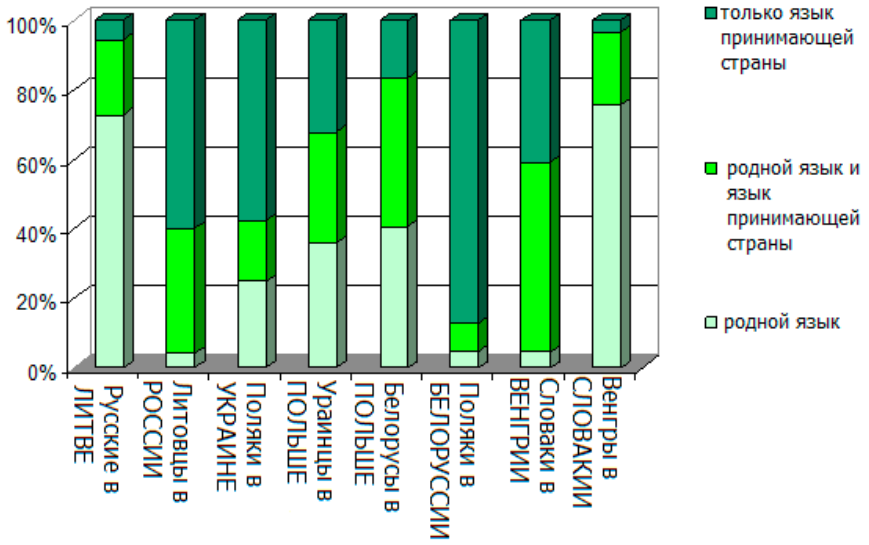

Рис. 1. Использование языков в семьях меньшинств,%

страны, вторым же становится не белорусский и не украинский, а русский[6]. Для словаков характерен билингвизм, но многие говорят на венгерском дома.

Использование языка в домашних условиях большей частью зависит от языковых знаний членов семьи. Мы можем сказать, что подавляющее большинство членов меньшинств говорит на языке принимающей страны, большинство также знает свой родной язык.

Использование родного языка при общении внутри семьи более распространено в семьях, где все члены знают язык, т.е. когда супруги принадлежат к одной этнической группе. Исследование этнических меньшинств показывает (Stevens, 1985), что этнически смешанные семьи используют для общения язык большинства, таким образом, смешанные браки являются предвестниками ассимиляции.

Немного более половины респондентов (56%) состоят в браке или в длительных отношениях. Поэтому этническое происхождение супруга / супруги является индикатором с ограниченным потенциалом с точки зрения исследования сохранения идентичности или ассимиляции.

Смешанные браки наиболее распространены среди литовской и словацкой групп, при этом они сравнительно редки среди белорусов и венгров. Выбор партнера из родной страны во многом, как и выбор школы, где преподавание ведется на родном языке, является не просто функцией личного выбора. Были времена, когда заключить брак с гражданином другой страны было сложно, и были времена, когда диаспора была все еще частью родной страны, следова-

[6] См. обсуждение использования родного языка в данном разделе.

Таблица 4

Состав круга общения по меньшинствам, %

Друзья					Итого
Элемент диады	Только принимающая страна	Смешанный	Только диаспора	Только родная страна	
Литва, русские	*8,8*	51,1	27,3	**12,8**	100,0
Россия, литовцы	**29,0**	**65,7**	*2,7*	2,7	100,0
Украина, поляки	23,1	46,8	28,8	*1,3*	100,0
Польша, украинцы	**36,2**	33,8	27,5	2,5	100,0
Польша, белорусы	16,1	*25,9*	**56,7**	*1,3*	100,0
Белоруссия, поляки	*4,5*	**67,4**	28,1		100,0
Венгрия, словаки	**27,2**	*22,9*	**48,7**	*1,2*	100,0
Словакия, венгры	4,1	40,7	**50,0**	5,2	100,0

тельно, выбор партнера из родной страны не представлял сложности. Сейчас некоторые границы не представляют значительной преграды (например, венгеро-словацкая граница), другие же сложно пересечь. Мы также можем отметить, что большинство белорусов (86%), венгров (83%), украинцев (65%) и русских (64%) состоят в гомогенных браках, это в меньшей степени проявляется у поляков в Белоруссии и Украине (61% и 51% соответственно).

«Готовность» этнического меньшинства ассимилироваться, т.е. степень того, насколько его члены пытаются сохранить свои отличия внутри родной страны, или, наоборот, насколько они пытаются смешаться с общественным большинством, хорошо иллюстрируется составом круга общения (Berry, 1997).

В табл. 4 горизонтальная организация столбцов представляет собой степень ассимиляции: наибольшая ассимиляция указана в левом столбце. В нем указано количество тех членов меньшинства, которые имеют друзей только из большинства принимающей страны, следом стоят этнически смешанные группы, следующая группа состоит из представителей с контактами исключительно внутри диаспоры, в последнем столбце указаны индивиды, у которых друзья исключительно из родной страны. Рассматриваемые меньшинства находятся на разных ступенях этого процесса, но во всех меньшинствах большинство — в большей или меньшей степени — выбирает друзей из самого меньшинства. Тем не менее от страны и рассматриваемого меньшинства сильно зависит, состоит ли круг общения исключительно из членов диаспоры (с несколькими друзьями из родной страны) или формируется из представителей принимающей страны. С этнической точки зрения самыми закрытыми меньшинствами являются белорусы, венгры и словаки, в которых 58%, 55% и 51% соответственно выбирают друзей исключительно из диаспоры или родной страны. Среди украинцев,

литовцев и словаков распространена дружба только с представителями принимающей страны (примерно 30%). Индивиды, которые строят сеть контактов, сочетая членов диаспоры и общественного большинства, следуют уравновешенному подходу. Это характерно для литовцев и поляков в Белоруссии. Этнически гетерогенные круги общения наиболее редки среди словаков и белорусов.

3. Когнитивные элементы идентичности диаспоры

В предыдущих разделах мы анализировали, как этническая принадлежность, национальное происхождение и история моментов личной жизни взаимосвязаны с различными формами персональной этнической идентичности. С другой стороны, за персональной (этнической) идентичностью скрывается когнитивно-аффективная система знаний, построенная на элементах, которые опираются друг на друга и тесно взаимосвязаны. Первый уровень — это спонтанная эмоциональная идентификация, создающая для человека ощущение близости с определенной диаспорой, нацией своего происхождения или этнической группой «принимающей» страны, в соответствии с определением ее членов. Именно благодаря этому эмоциональному базису приобретаются различные точки зрения, побуждения, ценности и идеология, и организуется национальная идентичность.

Второй уровень — спонтанная национальная или этническая принадлежность как неосознаваемая идентичность считается само собой разумеющейся и естественной, возникающей из сложившейся национальной или этнической идентичности, которая представляет и воспроизводит все идеологические элементы или их часть. В нашем анализе мы постарались охватить оба эти типа, насколько это было возможно в рамках нашего проекта. Спонтанный эмоциональный компонент измерялся силой национальной и этнической принадлежности, а когнитивное измерение было реконструировано из таких факторов, как чувство гордости и чувство дискриминации.

Когда мы пытаемся ответить на, казалось бы, простой вопрос, в какой степени респонденты ощущают свою близость к их родине, «принимающей» стране и диаспоре, нужно помнить о том, что в тех сообществах, для которых характерно экстравертивное поведение, «близость» означает совершенно не то же самое, что в группах, в которых нормой считается сдержанность и менее явное проявления эмоций. Потому, когда мы решили выяснить, какие этнические меньшинства наиболее тесно связаны со своей родиной, «диаспорой или «принимающей» страной, мы принимали во внимание и этот фактор, который отразится в данных[7]. Табл. 5 отражает чувство близости без учета искажений, вызван-

[7] В этом случае спонтанной эмоциональной привязанности мы сравниваем среднее «чувство близости» с данными точками связи. Отрицательные значения в табл. 5 указывают на то, что чувство близости было ниже среднего показателя по данной этнической группе, а положительные значения свидетельствуют о большей близости, нежели среднее значение.

Таблица 5

Ощущение относительной близости согласно национальным меньшинствам, среднее значение

Диады	Родина	Диаспора	Место жительства	«Принимающая» страна	Восточно-Центральная Европа	Европа
Русские в ЛИТВЕ	–,2366	**,4512**	,5358	**,5211**	*–,7070*	*–,5887*
Литовцы в РОССИИ	**–,0497**	*,1276*	,3352	,2467	–,3931	–,3342
Поляки в Украине	*–,6177*	,2516	**,6061**	,4187	–,4072	–,2954
Украинцы в ПОЛЬШЕ	**–,0189**	*,1620*	*,2773*	,2738	–,3792	–,3162
Белорусы в ПОЛЬШЕ	,1813	*,1694*	,4525	,1731	–,5456	*–,5889*
Поляки в БЕЛОРУССИИ	*–,8505*	,2750	**,5957**	**,5583**	–,5137	–,0865
Словаки в ВЕНГРИИ	–,2620	,2705	,5313	**,5683**	*–,6924*	–,6725
Венгры в СЛОВАКИИ	**–,0638**	**,4416**	*,3172*	,0706	–,5736	–,2702

Примечание. В таблице приведены средние значения близости для данной этнической группы и различия в отдаленности от +1 до –1. Чем выше значение, тем сильнее привязанность.

ных такими культурными различиями. В общем для большинства этнических меньшинств справедливо отметить, что они не чувствуют связи с Восточной и Центральной Европой, и Европа для них весьма отдаленное понятие. Родина также отдаленна для всех, за исключением групп Литвы, Украины и Венгрии. Другим возможным источником сохранения этнический идентичности является связь с диаспорой для этнического меньшинства. Это чувство близости прослеживается во всех группах, в большей степени среди русских и венгров, в меньшей — среди литовцев, украинцев и белорусов. Местожительства, микроклимат которого может снизить напряженность, свойственную для любого меньшинства, является самым сильным связующим звеном для поляков, живи они в Украине или Белоруссии. Включенность в общество большинства и связь с «принимающей» страной наиболее характерна для словаков, поляков в Белоруссии и России. Различная степень силы этих связей в определенном смысле формирует профиль данных этнических групп. Члены этих диад часто дают диаметрально противоположные суждения о своей включенности.

Русские, живущие в Литве, почти одинаково чувствуют близость с Литвой, местом жительства и собственной группой меньшинства. Они едва ли чувствуют себя связанными с родиной или Европой, да и Восточно-Центральную Европу не назовешь фактором их идентичности. Это свидетельствует о включенности в страну пребывания с оттенком сильной связи с собственной этнической группой и сегрегационными взглядами.

Литовцы, живущие в России, в первую очередь привязаны к месту жительства. Родина, страна пребывания и собственная группа меньшинства играют важную, но не главенствующую роль. Им не характерна и европейская идентичность. Литовцы оказались менее привязаны к стране пребывания, чем вторая группа этой диады.

Украинцы, живущие в Польше, и их партнеры по диаде, поляки, живущие в Украине, имеют схожие привязанности. Им не свойственна европейская идентичность, они слабо связаны с родиной, думают только о месте жительства, стране пребывания и собственной этнической группе, хотя, как показано в табл. 2, существуют различия в мере этой близости.

В польско-белорусской диаде присутствуют как сходства, так и различия. Обе группы отличаются сильной связью с местом жительства и страной пребывания, а также ощущают общность со своими этническими группами. Однако их различает степень привязанности к родине. Хотя ни одна из групп не демонстрирует тесной связи с родиной, поляки в Белоруссии чувствуют себя более связанными с родиной, чем белорусы, которые из всех связей дальше всего отошли от Белоруссии.

В случае Польши у нас есть возможность сравнить две группы меньшинств, проживающих в стране. Белорусы чувствуют большую связь с Польшей, чем украинцы, и менее привязаны к родине, чем украинцы к своему отечеству. Анализируя ответы поляков, можно сделать вывод, что поляки в Белоруссии чувствуют себя более интегрированными в сообщество, в то время как поляки в Украине дистанцируются от «принимающей» страны. Соответственно для поляков в Украине родина ближе, чем для поляков в Белоруссии. Чувства близости и отдаленности оказывают влияние на жизнь групп меньшинств в этих трех странах.

И, наконец, рассмотрев венгеро-словацкую диаду, мы обнаружили, что они являются противоположностями друг друга в определенном аспекте. Венгры чувствуют себя ближе к собственным этническим группам и привязаны к месту жительства, но не ощущают близости к Венгрии или Словакии. Эта «бездомность» не ослабляется и европейской идентификацией в связи с тем, что привязанность к Восточной и Центральной Европе и Европе тоже мала. Словаки же в Венгрии тесно связаны со страной пребывания (Венгрией), на эту интеграцию указывает важность места жительства в их группе. Словакию они не воспринимают ориентиром своей идентичности, так же, как и Восточно-Центральную Европу. С другой стороны, они чувствуют себя ближе к Европе, чем их партнеры по паре, венгры в Словакии. Таким образом, в данной диаде наметилась одна группа, которая привязана к стране пребывания и интегрирована в нее, в то время как вторая группа кажется «бездомной».

Национальная гордость — стабильная эмоциональная основа этнической и национальной идентификации, которая побуждает респондентов переоцени-

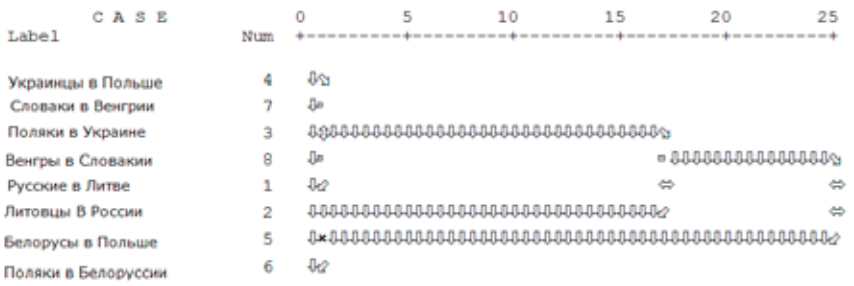

Рис. 2. Типы связей между этническим происхождением родителей и персональной этнической идентичностью

вать, преувеличивать позитивные элементы своей идентичности (Doob, 1964; Smith, Kim, 2006). По нашим данным, эта тенденция в общем актуальна, однако ввиду исторических и культурных особенностей отрицание негативных эмоциональных элементов различно в разных диадах.

В общей картине большую гордость испытывают за диаспору, затем за родину (отечество) и в последнюю очередь за «принимающую» страну. Степень гордости за родную страну не различается в разных парах. Исключение составляет диада словаки — венгры, в которой словаки гордятся свои отечеством куда меньше, чем венгры Венгрией. А степень гордости за «принимающую» страну значительно разнится внутри диад. Литовцы куда больше гордятся Россией, нежели русские Литвой, как своей принимающей страной. Белорусы в Польше тоже больше склонны гордиться своей «принимающей» страной, чем поляки Белоруссией. И, наконец, гордость словаков Венгрией больше, чем венгров за Словакию. Диаспора как социальная группа обычно вызывает большую гордость в меньшинствах. Исключение составляют русские в Литве и литовцы в России, где уровень гордости гораздо ниже (табл. 6).

В своем анализе мы продемонстрируем, как элементы структуры персональной этнической идентичности, показанные на рис. 2, надстраиваются друг на друга в данных диадах или группах меньшинства. Мы попробуем провести параллели и различия внутри диад и между этническими группами. Мы выбрали иерархический метод кластерного анализа, в котором сравниваются степени[8] характерных отношений в данных группах меньшинства.

Родители едва ли влияют на всеобъемлющую идентичность национального меньшинства в большинстве групп меньшинств, которые, таким образом, объединяются в первый тип. Сюда входят украинцы, словаки, венгры, русские и поляки в Украине. Второй тип состоит из двух меньшинств польско-белорусской диады.

[8] Коэффициенты (бета), полученные из модели регрессии данной группы, определяют переменные кластера. В модели регрессии зависимая модель – это этническая идентичность, а независимая переменная – этническое происхождение.

Таблица 6

Чувство гордости, степень по 4-балльной шкале, среднее значение

Диады	Гордость за отечество	Гордость за «принимающую» страну	Гордость за диаспору
Русские в ЛИТВЕ	3,23	2,23	2,98
Литовцы в РОССИИ	3,01	2,98	2,92
Поляки в Украине	3,57	3,08	3,38
Украинцы в ПОЛЬШЕ	3,49	3,16	3,38
Белорусы в ПОЛЬШЕ	3,34	3,13	3,46
Поляки в БЕЛОРУССИИ	3,29	2,87	3,41
Словаки в ВЕНГРИИ	2,64	3,14	3,17
Венгры в СЛОВАКИИ	3,26	2,48	3,37

Этот тип характеризуется тем, что этническая идентичность родителей играет, хоть и незначительную, роль в определении персональной этнической идентичности. Третью группу составляют литовцы. В их среде паттерн родителей начинает играть необыкновенно важную роль в принятии этнической идентичности.

Типология четко иллюстрирует различия в том, как данная «принимающая» страна относилась к своим национальным меньшинствам одно или два поколения назад.

Русские, словаки и венгры относятся к типу, в котором характер сохранения идентичности на протяжении жизненного пути мало влияет на принятую этническую идентичность. Второй тип составляют поляки, живущие как в Белоруссии, так и в Украине. Для них жизненный путь имеет колоссальное влияние на персональную идентичность. Это означает, что для двух данных меньшинств мы имеем «свежую», новоявленную этническую идентичность, которая сознательно не идет «проторенной» дорогой, но которая пробудилась ввиду исторических изменений и новообретенной независимости родных стран, которая создала условия для возникновения этнической идентичности. Белорусское национальное меньшинство тесно связано с этим типом (очень на него похоже), с тем только отличием, что на протяжении жизненного пути у него мало возможностей не давать спать своей этнической идентичности (у них нет своего родного языка, они говорят на «заимствованном», а именно русском, языке, что не способствует в данном случае большему принятию языка той страны, в которой они живут, т.е. Польши. Несмотря на все это, мы полагаем, что становимся свидетелями своего рода возрождения этнической идентичности в этом случае[9].

[9] Жизненный путь и персональная этническая идентичность связаны отрицательным коэффициентом бета, что демонстрирует, что их персональная этническая идентичность не обусловлена жизненным путем.

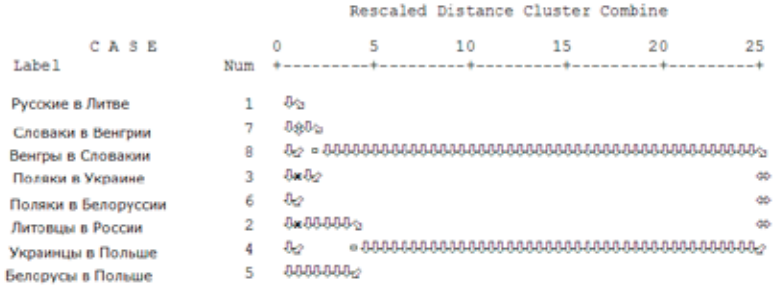

Рис. 3. Типы отношений между моментами в жизни и этнической идентичности

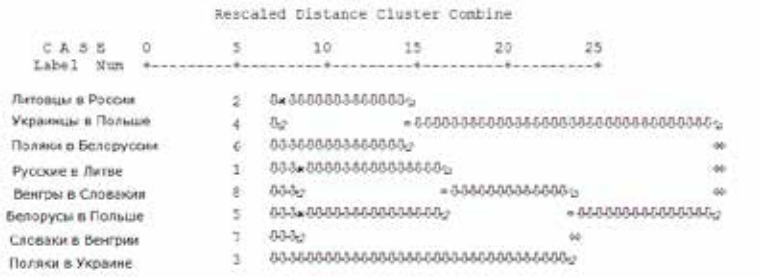

Рис. 4. Типы отношений между эмоциями и этнической идентичностью

Отношения между моментами жизненного пути и идентичностью указывают — с небольшими расхождениями — на пробуждение некого этнического самосознания благодаря демократическим политическим процессам, которые в разной степени происходят в «принимающих» странах. Эти процессы подчеркнули важность прав человека и открыли пространство, в котором этнические различия могут быть вновь раскрыты.

На рис. 3 видно, что общность с родной страной и диаспорой, гордость и принадлежность к группе меньшинства — это факторы, которые могут возникнуть без влияния родителей. Этапы жизненного пути могут усилить эмоции, которые в свою очередь усиливают этническую идентичность (рис. 4). Связь между эмоциями и идентичностью, однако, не является однозначной. Фактически выделяются четыре характерных типа. Первый представлен литовцами и украинцами. Их этническая идентичность поддерживается сильной эмоциональной основой. Схожи с этим типом поляки в Белоруссии, но в их случае роль эмоций в идентичности меньше. Второй тип — это русские и венгры, у которых эмоциональные связи лишь незначительно влияют на их идентичность. Что еще более странно, так это то, что пример родителей и моменты жизненного пути также не имеют принципиального значения для принимаемой идентичности. В их случае, как мы стали полагать из ответов в рамках исследования национальных

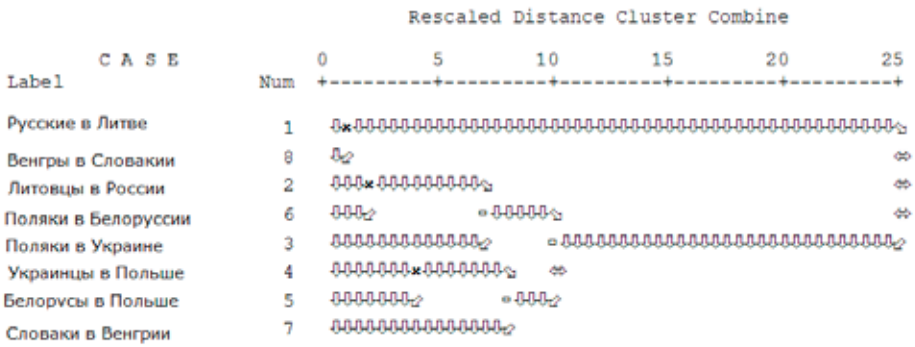

Рис. 5. Типы связей между элементами структуры этнической идентичности и идентичности

меньшинств, если идентичность уже закрепилась в этом меньшинстве, то ее сохранение и осознание не требуют особой подпитки.

Выделяется и третий вид взаимосвязи эмоций и идентичности, к которому относятся белорусы и словаки. Для них эмоциональный аспект играет определенную роль в персональной идентичности (хотя она и менее важна, чем в первом типе). Несмотря на схожесть между этими двумя группами, модель родителей и этапы в жизни оказывают совершенно различное влияние на идентичность обеих групп.

Данные наблюдения предзнаменуют тот факт, что строительные элементы этнической идентичности организованы совершенно различно, если мы рассматриваем модель в целом. Возвращаясь к типам связей между эмоциями и идентичностью, мы видим исключительную «группу», а именно поляки Украины. Для них эмотивный аспект существования в меньшинстве почти никак не сказывается на идентичности. Однако поляки в Украине — в отличие от венгров и русских — во время обсуждения своей идентичности часто ссылаются на этапы жизненного пути.

Наконец, мы построим модель, показывающую, какие группы меньшинства схожи между собой с точки зрения этнической идентичности, характеризующей группу и паттерн родителей, а также объективные и аффективные моменты жизненного пути (рис. 5). Мы используем метод кластерного анализа. Группы меньшинств одного типа имеют схожие этническую идентичность, паттерны родителей, черты жизненного пути и эмоциональное отождествление с членами собственной группы.

Важно отметить это еще раз, так как две группы меньшинств, которые схожи между собой, это русские и венгры. На первый взгляд это сходство трудно объяснить. С чего бы нам сравнивать русских в Литве и венгров в Словакии? Однако, если мы будем все время помнить о том, что наши утверждения ос-

нованы на данных анкеты, в которой воспоминания и рассуждения респондентов формируют картину страны, в которой они родились, и иметь в виду ретроспективную информацию о моментах жизненного пути, несомненно, мы найдем объяснение этой невероятной схожести. И русские, и венгры еще хранят историческую память о том времени, когда их этническая группа, или большая ее доля, была частью экономической, политической и, вероятно, даже культурной элиты. Думая о населении тех стран, которые их сейчас «принимают», они склонны чувствовать свое превосходство над ним. Период их благоприятного положения прошел, может даже, ситуация стала противоположной. Несмотря на то что исторические процессы были более сложными и запутанными, чем представлено в нашем кратком описании, эмоции, вызванные этим суждением о ситуации, весьма схожи. Именно эти эмоции и придают одинаковый оттенок всем эмоциональным связям со страной происхождения, жизненными путями и принадлежностью к определенной этнической группе. Эта схожесть исторического «пути» объясняет сходство русских и венгерских национальных меньшинств.

Второй тип включает литовцев в России и поляков в Украине и Белоруссии. Как национальные меньшинства они живут в странах, некогда бывших советскими республиками, и в этом смысле их опыт как меньшинства одинаков. Распад Советского Союза не привел к значительному расхождению в их социально-политической среде, как государствах-преемниках. Предшествующая однородность «принимающих» стран и их сходства в последующем периоде создали условия, при которых затронутые этнические меньшинства шли параллельными дорогами.

Третий тип состоит из двух групп, живущих в Польше,— украинцев и белорусов. Возможно, что пути, приведшие их как меньшинство в Польшу, различаются, но не будет преувеличением сказать, что единообразная политика «принимающей» страны в отношении национальных меньшинств привела к сходству в развитии этнической идентичности этих двух групп.

Четвертую группу составляют словаки в Венгрии. Их судьба разительно отличается от всех остальных меньшинств. Большинство из них обосновалось в Венгрии в XVII в., они живут в этой стране уже многие поколения. Уровень их ассимиляции несравнимо выше, чем у любой другой диаспоры, которую мы рассматривали. Ввиду этой уникальности они занимают особое место в нашей типологии.

Выводы

При описании различных типов этнической идентичности диаспор мы продемонстрировали различия и сходства между разными ситуациями, когда они создавали собственную этническую идентичность. Мы увидели, что для этнических групп, принадлежащих данным диадам, значимость их происхож-

дения для сохранения этнической идентичности различна. Как и ожидалось, в большинстве случаев диаспора в стране пребывания является основой для идентичности, люди прибегают к своей родословной, чтобы резко отделяться от большинства. Однако неоднократно наблюдалась и другая ситуация. В этом случае параллельно с принадлежностью к обществу большинства отмечалось присутствие другой линии наследия (национальности этнической страны происхождения). Мы выявили несколько диад, в которых этническую идентичность респондентов определяли этнически однородное происхождение и модель сохранения идентичности, принятая в семье. Однако мы также выявили некоторые случаи, где между этническими группами диады проявлялись значительные различия в этом отношении. В последнем случае различия были в первую очередь обусловлены особыми политическими и историческими обстоятельствами.

В сохранении идентичности важную роль играют как социологические, так и когнитивные факторы. Среди них стоит отметить роль несмешанных браков, важность использования родного языка в повседневной жизни, этническую однородность личных связей. С другой стороны, результаты нашего исследования показали, что помимо определяющих факторов жизненного пути в сохранении идентичности важную роль играют различные когнитивные и аффективные механизмы (такие, как спонтанная эмоциональная идентификация, отсутствие социальной разобщенности, чувство этнической гордости, социальное доверие).

С точки зрения социальной интеграции и культурной инклюзии, стоит подчеркнуть роль смешанных браков, этнической неоднородности личных связей, открытые и инклюзивные тенденции в социальных отношениях, важность языковой терпимости большинством, которое считается государство образующей нацией.

Мы также показали, что унифицированная политика «принимающей» страны в отношении национальных меньшинств стирает различия между диаспорами. Главной сложностью политики меньшинства является выбор — ассимилироваться или сохранять свою идентичность. Природа взаимосвязи между этническими группами в ситуации меньшинства и общества большинства влияет на попытки групп меньшинств ассимилироваться. Меньшинство может выбрать — либо влиться в общество большинства, либо постараться поддерживать свою идентичность. Большинство респондентов утверждают, что сохранение идентичности — это стратегический выбор. (В среднем 60% респондентов в группах отметили важность поддержания своей идентичности.) Около четверти респондентов выбрали цель найти баланс между ассимиляцией в общество большинства и сохранения своей этнической идентичности. И лишь четверть выступает за полное отстранение от большинства и максимальное сохранение своей этнической идентичности. Естественно, среди различных групп меньшинств были расхождения. Желание сохранить свою идентич-

ность особенно ярко выражено у венгров в Словакии и поляков в Украине и Белоруссии. Литовцы в России определенно поддерживают ассимиляцию. Остальные группы меньшинств выбирают некую среднюю позицию, но поддержание этнической идентичности было для них важным и возможным направлением, даже если они не отрицают необходимость приспосабливаться к обществу большинства.

Библиографический список

1. Berry, J. W. (1997). Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology*, 46 (1), 5–34.
2. Brubaker, R., Loveman, M. & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33, 31–64.
3. Brubaker, R. & Cooper, F. (2000). Beyond "Identity". *Theory and Society,* 29 (1), 1–47.
4. Csepeli, Gy. (2000). *National Identity in Contemporary Hungary*. New York: Columbia University Press.
5. Csepeli, Gy., Örkény, A. & Székelyi, M. (2000). *Grappling with National Identity. How Nations See Each Other in Central Europe*. Budapest: Akademiai Kiadó.
6. Csepeli, Gy. & Simon, D. (2004). Construction of the Roma Identity in Eastern and Central Europe: Perception and Self-identification. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30 (1), 129–150.
7. Dekker, H., Malová, D. & Hoogendoorn, S. (2003). Nationalism and Its Explanations. *Political Psychology*, 24 (2), 345–376.
8. Doob, Leonard W. (1964). *Patriotism and Nationalism: Their Psychological Foundations*. New Haven: Yale University Press.
9. Eriksen, T. H., 1992. Linguistic Hegemony and Minority Resistance. *Journal of Peace Research*, 29 (3), 313–332.
10. Gerő, A. (2006). *Imagined History: Chapters from Nineteenth and Twentieth Century Hungarian Symbolic Politics*. Wayne: Center for Hungarian Studies and Publications.
11. Glazer, N. (1983). *Ethnic Dilemmas 1964–1982*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
12. Hagendoorn, L., Csepeli, Gy., Dekker, H. & Farnen, R. F., eds. (2000). *European Nations and Nationalism; Theoretical and Historical Perspectives*. Aldershot: Ashgate.
13. Ladányi, J. & Szelényi, I. (2002). The Nature and Social Determinants of Roma Poverty — a Cross-National Comparison. Paper prepared for the special issue of the Hungarian. *Sociological review,* 2, 79–96.
14. Örkény, A. (2006). Hungarian National Identity: Old and New Challenges. *International Journal of Sociology*, 35 (4), 28–48.
15. Örkény, A. & Székelyi, M. (2009). Role of Trust in the Social Integration of Immigrants. *Demográfia. English Edition*, 52 (5), 124–147.
16. Sanders, J. M. (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies", *Annual Review of Sociology*, 28, 327–357.
17. Smith, A. D. (1991). *National Identity*. Harmondsworth: Penguin.

18. Smith, T. W. & Kim, S. (2006). National Pride in Cross-national and Temporal Perspective. *International Journal of Public Opinion Research*, 18, 127–136.
19. Stevens, G. (1985). Nativity, Intermarriage, and Mother-Tongue Shift. *American Sociological Review*, 50 (1), 74–83.

Статья поступила в редакцию 17.10.2015.

……..

CONSTRUCTING BORDER ETHNIC IDENTITIES ALONG THE FRONTIER OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Örkény A., Székelyi M.

Örkény Antal, Eötvös Loránd University of Budapest, Hungary, H-1117 Budapest, Pázmány Péter sétány 1/A. E-mail: orkeny@tatk.elte.hu.

Székelyi Mária, Eötvös Loránd University of Budapest, Hungary, H-1117 Budapest, Pázmány Péter sétány 1/A. E-mail: szekelyi@tatk.elte.hu.

The analysis is based on an empirical sociological study aimed at exploring the various aspects of people's diaspora affiliations and their ethnic and national identity on the Eastern borderland of Europe. We survey ethnic minority groups in eight countries along the frontier of CEE. With similar ethnic status along the border we demonstrated how ethnic minorities «deal» with their minority status in their «host» country if their home country serves as a place of residence. The analysis reconstructs the image of the ethnic minority at the societal level. We model personal and collective ethnic identities as a stock of knowledge based on cognitive and affective components, and test them along the different ethnic dyads. We will analyze how successive generations are able to transfer the pattern of ethnic identity within the family, and also, how language use practices and personal network plays a role in preserving personal ethnic identity.

Key words: ethnic identity, borderland, diaspora, Eastern Europe, ethnic dyad, national consciousness.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА

Вовкодав П. А.

Вовкодав Павел Александрович, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: pvovkodav@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о том, как эволюционирует институт гражданства в Великобритании, какую функцию он выполняет сегодня и почему необходимо переосмысление самого понятия гражданства в контексте проблем, вызванных масштабной трансформацией социокультурного облика страны. На фоне растущего разнообразия этнической, религиозной и культурной идентичностей в структуре общества происходит умаление значения гражданского статуса, как источника индивидуальных прав. Британский кейс позволяет оценить, как и почему гражданский статус со временем приобрёл сугубо нормативное, правовое значение, что крайне осложнило любые попытки использования его в качестве консолидирующего начала для общества. На трактовку происходящего повлияли подходы Дж. Ролза, Э. Гидденса и Ю. Хабермаса, нередко задававшие тон дискурса о моделировании отношений между принимающим обществом и меньшинствами. В итоге, повсеместное продвижение такого обобщённого универсалистского взгляда завело общественно-политическую дискуссию почти в тупик, серьёзно ограничив государственные возможности для выработки практических подходов к интеграции. Одновременно, проведённый анализ деятельности партийных и правительственных структур позволяет понять, почему реализуемые за последние три десятилетия меры по реформированию политики интеграции иммигрантов оказались малоэффективными и на развитие ситуации повлияли слабо. Представленное исследование демонстрирует, каким образом современные проблемы, связанные с формированием британской идентичности, а также с поиском и оценкой эффективности механизмов консолидации многокультурного общества, становятся проблемами практической политики, представляющими интерес не только для понимания текущего положения дел, но и, особенно, для прогнозирования дальнейших перспектив развития.

Ключевые слова: Великобритания, гражданство, мультикультурализм, либерализм, иммиграционная политика, политика интеграции иммигрантов, идентичность, политические партии, миграционное законодательство.

Особенности социального устройства современной Великобритании

По данным Office for National Statistics в 2013 г., 12,5% населения не были рождены в Великобритании (ONS, 2013). Более того, рост численности прожи-

вающих в стране иммигрантов[1] только набирает обороты, поэтому повсеместно звучат голоса экспертов, утверждающих, что уже в обозримом будущем белое население окажется в этой стране в меньшинстве (Griffith & Halej, 2015).

Когда речь заходит об описании современного общества, то в научной литературе последнего времени, касающейся британской политики, социологии и демографии, всё чаще можно встретить понятие «сверх-разнообразия» (Vertovec, 2007) (super-diversity). Концепцию представил в 2007 г. социолог Стивен Вертовец (Steven Vertovec), и сводится она к тому, что под влиянием некоторых объективных исторических процессов (в том числе массовой иммиграции) структура значительной части британского общества стала представлять собой крайне запутанную конфигурацию совершенно разных культур, религий и этносов, на первый взгляд слишком непохожих, чтобы пытаться искать в них что-то общее. Автор выделил целый ряд признаков — от страны происхождения и основного языка общения до структуры занятости и района проживания, которые позволяют оценить, насколько пёструю картину представляет собой структура современной Британии, насколько стремительно страна преображается с каждым годом.

Преимущественно иммигранты проживают в крупных городах и, в частности, в Лондоне. По данным переписи населения 2011 г. из 8,2 млн. чел. только 45% всех жителей столицы — это «белые британцы» (whites), причём в 2001 г. их пропорция составляла 58% из 7,1 млн. чел. (4,3 млн. чел. в 2001 г. и 3,7 млн. чел. в 2011 г.) (GLA, 2012). Более того, вследствие реализуемой государственной политики изменилась пропорция численности иммигрантов в зависимости от страны происхождения: если прирост численности иммигрантов из стран ЕС составил 49,4% (как правило, это выходцы из Восточной Европы), темнокожего (non-whites) населения и выходцев из Азии 39% и 59,6% соответственно, то из «других» стран, куда включены и арабы, приехало на 148,6% больше людей. Более того, иностранное население проживает достаточно компактно, вследствие чего их численность по отношению к автохтонному населению значительно разнится в зависимости от рассматриваемого административного округа. В таких районах, как Newham (Inner London) и Brent (Outer London), иностранное население составило 54% и 55% соответственно, а в некоторых районах с 2001 г. по 2011 г. численность иностранцев возросла на 205% (Barking and Dagenham). В других районах количество иностранцев также велико, и в среднем доля людей с иностранным паспортом составила 52%. Что примечательно, чуть больше половины из них — это женщины в возрасте от 20 до 39 лет (Krausova, Vargas-Silva, 2013a). Несмотря на то что для Великобритании характерна крайне высокая концентрация населения вокруг Лондона (в городе проживает 8,6 млн. чел. из 63 млн. населения страны), в других крупных городах

[1] В соответствии с британским законодательством под «иммигрантами» здесь и далее подразумеваются люди, которые уже находятся на территории страны или въезжают с целью пребывания как минимум в течение года.

ситуация похожа. К примеру, в графстве Уэст Мидландс (West Midlands) концентрируется 72,1% всех иностранцев, проживающих в стране (Krausova, Vargas-Silva, 2013b). В частности, в Бирмингеме по данным переписи численность иностранцев составляет 22,2% от населения города, при этом белых британцев в городе проживает только 53,1% (Krausova et al., 2013b).

Процесс интеграции столь разнообразного по культурным характеристикам населения неизбежно связан с постепенным расширением прав меньшинств и умалением веса гражданского статуса как источника индивидуальных прав: национальная принадлежность всё меньше имеет значение и всё более — универсальные права человека, не связанные ни с границами, ни с этническим происхождением (Soysal, 1994). Поэтому гражданская идентичность как элемент национальной принадлежности постепенно отходит на второй план, что оставляет лишь нормативное и правовое наполнение гражданского статуса (Joppke, 2008). В связи с этим вполне логично, что в качестве общественной реакции на происходящие изменения должна была обостриться дискуссия о нации и национальном. Впрочем, общий настрой европейских интеллектуалов (в том числе и из Великобритании) после Второй мировой войны сместился в сторону скептического отношения к идее национального в принципе, её считают источником насилия, расизма, необоснованного протекционизма и т.д. Отчасти это послужило толчком к возникновению идеи европейской интеграции. В рамках идеализированной версии этого подхода такие функции государства, как защита прав и координация действий, могут выполняться на уровне наднациональных и глобальных организаций и институтов. В теории подобный подход действительно может казаться передовым, в некоторой степени даже морально превосходящим существующие институты, но, как и любая умозрительная конструкция, он смоделирован без учета особенностей практической политической деятельности и сложности необходимых преобразований для реально существующих институтов.

Предпосылки возникновения кризисных явлений института гражданства

На практике в Великобритании в 1960–1970-е гг. не удалось ни формализовать национальную идентичность, ни адаптировать язык национализма попросту потому, что Соединённое Королевство, ввиду особенностей своего исторического пути, не могло быть мононациональным государством. В конце концов, даже на современном этапе оно состоит из Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Более того, движение в сторону мультикультурализма в том виде, в котором мы его знаем сегодня, началось уже со второй половины XX в. С другой стороны, в прямом и переносном смыслах было живо наследие Британской империи, пусть и не зафиксированное жёстко в нормативных документах. Впоследствии, при М. Тэтчер, оформились и получили концептуальную базу те идеи, на которых зиждется общественная жизнь уже современной

Великобритании. Бывший премьер-министр своё видение основывала на работах таких теоретиков, как Ролз и Хайек, на их представлениях об индивидуальной ответственности гражданина за свою жизнь и благополучие (Перегудов, 1996). Однако практика показала, что универсальных «принципов справедливости», о которых говорил Ролз, попросту недостаточно, чтобы в мультинациональном государстве достичь необходимого уровня солидарности и согласия. Вытекающее из этого противоборство индивидуалистических и коммунитаристских идей фактически происходит в разных плоскостях, поскольку роль объединяющего начала в послевоенной Британии играла традиция, с которой новое, стремительно меняющееся, население страны попросту незнакомо.

Очередной итерацией подобного универсалистского подхода можно считать идею конституционного патриотизма Ю. Хабермаса, которая заключается в том, что социальная сплочённость в либерально-демократическом обществе основывается на юридических, моральных и политических принципах, нежели культурных, географических и исторических. Формально такой подход позволяет решить проблему необходимости наличия доминантной культуры как источника лояльности государству, хотя исключительный абстрактный характер конституционных принципов и их нейтральность по отношению к гражданину совершенно не гарантируют какого-либо проявления лояльности в принципе. Более того, отнюдь не очевиден примат либеральных процедур и принципов над системой неофициальных связей, в том числе выстроенных между носителями одной этнической или религиозной идентичности (Laborde, 2002). Даже такие апологеты мультикультурализма, как У. Кимлика, обращают внимание на то, что в многонациональном государстве социальная сплочённость требует некоего универсального базиса, основанного на общих истории, языке и даже религии (Kymlicka, 1995). Вдобавок К. Жоппке утверждает, что в либеральном государстве наличие массовой иммиграции по сути своей отвергает разделение по национальному признаку, а потому гражданский статус сам по себе не может напрямую способствовать усилению чувства принадлежности к конкретной нации (Joppke, 2005).

При этом британский кейс осложняется тем, что в наследство от бывшей империи стране досталось весьма размытое понимание гражданства, которое по факту отсутствовало, будучи заменённым правовым и политическими статусами. Существовало непосредственное подчинение короне всех и каждого в отдельности, вне зависимости от того, находятся ли они в Великобритании или каком-либо доминионе. Постепенно от такой системы пришлось отказаться. Принятый в 1948 г. British Nationality Act (Parliament of the United Kingdom, 1948) установил три типа национальной принадлежности: гражданин Соединённого Королевства и колоний, гражданин независимых стран Содружества, ирландские граждане с британским подданством. Тем не менее само понятие «британского гражданина», отделённое от статуса гражданина стран Содружества,

появилось и было закреплено законодательно только в 1981 г. (Parliament of the United Kingdom, 1981). Поэтому в последующие годы неолиберальный подход М. Тэтчер и, в частности, знаменитая фраза «нет такого понятия, как общество» («there is no such thing as society») были логичным продолжением исторически сложившегося порядка, поскольку не подразумевали понимания нации как территориального образования. Появившееся в употреблении в это время понятие «активного гражданства» и вышедший в свет в 1990 г. доклад «Поощряя гражданство» (House of Commons Commission on Citizenship, 1990) только укрепили наметившийся тренд: гражданство на данном этапе было сформулировано как «добровольный вклад каждого гражданина во имя всеобщего блага» (House of Commons, 1990). Подобная неолиберальная трактовка вполне укладывалась в новую глобализирующуюся реальность, хотя не решала проблем, ставших очевидными по прошествии лет (Joppke, 2008).

Если в этом контексте рассматривать эволюцию развития базовых условий для интеграции иммигрантов, то в течение как минимум двух десятилетий в период увлечения идеями либертарианства постепенно снижалось вовлечение государства в управление экономикой, рынком труда и системой социального обеспечения. Вслед за «тэтчеризмом» и «рейганомикой» в подобном ключе продолжили действовать и лейбористы после 1997 г. в рамках их программы «третьего пути». Считалось, что невмешательство государства будет способствовать развитию малого и среднего бизнеса, частной инициативы и мотивации к саморазвитию с целью раскрыть свой потенциал и активно участвовать в жизни общества. Вкупе с антидискриминационной политикой подобный подход призван был закрепить справедливое место в обществе за иммигрантами (Schierup, Hansen & Castles, 2006). Одновременно началась новая кампания по продвижению гражданства как фактора, способствующего лучшей интеграции приезжих и укрепления солидарности в обществе. Более того, несколько изменилась и общая концепция гражданства, поскольку если неолиберальный подход априори отрицал происхождение как дифференцирующий фактор, то видение гражданства как фактора интеграции было направлено на превращение иммигрантов и меньшинств в часть некоего общего «мы» (Joppke, 2008). Впрочем, для начала нужно было определиться с тем, каковы критерии этой системы «свой — чужой».

В 1998 г. комиссия профессора Б. Крика представила доклад, посвящённый необходимости преподавания гражданства и демократии в школах, а также программу по продвижению представлений о социальной и моральной ответственности в общеобразовательных учебных заведениях. В частности, речь шла о «восстановлении чувства гражданской принадлежности, включая национальную идентичность, способную вместить множественные нации, культуры, этнические идентичности и религии» (Crick Commission, 1998). Доклад раскритиковали, в первую очередь потому, что в описанной в нём программе совершенно не были освещены такие национальные символы, как королева,

национальные флаг и гимн, и не было чётко сформулировано, что же такое национальная идентичность. Впрочем, активно использовать гражданство как инструмент интеграции стали лишь после событий 2001 г.

Рассматривая современный период, можно отметить, что в течение срока нахождения у власти лейбористов с 1997 г. по 2010 г. какой-то исключительной обеспокоенности у населения по поводу иммиграции не наблюдалось (Osler, Starkey, 2004). Тем не менее в начале 2001 г. Министерством внутренних дел Великобритании (2000) был опубликован доклад, основной задачей которого было выявить долгосрочные последствия от массовой иммиграции в страну. Было выявлено, что социальная исключённость иммигрантов не в последнюю очередь обуславливалась низким уровнем знания английского языка. Также говорилось и о том, что важнейшим инструментом преодоления отчуждённости мог бы стать институт гражданства (Glover, 2001). Своеобразной точкой бифуркации и сигналом к тому, что в британском обществе что-то было не в порядке, стали погромы в Олдхэме (Oldham), Бёрнли (Burnley) и Брэдфорде (Bradford) в 2001 г., участниками которых были преимущественно представители этнических меньшинств. Как результат, правительством были предприняты меры с целью исправить ситуацию и как-то повлиять на интеграцию иммигрантов и их потомков в общество.

Институт гражданства в контексте политики интеграции лейбористов (2001–2005 гг.)

Расследование беспорядков 2001 г. было поручено комиссии профессора Тэда Кантла (Ted Cantle), отчёт о котором впоследствии стал именоваться не иначе как «The Cantle Report» в связи с тем, что выводы комиссии вышли далеко за рамки частного случая и легли в основу нового курса государственной политики. После обнародования результатов исследования комиссии непосредственно в британском МВД заговорили о срочной необходимости продвижения идей «социальной сплочённости» и «чувства гражданской ответственности» (Home Office, 2001).

Проблема отсутствия представлений о гражданском участии распространялась не только на вновь прибывших иммигрантов, но и на тех, кто уже проживал в стране в течение длительного времени и успел укорениться. Поэтому трансформации лейбористы и Д. Бланкетт начали с введения в школьную программу соответствующих информационных классов. Впрочем, вскоре эта программа была включена и в National Curriculum (Национальную образовательную программу) и была преобразована в Citizenship for immigrants (Гражданство для иммигрантов). Вслед за этим в 2002 г. был принят законодательный акт, который не только ужесточил требования по знанию английского языка иммигрантами, но и впервые закрепил формальную процедуру натурализации, обязав вновь прибывших пройти тестирование на элементарное знание жизненного уклада в Соединённом Королевстве (ставшее обязательным в 2005 г.). Позднее, в 2004 г., была введена и церемония принятия гражданства, заключавшаяся в клятве со-

блюдать закон, поддерживать демократические ценности и сохранять верность Короне (Goodman, 2014).

Уязвимым местом новых реформ было то, что дискуссия вокруг гражданства велась исключительно в элитных кругах и фактически проходила без участия широкой общественности. При этом, будучи завязанной на одного актора, британская политическая система подразумевает необходимость получения абсолютного большинства избирателей для изменения политической программы и реформ (Goodman, 2014). Парламентарии избираются отдельно в каждом округе, при этом в стране традиционно доминируют две крупные партии, а следовательно, для принятия решений в парламенте необходимо ориентироваться преимущественно на мнение медианного избирателя. Такая конфигурация упирается, с одной стороны, в необходимость поиска неких унифицированных целей, а с другой — в замалчивание непопулярных проблем и идей. Лейбористы же во времена премьерства Блэра укрепились у власти вполне основательно: они доминировали в парламенте, ключевые фигуры не были озабочены необходимостью консолидировать вокруг себя электорат и в принципе практически ни одна сила не могла заблокировать их решения. Именно в этом контексте формировалось содержание программ реформ и именно это в немалой степени сказывалось на характере риторики, которая скорее была направлена на дискуссию вокруг терминологии и её содержания, нежели охватывала непосредственные инструменты реализации задумок на практике (Goodman, 2014). Основной задачей лейбористы видели отход от утилитаристского, так называемого «паспортного» понимания гражданства времён ещё М. Тэтчер, разработку нового видения того, что значит быть гражданином (Greenwood, Robins, 2002). Стоит также отметить, что советником министра внутренних дел тогда был Ник Пирс (Nick Pearce), долгое время возглавлявший Институт исследований публичной политики (Institute for Public Policy Research), think tank, близкий партии лейбористов и известный приверженностью левым взглядам. Поэтому уклон реформ происходил в сторону развития местных сообществ.

Суть новой стратегии интеграции основывалась на известной уже концепции «активного гражданства» (active citizenship), а именно — формировании совместной идентичности в общей политической общности в противовес любым попыткам насильственной ассимиляции в монокультуру большинства (McGhee, 2008). Начало процессу «интеграции в условиях многообразия» (integration with diversity) было положено в 2002 г. публикацией Home Office (2002) документа Secure Borders, Safe Haven White Paper («Безопасные границы, надёжное убежище»), смысл содержания которого заключался в формировании единых для общества консолидирующих базовых принципов существования. Уязвимое место подобной концепции в том, что политическое общество по определению разделено на различные группы, артикулирующие свои интересы и требования, тем самым какого-либо единства добиться практически невозможно. Такие

теоретики мультикультурализма, как Бхикху Парекх (Bhikhu Parekh) и Питер Кивисто (Peter Kivisto), утверждали, что различия можно свести к области частного (Parekh, 2000), при этом все возникающие конфликты будут вытеснены общей гражданской идентичностью (Kivisto, 2005). С этими утверждениями можно было бы согласиться, но практика показывает, что простые на первый взгляд вопросы, не выходящие изначально за рамки быта или отправления религиозного культа, со временем превращаются в оформившиеся политические требования, затрагивающие всё большие области прав.

Вдохновителем и теоретиком программы выступал Э. Гидденс, который также разрабатывал и концепцию «Третьего пути» — новой идеологии лейбористов. Его идея заключалась в том, что государство и правительство в публичном пространстве теряют связь с гражданским обществом, в том числе на местах. Следовательно, именно гражданское общество, а не государство должно создавать основу для укрепления гражданственности и открытого диалога в публичном пространстве (Giddens, 2000). Подобная точка зрения также предполагала, что гражданственность, построенная в форме активного участия, позволит обойти необходимость строгого определения национальной принадлежности (Home Office, 2004). Считалось, что активное гражданство будет способствовать диалогу между различными этническими и религиозными группами. Такое видение было полностью в русле политики мультикультурализма и популярных в то время теорий (Taylor, 2004). Поэтому ключом к построению гармоничного общества была выработка некоего комплекса базовых правил и ценностей, что в британском варианте представляло собой неизменную троицу: соблюдение законов, прилежная работа и уплата налогов, а также обязательное знание английского языка. Логика и связь этих трёх добродетелей с обществом и культурой были законодательно закреплены в Nationality, Immigration and Asylum Act 2002 (McGhee, 2005). К сожалению, практика показала, что одного английского языка для преодоления изоляции инокультурных меньшинств оказалось недостаточно. Не помогли и запущенные министром Бланкеттом консультационные стратегии и последовавшие за ними отчёты Комиссии по интеграции и общественным связям, сущность которых должна была отразиться в смысловом и практическом наполнении гражданского статуса, на отношении к нему людей (McGhee, 2008). Фактически в изоляции, внутри квазиавтономных этнических и религиозных коммун продолжилось культивирование порядков и моделей поведения, не имеющих ничего общего с культурной матрицей большинства. Более того, подобные условия позволили избежать необходимости совершенствовать знание английского (если вообще овладеть хотя бы базовыми понятиями) и даже закона не только иммигрантам, но и их потомкам, вне зависимости от того, обладают ли последние претензией на гражданство или нет.

Как бы там ни было, но формальные требования для жизни в британском обществе оставались весьма либеральными: человек должен соблюдать закон и знать

английский. Более того, до недавнего времени натурализация требовала проживания в стране всего лишь в течение 5 лет (3 лет для супругов), законом допускалось наличие двойного гражданства и само гражданство даровалось по праву рождения. Согласно трактовке Министерства внутренних дел Великобритании по состоянию на 2003 г., «быть британцем означает уважение к избранному парламенту и демократическим политическим структурам, традицию взаимной толерантности, уважение равных прав, равноправие и преданность государству (символизированному Короной) в обмен на её защиту. Быть британцем — значит уважать определённые институты, ценности, верования и традиции, которые нас всех объединяют, различные нации и культуры вместе в мире и законном порядке» (Home Office, 2003). Формат этого заявления есть во многом попытка представить наиболее широкую и нейтральную по смыслу трактовку, фактически низводя гражданство до набора нормативных правил, не давая конкретных направлений для развития ключевых интеграционных процессов. Правительство попало в своего рода «парадокс универсализма», когда возникает противоречие между необходимостью сделать иммигрантов и представителей меньшинств частью британской нации и неспособностью эту задачу выполнить на практике (Joppke, 2008).

Сложностью нового этапа было не только стремительно прогрессирующее присутствие иммигрантов в обществе, но и непростая социальная задача: в зависимости от региона происхождения иммигранты в среднем показывают различные успехи при интеграции. В частности, среди темнокожих африканцев, выходцев из Пакистана и Бангладеш в среднем наблюдается значительно больший процент бедных, нежели в среднем среди белых по стране (Home Office, 2004). Одновременно азиаты (в том числе индийцы), как правило, в среднем более успешны и их показатели достатка выше, чем среди белых. Что примечательно, с течением времени ситуация кардинально не изменилась. В качестве метода борьбы с подобными социальными проблемами используют позитивную дискриминацию, что, впрочем, вызывает раздражение местного населения. Более того, такой подход нарушает декларируемые основы гражданственности: равенство возможностей и равноправное участие. Получается, что титульная нация не имеет никаких преференций и гражданский статус чужакам дарует больше привилегий и прав, нежели местным. Противники поддержки меньшинств часто говорят о том, что бедность не распространяется исключительно по этническому и религиозному признаку, и не обязательно, что сугубо определённые группы сталкиваются в жизни с большими трудностями, нежели остальные. В результате такие программы, как Improving Opportunities («Новые возможности»), больше концентрируются на инструментах диалога и уверенности в доброй воле представителей меньшинств, считая, что, к примеру, достаточно обучить лидеров религиозных общин английскому языку и некоторым базовым правилам поведения, чтобы стала налаживаться эффективная интеграция (McGhee, 2008). К сожалению, такой подход остаётся крайне поверхностным, в том числе

в отношении онтологического базиса, представлений о морали и этике, а потому в практической плоскости не решает поставленных задач по интеграции.

Смысловой тупик и смена парадигмы института гражданства

Новый виток эволюции концепции гражданства в Великобритании начался после 2005 г., в частности, после взрывов в лондонском метро. При правительстве Т. Блэра (не без давления со стороны консерваторов) заговорили об «управлении миграцией» (managing migration), что в первую очередь сказалось на смысловом содержании законов, регулирующих данную сферу. Была принята пятилетняя стратегия «Controlling our borders: making migration work for Britain» (Контролируя границы: заставляем миграцию работать на Британию), которая ужесточила требования к знанию языка и образу жизни в Великобритании, в первую очередь для тех, кто прибывал в страну с целью воссоединения семьи. Однако наиболее значимым было то, что под давлением политической оппозиции и обстоятельств частично изменилась та роль в интеграции иммигрантов, которую выполнял до недавнего времени институт гражданства. Логичной является схема, когда иммигрант начинает свой путь к гражданской интеграции путём получения вида на жительство и только по прошествии проверки временем и государственными инстанциями на соответствие установленным нормам он может рассчитывать на искомый статус в качестве поощрения. Соединённое Королевство же изначально пошло «от противного», предоставляя сначала гражданство, а затем уже решая проблемы интеграции.

Через год после трагических событий был опубликован доклад Our Shared Future (Наше совместное будущее) (CIC, 2007), целью которого было найти способы противостоять исламскому терроризму, в том числе местного происхождения. Доклад был выстроен в классическом для мультикультурализма ключе, поскольку речь шла преимущественно о различных группах и о том, как им уживаться вместе. Однако в нём была и такая неортодоксальная для подобных докладов материя, как «будущее», которое так или иначе придётся разделять всем, кто хочет в стране жить. Другой вопрос, что опорами этого самого «будущего» были выбраны Европейский год межкультурного образования и Олимпийские игры 2012 г. (CIC, 2007). Более того, Т. Блэр продолжал риторику в универсалистских терминах, делая упор на «базовых ценностях», демократии, верховенстве закона, толерантности и равноправии. Его трактовка того, что значит «быть британцем»,— это комбинация «права на самоопределение» с «обязанностью интегрироваться» (Blair, 2006). Причём, если бывший премьер-министр говорил о праве представителей этнических и религиозных меньшинств на собственную идентичность, то одновременно, особенно посредством не связанных с правительством напрямую влиятельных научно-исследовательских центров (таких, как Runnymede Trust), велась дискуссия о недопустимости некоторых традиций и практик: насильственных браков, верховенстве

законов шариата и т.д. (Joppke, 2008). Тем не менее какой-либо политический партикуляризм в этих высказываниях отсутствовал, что не позволяло выделить «проект Великобритания» из общих универсалистских формул, характерных для либеральной демократической дискуссии.

В 2008 г. подверглась пересмотру связь гражданства и права на постоянное проживание посредством публикации документа Green Paper Path to Citizenship. Через год эти инициативы привели к принятию очередного закона (Parliament of the UK, 2009), который, к примеру, увеличил срок необходимого проживания для получения гражданства с 5 до 8 лет. Впрочем, ускорить процесс натурализации можно было путём соблюдения условий «активного гражданского участия», заключающихся в «служении обществу», «укреплении знания английского языка», «добросовестной работы и уплаты налогов», а также «подчинении закону» (Home Office, 2008). Одной из целей реформы было повысить уверенность граждан в иммиграционной политике (McGhee, 2009). В новой версии законодательства связь между гражданским статусом и иммиграционной политикой прослеживается намного сильнее, нежели это было в 2002 г. Гражданство отныне необходимо заработать (Home Office 2008). Одновременно право на неограниченное пребывание (permanent residency) как альтернатива гражданству было упразднено и на него отныне имеют возможность претендовать только выходцы из тех стран, законодательство которых не допускает обладания двойным гражданством. По словам Г. Брауна, реформа и «активное гражданство», безусловно, несут в себе источник дополнительных сложностей для иммигрантов, но позволят разделить тех, кто действительно хочет получить гражданство, и тех, кто желает проживать в стране лишь временно (Brown, 2008). Впрочем, едва ли такое ужесточение решает проблемы интеграции, тем более людей, которые уже проживают на территории страны.

Реформа иммиграционного законодательства была лишь первым шагом из многих по превращению инструментов включения в инструменты контроля. В течение последних нескольких лет тематика, связанная с иммиграцией, постепенно стала превращаться в одну из ключевых тем публичной политической дискуссии. По результатам опросов Ipsos MORI её считают одной из наиболее важных для будущего развития Великобритании проблем, наряду с экономикой и безработицей. В этом отношении сменившие в 2010 г. лейбористов консерваторы действуют как своего рода идейные антагонисты, делая упор в своей риторике на контроль за иммиграцией и снижение её численности, нежели на интеграцию. Тем не менее, не имея возможности вводить жёсткие запреты, особенно вследствие членства страны в ЕС, правительство консерваторов пошло по пути создания искусственных барьеров для приезжающих на ПМЖ в виде квот, требований к минимальной заработной плате, ограничений доступа к бесплатному здравоохранению и другим формам социальных пособий. Несмотря на то что эффективность этих мер в численном выражении оказалась невысокой,

партии удалось добиться имиджа борца с избыточной иммиграцией. Отчасти это было обусловлено необходимостью привлечь националистически ориентированный электорат, особенно на фоне всплеска популярности Британской Национальной Партии (BNP), эксплуатировавшей в том числе и чувство обеспокоенности граждан, связанное с массовым притоком иммигрантов.

Тем не менее усилиями консерваторов уже существующие механизмы ожидали концептуальные перемены. В 2013 г. реформа практики тестирования знания английского языка и жизни в Великобритании превратилась из набора бытовых инструкций в поверхностный экскурс в британскую историю (Goodman, 2014). Критика существовавшей при лейбористах системы тестов на гражданство вполне понятна: зачем обучать новых иммигрантов тому, как получать пособие и выбирать автобусный маршрут, когда им нужно внушить представление о ценностях и принципах жизни британской нации (Home Office, 2013). Однако такой подход ещё более осложнял интеграцию, тем более на фоне массовой отмены финансирования запущенных при лейбористах программ по образованию и интеграции наименее обеспеченных иммигрантов[2]. Более того, в настоящее время наблюдается резкое сокращение количества выданных британских паспортов (на 40% по сравнению с 2013 г. (Barrett, 2015)), увеличивавшееся при лейбористах, которые уделяли куда большее внимания именно гражданству, оставляя за скобками разрешение на постоянное место жительства (Permanent Leave to Remain). Вопреки заявленной «эволюции» в идейном плане «новые» консерваторы Д. Кэмерона мало чем отличаются от «старых» консерваторов М. Тэтчер. Так называемая «модернизация» партии во многом представляет собой метания между идеями социальной справедливости и неолиберализмом в лучших традициях Хайека (Hayton, McEnhill, 2015).

Попытки адаптировать язык национализма в стране, в которой, по мнению даже официальных лиц, критерием национальной принадлежности является «образ жизни», задача по меньшей мере противоречивая. В то же время в противовес мнению пророков глобализации можно вспомнить представление о нации как «воображаемом сообществе» Б. Андерсона (Benedict Anderson) — конструкте, имеющем в качестве границ укоренившиеся в сознании представления определённой группы людей (Anderson, 2006). Поэтому если в глобализирующейся реальности географические оковы ослабевают, то ценностные ориентиры очень жёстко привязаны к той местности, в которой обитает индивид в каждый конкретный момент. Так что сугубо нормативное понимание гражданства несёт в себе значительные риски, особенно на фоне любого ужесточения правил его получения. Достаточно проблематично объяснить, почему нужно отказываться от привычных воззрений и традиций ради права проживания в стране, которое не так-то сложно и оформить. Наблюдающееся смещение акцентов с прикладного на символический решает проблему только на бумаге: в Великобритании

[2] Данные получены из интервью автора с проф. J. Phillimore в мае 2015 г.

последовательно избегают насаждения каких-либо идей и вмешательства в то, что считается сферой личного. Как результат, институт гражданства, более не имеющий нацию в качестве источника своей легитимности, обретает новые смыслы в контексте пути на изоляцию и евроскептицизм. По мере того, как постепенно уходят носители старого порядка, недостатки сухих логических конструкций становятся всё более очевидны. При этом образуется ценностный вакуум, который даёт почву для возникновения онтологических противоречий, не решаемых в области простых, поверхностных, политкорректных инструментов. Если говорить о методах, то одной гражданской идентичности может быть попросту недостаточно без того, чтобы не претерпело изменений само содержание представлений о мире у обладателей различных идентичностей.

Библиографический список

1. Перегудов, С. П. (1996). *Тэтчер и тэтчеризм*. Москва: Наука.
2. Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: reflections on the origin and spread of nationalism* [Revised edition]. London: Verso.
3. Barrett, D. (2015, March 31). Sharp fall in number of foreigners winning British passports. *The Telegraph*.
4. Blair, T. (2006). Our nation's future — multiculturalism and integration [Speech]. Retrieved from: http://tna.europarchive.org/20070305112605/http:/www.pm.gov.uk/output/Page10563.asp
5. Brown, G. (2008). Speech on managed migration and earned citizenship [Speech]. Retrieved from: http://www.peterjepson.com/law/Citizen/PM's%20Citizenship%20speech.pdf
6. Commission on Integration and Cohesion (2007). Our Shared Future, final report of the Commission on Integration and Cohesion [Report]. Retrieved from: http://resources.cohesioninstitute.org.uk/Publications/Documents/Document/Default.aspx?recordId=18
7. Crick, Bernard, Advisory Group on Education for Citizenship and the Teaching of Democracy in Schools Qualifications and Curriculum Authority (QCA), corp. creators (1998). Education for citizenship and the teaching of democracy in schools. Final report. London: HM Printing Office. Retrieved from: http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/4385
8. *Examining the Politics of Recognition*. New Jersey: Princeton University Press.
9. Giddens, A. (2000). *The Third Way and its Critics*. Cambridge: Polity Press.
10. Glover, S. et al. (2000). Migration: An economic and social analysis [RDS Occassional Paper No 67]. Home Office. London 2000. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/publications/migration-an-economic-and-social-analysis-freedom-of-information-release
11. Goodman, S. W. (2014). *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. Cambridge University Press.
12. Greater London Authority. Diversity in London [Database]. Retrieved from: http://data.london.gov.uk/census/themes/diversity/
13. Greenwood, J. & Robins, L. (2002). Citizenship tests and education: Embedding a concept. *Parliamentary Affairs*, 55 (3), 505–522.

14. Griffith, P. & Halej, J. (2015). Trajectory and transience: Understanding and addressing the pressures of migration on communities. *Institute for Public Policy Research (IPPR)*. Retrieved from: http://www.ippr.org/publications/trajectory-and-transience-understanding-and-addressing-the-pressures-of-migration-on-communities
15. Hayton, R. & McEnhill, L. (2015). Cameron's Conservative Party, social liberalism and social justice. *British Politics,* 10 (2), 131–147. doi:10.1057/bp.2015.19
16. Home Office (2000). Migration: an economic and social analysis [Draft]. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/publications/migration-an-economic-and-social-analysis-freedom-of-information-release
17. Home Office (2001). Community Cohesion: A Report of the Independent Review Team (chaired by Ted Cantle) [Report] London: Home Office.
18. Home office (2002). Secure Borders, Safe Haven White Paper. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/publications/secure-borders-safe-haven-integration-with-diversity-in-modern-britain
19. Home Office (2003). The new and the old: The report of the 'Life in the United Kingdom' Advisory Group 2003. Retrieved from: https://ec.europa.eu/migrant-integration/index.cfm?action=furl.go&go=/librarydoc/the-new-and-the-old-the-report-of-the-life-in-the-uk-advisory-group
20. Home Office (2004). Strength in diversity: towards a community cohesion and race equality strategy. Home Office Communication Directorate. Retrieved from: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20060213232710/http://www.homeoffice.gov.uk/documents/cons-strength-in-diverse-170904/
21. Home Office (2008). The path to citizenship. Next steps in reforming the immigration system [Border and Immigration Agency] Retrieved from: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20100303145830/http:/www.ukba.homeoffice.gov.uk/sitecontent/documents/aboutus/consultations/pathtocitizenship/
22. Home Office (2013). New Life in the UK test goes live [News article] Retrieved from: https://www.gov.uk/government/news/new-life-in-the-uk-test-goes-live-2
23. House of Commons (1990). Encouraging citizenship. London: HM Printing Office.
24. Ipsos MORI. The Most Important Issues Facing Britain Today [Database]. Retrieved from: https://www.ipsos-mori.com/researchspecialisms/socialresearch/specareas/politics/trends.aspx#issues
25. Joppke, C. (2005). *Selecting by Origin: Ethnic migration in the liberal state*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
26. Joppke, C. (2008). Immigration and the identity of citizenship: the paradox of universalism. *Citizenship Studies*, 12 (6), 533–546. doi:10.1080/13621020802450445
27. Kivisto, P. (2005). The revival of assimilation in historical perspective, in P. Kivisto (ed.) *Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age* (pp. 3–32). Boulder and London: Paradigm Publishers.
28. Krausova, A. & Vargas-Silva, C. (2013a). London: Census profile [Briefing]. *The Migration Observatory*. Retrieved from: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/london-census-profile
29. Krausova, A. & Vargas-Silva, C. (2013b). West Midlands: Census profile [Briefing]. *The Migration Observatory*. Retrieved from: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/west-midlands-census-profile

30. Kymlicka, W. (1995). *Multicultural citizenship*. Oxford: Clarendon Press.
31. Laborde, C. (2002). From constitutional to civic patriotism. *British Journal of Political Science*, 32 (04), 591–612. doi:10.1017/S0007123402000248
32. McGhee, D. (2005). *Intolerant Britain: Hate, Citizenship and Difference*. Berkshire: Open University Press and McGraw-Hill.
33. McGhee, D. (2008). *The End of Multiculturalism? Terrorism, Integration and Human Rights* [1st Edition]. Open University Press.
34. McGhee, D. (2009). The paths to citizenship: a critical examination of immigration policy in Britain since 2001. *Patterns of Prejudice*, 43 (1), 41–64. doi:10.1080/00313220802636064
35. Osler, A. & Starkey, H. (2004). Citizenship education and cultural diversity in France and England. In: J. Demaine, ed. *Citizenship and political education today* (pp. 1–23). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
36. Parekh, B. (2000). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Cultural Theory*. Basingstoke: Palgrave.
37. Parliament of the United Kingdom (1948). British Nationality Act 1948. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11–12/56/contents
38. Parliament of the United Kingdom (1981). British Nationality Act 1981. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/contents
39. Parliament of the United Kingdom (2002). Nationality, Immigration and Asylum Act 2002. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/41/contents
40. Parliament of the United Kingdom (2009). Borders, Citizenship and Immigration Act 2009. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/11/contents
41. Rienzo, C. & Vargas-Silva, C. (2014). Migrants in the UK: An overview [Briefing]. *The Migration Observatory*. Retrieved from: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/migrants-uk-labour-market-overview
42. Schierup, C. U., Hansen, P. & Castles, S. (2006). *Migration, Citizenship, and the European Welfare State: A European Dilemma (European Societies)* [1st Edition]. Oxford University Press.
43. Soysal, Y. (1994). *Limits of citizenship*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
44. Taylor, C. (2004). The politics of recognition, in A. Gutman (ed.) *Multiculturalism*:
45. Vertovec, C. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1054. doi:10.1080/01419870701599465

Статья поступила в редакцию 20.11.2015.

……..

UK: THE CRISIS IN THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS CITIZENSHIP

Vovkodav P. A.

Vovkodav Pavel Alexandrovich, Primakov Institute of World Economy and International relations, Russian Academy of Sciences. 117997, Russia, Moscow, str. Profsoyuznaya, 23. E-mail: pvovkodav@gmail.com.

This article covers the issue of evolution of citizenship in the United Kingdom as well as its role in social and political structure of British society. It also shows the importance of under-

standing why re-establishing of the very notion of citizenship is crucial for successful development of the country. Moreover, citizenship depreciates as a source of individual rights due to an extremely diverse mixture of ethnic, cultural and religious identities. The British case allows to assess how and why citizenship status has acquired a solely normative, legal meaning. The latter seriously complicate usage of citizenship as a foundation that serves to consolidate society. The discourse has been seriously affected by views of J. Rawls, A. Giddens and J. Habermas whose works modeled views on relationship between host society and immigrated minorities. Further development of their universalistic approach lead social and political discussion nearly to a dead end, and seriously limited a chance to successfully adopt a solid integration strategy. At the same time, the analysis shows why political parties and government organizations could not accommodate new points of view on immigration and integration of immigrants policies within last three decades. The study demonstrates how contemporary issues of British identity become a matter of entirely practical policies that shape multicultural society. This kind of evaluation can improve not only our understanding of current state of the society, but also allows to see its future perspectives.

Key words: Britain, citizenship, multiculturalism, liberalism, integration of immigrants policy, immigration policy, identity, political parties, immigration laws.

References

1. Peregudov, S. P. (1996) *Tetcher i tetcherizm* [Thatcher and Thatcherism]. Moscow: Nauka.
2. Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: reflections on the origin and spread of nationalism* [Revised edition]. London: Verso.
3. Barrett, D. (2015, March 31). Sharp fall in number of foreigners winning British passports. *The Telegraph*.
4. Blair, T. (2006). *Our nation's future — multiculturalism and integration* [Speech]. Retrieved from: http://tna.europarchive.org/20070305112605/http:/www.pm.gov.uk/output/Page10563.asp
5. Brown, G. (2008). *Speech on managed migration and earned citizenship* [Speech]. Retrieved from: http://www.peterjepson.com/law/Citizen/PM's%20Citizenship%20speech.pdf
6. Commission on Integration and Cohesion. (2007). *Our Shared Future, final report of the Commission on Integration and Cohesion* [Report]. Retrieved from: http://resources.cohesioninstitute.org.uk/Publications/Documents/Document/Default.aspx?recordId=18
7. Crick, Bernard, Advisory Group on Education for Citizenship and the Teaching of Democracy in Schools Qualifications and Curriculum Authority (QCA), corp creators. (1998). Education for citizenship and the teaching of democracy in schools. Final report. London: HM Printing Office. Retrieved from: http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/4385
8. *Examining the Politics of Recognition*. New Jersey: Princeton University Press. pp. 25–75.
9. Giddens, A. (2000). *The Third Way and its Critics*. Cambridge: Polity Press.
10. Glover. S., et al. (2000). *Migration: An economic and social analysis* [RDS Occassional Paper № 67]. Home Office. London. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/publications/migration-an-economic-and-social-analysis-freedom-of-information-release
11. Goodman, S. W. (2014). *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. Cambridge University Press.
12. Greater London Authority. Diversity in London [Database]. Retrieved from: http://data.london.gov.uk/census/themes/diversity/

13. Greenwood, J. & Robins, L. (2002) Citizenship tests and education: Embedding a concept. *Parliamentary Affairs*, 55 (3), 505–522.
14. Griffith, P. & Halej, J. (2015). Trajectory and transience: Understanding and addressing the pressures of migration on communities. *Institute for Public Policy Research (IPPR)*. Retrieved from: http://www.ippr.org/publications/trajectory-and-transience-understanding-and-addressing-the-pressures-of-migration-on-communities
15. Hayton, R. & McEnhill, L. (2015). Cameron's Conservative Party, social liberalism and social justice. *British Politics*, 10 (2), 131–147. doi:10.1057/bp.2015.19
16. Home Office (2000). Migration: an economic and social analysis [Draft]. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/publications/migration-an-economic-and-social-analysis-freedom-of-information-release
17. Home Office (2001). Community Cohesion: A Report of the Independent Review Team (chaired by Ted Cantle) [Report] London: Home Office
18. Home office (2002). Secure Borders, Safe Haven White Paper. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/publications/secure-borders-safe-haven-integration-with-diversity-in-modern-britain
19. Home Office (2003). The new and the old: The report of the 'Life in the United Kingdom' Advisory Group 2003. Retrieved from: https://ec.europa.eu/migrant-integration/index.cfm?action=furl.go&go=/librarydoc/the-new-and-the-old-the-report-of-the-life-in-the-uk-advisory-group
20. Home Office (2004). Strength in diversity: towards a community cohesion and race equality strategy. Home Office Communication Directorate. Retrieved from: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20060213232710/http://www.homeoffice.gov.uk/documents/cons-strength-in-diverse-170904/
21. Home Office (2008). The path to citizenship. Next steps in reforming the immigration system [Border and Immigration Agency] Retrieved from: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20100303145830/http:/www.ukba.homeoffice.gov.uk/sitecontent/documents/aboutus/consultations/pathtocitizenship/
22. Home Office (2013). New Life in the UK test goes live [News article] Retrieved from: https://www.gov.uk/government/news/new-life-in-the-uk-test-goes-live-2
23. House of Commons (1990). Encouraging citizenship. London: HM Printing Office.
24. Ipsos MORI. The Most Important Issues Facing Britain Today [Database] Retrieved from: https://www.ipsos-mori.com/researchspecialisms/socialresearch/specareas/politics/trends.aspx#issues
25. Joppke, C. (2005). *Selecting by Origin: Ethnic migration in the liberal state*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
26. Joppke, C. (2008). Immigration and the identity of citizenship: the paradox of universalism. *Citizenship Studies*, 12 (6), 533–546. doi:10.1080/13621020802450445
27. Kivisto, P. (2005) The revival of assimilation in historical perspective, in P. Kivisto (ed.) *Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age* (pp. 3–32). Boulder and London: Paradigm Publishers.
28. Krausova, A. & Vargas-Silva, C. (2013a). London: Census profile [Briefing]. *The Migration Observatory*. Retrieved from: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/london-census-profile

29. Krausova A. & Vargas-Silva C. (2013b). West Midlands: Census profile [Briefing]. *The Migration Observatory*. Retrieved from: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/west-midlands-census-profile
30. Kymlicka, W. (1995). *Multicultural citizenship*. Oxford: Clarendon Press.
31. Laborde, C. (2002). From constitutional to civic patriotism. *British Journal of Political Science*, 32 (04), 591–612. doi:10.1017/S0007123402000248
32. McGhee, D. (2005). *Intolerant Britain: Hate, Citizenship and Difference*. Berkshire: Open University Press and McGraw-Hill.
33. McGhee, D. (2008). *The End of Multiculturalism? Terrorism, Integration and Human Rights* [1st Edition]. Open University Press
34. McGhee, D. (2009). The paths to citizenship: a critical examination of immigration policy in Britain since 2001. *Patterns of Prejudice*. Volume 43 (Issue 1). 2009 pp 41–64 doi:10.1080/00313220802636064
35. Osler, A., Starkey, H. (2004). Citizenship education and cultural diversity in France and England. In: J. Demaine, ed. Citizenship and political education today. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. pp 1–23
36. Parekh, B. (2000). Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Cultural Theory. Basingstoke: Palgrave
37. Parliament of the United Kingdom (1948). British Nationality Act 1948. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11–12/56/contents
38. Parliament of the United Kingdom (1981). British Nationality Act 1981. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/contents
39. Parliament of the United Kingdom (2002). Nationality, Immigration and Asylum Act 2002. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/41/contents
40. Parliament of the United Kingdom (2009). Borders, Citizenship and Immigration Act 2009. Retrieved from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/11/contents
41. Rienzo, C. & Vargas-Silva, C. (2014). Migrants in the UK: An overview. [Briefing] *The Migration Observatory*. Retrieved from: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/migrants-uk-labour-market-overview
42. Schierup, C. U., Hansen, P. & Castles, S. (2006). *Migration, Citizenship, and the European Welfare State: A European Dilemma (European Societies)* [1st Edition]. Oxford University Press.
43. Soysal, Y. (1994). *Limits of citizenship*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
44. Taylor, C. (2004). The politics of recognition, in A. Gutman (ed.) *Multiculturalism*:
45. Vertovec C. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1054. doi:10.1080/01419870701599465

ТРЕХУРОВНЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ М. ФУКО

Русаков С. С.

Русаков Сергей Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, 193060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1–3, 7-й подъезд. Эл. почта: arias456@mail.ru

В статье анализируются ключевые проблемы, связанные с концепцией политической власти М. Фуко. Основной тезис статьи состоит в том, что М. Фуко в своем творчестве очерчивает черты трехуровневой системы управления, к которой прибегает политическая власть. Эти три уровня управления, или, в целом, власти, появлялись в различные исторические периоды и накладывались друг на друга, параллельно развиваясь в большой комплекс стратегий власти. В эпоху становления государства-нации это была суверенная власть, в период расцвета Нового времени особенно развивалась дисциплинарная власть, а для современного западного общества и государственного управления характерна биовласть. Эти три типа управления в своем взаимодействии и формируют тот комплекс управления людей, которую Фуко обозначал как «концепцию правительственности». Особенно подчеркивается, что каждый из этих типов власти всегда обладал и неким теоретическим фундаментом, который непосредственно влияет на ее дальнейшее развитие. Основным источником для оформления этой трехуровневой системы является курс лекций «Нужно защищать общество», однако отдельные концепты для того или иного типа власти можно обнаружить в других исследованиях Мишеля Фуко. В целом эту трехуровневую систему власти можно использовать как методологию для исследования властных отношений в современном мире, особенно в тех случаях, когда традиционные концепции власти могут не обнаружить регулятивные функции власти, характерные для биовласти, или дисциплинарные механизмы, которые не характерно анализировать в рамках традиционного подхода к власти.

Ключевые слова: власть, суверен, дисциплинарная власть, биовласть, государство, нормализация.

Курс лекций Мишеля Фуко под названием «Нужно защищать общество» (Фуко, 2005) интересен с точки зрения подхода к анализу власти. В ходе своего исследования Фуко очерчивает в ходе своего исследования три типа власти, которые он располагает в хронологическом порядке, однако не отвергает их активного взаимодействия. В этом исследовании Мишель Фуко выделяет три основных исторических типа политической власти, которые присущи западному миру — это суверенная власть, дисциплинирующая власть и биовласть.

Идея совмещения всех трех уровней анализа власти встречается у современных последователей М. Фуко не часто и, как правило, исключает один из уровней анализа власти. К примеру, Вильям Богард в своем анализе связывает

дисциплинарную власть и устрашение, последнее, впрочем, можно в каком-то смысле отнести к технологиям суверенного типа власти (Bogard, 1991). Боб Джессоп считает, что термины суверенная власть, дисциплинарная власть и «правительственность» в работах Фуко отражают три исторические формы государства, что является спорным утверждением (Jessop, 2007). Отличительной чертой многих западных исследователей, которые используют методологию Фуко, является применение его концептов как готовых, т.е. как они есть, без попытки теоретического их переосмысления или реконструкции для анализа более частых случаев. К примеру, Аннукка Ваинио и Риикка Палониеми (Vainio, Paloniemi, 2012), а также Георг Винкель (Winkel, 2012) используют дискурс как социальную практику для анализа власти, опуская остальные элементы концепции власти Фуко. Эдриан. Г. Бейли использует термин биополитика и включает ее в общий арсенал техник «правительственности», но не использует суверенную или дисциплинарную власть для анализа социального маркетинга (Bailey, 2013). Такой же подход демонстрирует и Пол Кросхоу для анализа проблем миграции в Европе (Crawshaw, 2012). Крупнейшим критиком и ревизором концепции биополитики является Джорджо Агамбен, однако он пересматривает терминологию Фуко и его концепт биополитики приобретает совсем другие черты (Agamben, 1995).

Отечественные исследователи также анализируют политическую власть М. Фуко, однако, как правило, анализ ограничивается лишь представлениями французского философа о государстве, а также игнорируется концепт биовласти. Можно отметить работу Н. В. Лизиной, которая подчеркивает, что в истории власти у Фуко существуют три формы организации государства — справедливое государство, территориально-административное, или полицейское, государство и государство управленческое (Лизина, 2011). О. В. Кильдюшов проводит детальный анализ концепта «полицейского государства», но в своем анализе не использует суверенную власть и биовласть (Кильдюшов, 2014). А. С. Макарычев упоминает суверенную и дисциплинарную власть как два режима функционирования власти, в то время как биополитика — метод для разграничения двух граней феномена суверенной власти (Макарычев, 2010). Крупнейший отечественный исследователь постмодернизма и французской философии И. П. Ильин уделяет внимание суверенной и дисциплинарной власти и полностью игнорирует биовласть как концепт (Ильин, 1996).

Таким образом, в этих и других работах, в которых используется фукодианская методология, отсутствует объединение всех тех подходов к уровням, или типам, власти, которые французский ученый четко очерчивает в своих исследованиях. Особенность данной статьи состоит в том, что автор пытается объединить три типа власти, которые, согласно Фуко, в исторической ретроспективе накладывались друг на друга и встраивались в институт государства и взаимодействовали с ним.

По мнению Фуко, суверенная власть ведет начало от Средневековья и появилась в Европе благодаря возрождению идеи римского права, а также вследствие формирования идеи монарха и монархии в целом. В первую очередь она держалась на теории суверенитета, которая развивалась как в политическом, так и в юридическом дискурсе. Второй точкой опоры этой власти является право, формирование которой взял на себя философско-юридический дискурс. Таким образом, такой тип власти держится на власти суверена через контроль людских ресурсов и использует при этом законодательство и государственную систему права. Суверенитет и право являются основаниями этой власти. При этом, по мнению М. Фуко, неважно, о каком суверенитете идет речь — как теория общественного договора (Гоббс, 1991), так и теория «народного суверенитета» Ж.— Ж. Руссо (Руссо, 1998) в равной мере удовлетворяли власть. Фуко подчеркивает, что само создание понятия суверенитет оказалось ловушкой как для теоретиков, которые пытались осмыслить это понятие, так и для тех, кому было бы выгодно от нее избавиться. Это объясняется тем, что само понятие суверенитет и любой способ функционирования власти в рамках этой концепции мог быть описан только как отношение между сувереном и лицом зависимым (т.е. субъектом и объектом). Это видно на примере того, как посредством образования теории суверенитета, сознательно или бессознательно, ставились и достигались совершенно разные задачи. Авторы идеи монархии и форм их обоснования, католические монархисты и протестантские антимонархисты, которые использовали теории суверенитета для ограничения или укрепления королевской власти, сторонники идеи цареубийства и смены династий, аристократы, парламентарии, феодалы, Руссо и другие авторы альтернативных моделей парламентской демократии — все использовали теорию суверенитета как оружие в политической борьбе.

Основные методы осуществления суверенной власти Фуко описывает в своей знаменитой книге «Надзирать и наказывать» (Фуко, 1999). Публичные казни с применением пыток, общественные работы на публике — иными словами — театральность наказания, а значит, и демонстрации власти, окончательно уходят к концу XIX в. Публичную пытку или казнь следует понимать не только как чисто судебный, но и как политический ритуал. Если нарушение закона или порядка — это микроподрыв власти суверена, то казнь является возмездием за этот подрыв и ее восстановление. Сама по себе жестокость, которая проявляется при подобных мероприятиях,— некое обязательное свойство этой церемонии, посредством которой власть показывает себя. Однако наказание со временем становится более скрытным действием, которое осуществляет правосудие. При работе суверенной власти наказание является примером для других, оно выражено в формуле «насилие за насилие», ведь пытка или длительная и болезненная казнь являются таким же насилием, которое не поддерживает, а скорее, наоборот, уничтожает престиж всей судебной системы от фигуры судьи — до фигуры палача. Вслед за различными методами наказания, которые вызывали

боль, последовали методы лишения или исключения. Лишения имущества, жилья, прав на свободу передвижения, исключения и гонения — все это также механизмы наказания, присущие суверенному типу власти. С течением времени снижалась театральность этой власти, а ее административно-правовая составляющая усиливалась. Важно отметить, что М. Фуко настаивает на том, что власть должна рассматриваться не только как репрессивная политическая технология, но и как политическая технология, которая производит новые отношения и знания — именно когда отмечает переход власти в сферу дисциплины. Говоря же о власти суверенной, М. Фуко в целом согласен с мыслью, что она как раз может быть названа репрессивной и подавляющей, однако была такой недолго в силу снижения своей эффективности по ходу истории (Фуко, 2005).

Дисциплинарная власть, как говорит французский исследователь, стала главным инструментом капитализма и индустриального общества и, появившись в XVII–XVIII вв., была крайне удачным изобретением буржуазии того времени. Безусловно, поскольку институт государства продолжал функционировать, суверенитет и право также продолжали использоваться, однако их основная функция изменилась. Теперь политико-юридическая власть главным образом стала прикрывать и в некоторой мере оправдывать дисциплинарную власть. Таким образом, суверенная власть стала лишь обтекать, прикрывать и маскировать реальную и действующую власть, которая была более эффективной и использовала своим главным методом дисциплину.

Дисциплинарная власть должна была полностью заменить собой власть прошедшей эпохи — эпохи монархии. Механизмы дисциплинарной власти качественно отличались от суверенной власти. Суверенная власть позволяла основать абсолютную власть, которая требует больших издержек, интенсивное использование различных символов власти, ее демонстрации. В то же время дисциплинарная власть предполагала иной метод — минимальные издержки при максимальной эффективности, которой можно достигнуть путем выработки правил, норм, распределений времени, регистрации, постоянного наблюдения при отсутствии контроля и т.д. Если механика власти, которую задавала теория суверенитета, исходила скорее из контроля над землей и ее ресурсами, то дисциплинарная власть работает в другом направлении, а именно — работает с людьми и их деятельностью, или, в целом, со временем и трудом. Такая технология власти также позволила бы полностью уйти за рамки теории суверенитета от юридического дискурса. Однако, как отмечает М. Фуко, этого не случилось, поскольку, несмотря на кажущееся противоречие этих двух типов власти (основанных на теории суверенитета и дисциплины соответственно), юридический аппарат мог помочь «спрятать» дисциплинарные методы, спрятать их за буквой закона, скрывая при этом получение максимальной эффективности управления (Фуко, 2005). Теория суверенитета должна была уйти на второй план, но, со

временем став «лицевой стороной» власти, глубоко интегрировалась и сплелась с дисциплиной.

Несколько слов об исторической детерминации появления новой технологии власти.

Во-первых, суверенная власть была направлена скорее на человека (т.е. на объект) как на нечто, что приносит доход (через налоги в казну) или как на некую функцию (служение в армии, служение при дворе, работа, осуществляемая человеком и т.д.). Однако усиление буржуазии, укрепление капитализма, перенос центра влияния, как денежного, так и политического, с королевского двора на капиталистическую фабрику привели к тому, что человека стали рассматривать как нечто, что дает постоянный, стабильный доход, прибыль и, что самое главное, возможность эффективно воспроизводить население. К примеру, усиление и одобрение института семьи в XVIII в.— через использование юридического механизма, но с помощью дисциплинарных методов означало, что буржуазия нуждалась в большом количестве нормальных (а нормализацию можно было провести только в рамках дисциплинарной власти) семей, которые гарантированно работают, гарантированно потребляют, а значит, приносят прибыль и гарантированно дают потомство.

Во-вторых, сыграло роль и увеличение населения. Суверенная власть, как уже было сказано, использовала очень дорогостоящую систему контроля (сборщики налогов, большая иерархическая система вассалов) и наказания (содержание армии, городской стражи, палачей и т.д.). Затратными были и издержки на символическое поддержание власти, будь то пышные парады или пиры, как символ щедрости монарха, или демонстративные казни с множеством символических признаков (одну из таких Фуко описывает в начале книги «Надзирать и наказывать»). Было невозможным оставлять эту систему без изменений при увеличивающемся народонаселении. Дисциплинарная технология власти предлагала гораздо более эффективную систему контроля (концепт Паноптикума) и менее затратную, и в то же время более скрытую, систему наказаний, что было выгодно в первую очередь государству и сторонникам монархической власти.

Такой ход истории власти или, иными словами, такая эволюция власти, безусловно, произошла из-за защиты интересов определенных слоев населения — а именно аристократии и приближенных к монаршей власти людей. Именно они, все больше теряя влияние в европейском обществе XVII–XVIII вв., почувствовали острую нужду в реорганизации механизмов суверенной власти — теории суверенитета и политико-юридического дискурса. С теоретической точки зрения, это привело к тому, что и дисциплинарная власть оказалась втянута в рамки теории суверенитета, что в свою очередь сохранило бинарность позиций субъект–объект. Это позволяет утверждать, что дисциплинарная власть, как и суверенная, осталась такой же модернистской, а радикальные изменения,

которые могли произойти с теорией власти или анализом политической власти в XVIII в., так и не осуществились.

Фуко вводит в свою концепцию власти понятие «паноптикум». Этот концепт он изобретает благодаря вдохновению от прочтения одноименного произведения И. Бентама. В своем интервью французский философ утверждает, что, изучая устройство тюрем и эволюцию строения тюрем, он столкнулся с тем, что на И. Бентама ссылаются все сочинения, написанные на эту тему. Главное в идее паноптикума у И. Бентама заключается в правилах и принципах построения тюрем, которые описывает Фуко: «Правило таково: по краю расположено кругообразное здание, в середине этого круга находится башня, в башне же проделаны широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю разбито на камеры, каждая из которых проходит сквозь всю толщу здания. У этих камер по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. Тогда и оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осуждённого, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Короче говоря, так мы переворачиваем правило темницы, ибо оказывается, что полная освещённость и взгляд надзирателя стерегут лучше, чем тьма, которая в конце-то концов укрывает» (Фуко, 2006).

Биовласть является третьим типом власти, о которой французский философ упоминал в своих исследованиях. В ходе своего внедрения в европейскую жизнь во второй половине XVIII в. биовласть не исключает ни тех механизмов, которые работали в эпоху монархии, т.е. теорию суверенитета и политико-юридический дискурс, ни механику дисциплинарной власти, которую она скорее модифицирует. Биовласть не только в хронологическом смысле стала третьей стадией эволюции власти внутри западной цивилизации, но и третьим и самым глобальным уровнем управления людьми. Ее основное отличие, которое и придает ей глобальность, заключается в следующем.

Если суверенная власть направлена на объект-тело, человека, который исполняет функцию, то дисциплинарная власть направлена на объект-тело, но как на человека, который должен был быть нормальным (т.е. принадлежать к совокупности нормальных людей) и исполнять функции. Биовласть в свою очередь концентрируется на объекте-множественности, т.е. не на теле, а на массе, или, как говорит Фуко, «обращена к человеку как к живому существу, человеку-роду» (Фуко, 2005). Биовласть не подвергает человека техникам надзора, использования, дрессировки, наказания, как это делает дисциплинарная власть. Биовласть озабочена другим уровнем работы, а именно — биологическим процессом жизни, таким, как рождение, смерть, воспроизводство, болезнь и др.

Таким образом, новый тип власти не делает акцент на управлении индивидом через систему дисциплинирования, а регулирует процессы, связанные с большими скоплениями живых существ — людей.

Отсюда происходит и смена фокусировки и механики власти. Биополитика, т.е. политика, осуществляемая по методам биовласти, по мнению Фуко, вмешивается в большую совокупность как универсальных, так и случайных феноменов и регулирует их таким образом, чтобы управление оказалось наименее затратным и наиболее эффективным. Во-первых, вырабатываются приемы контроля за рождаемостью и разрабатываются схемы вмешательства в глобальные процессы рождаемости, медицинский контроль, установление общественной гигиены, сбор информации о болезнях и их централизация и т.д. Во-вторых, происходит обращение к проблемам заболеваний — если ранее эпидемии рассматривались как нечто смертоносное и непреодолимое, то теперь это рассматривается как эндемия — нечто совершенно естественное, что можно изучать, устранять, регулировать, заниматься профилактикой и т.д. Сам феномен смерти стал рассматриваться не как обрушение жизни, а как нечто, что постоянно подтачивает жизнь, медленно ее разрушает. Появляются все более гуманные меры по сохранение человеческого рода — обеспечение старости и помощь инвалидам, сокращение рабочего дня, компенсации за увечья или несчастные случаи, страхование, система накоплений и т.д. К наиболее важным задачам относятся сбор статистики, глобальные измерения, предсказания и изменения процессов, воздействие на процессы, которые могут принести ущерб. То есть теперь власть преобразует не индивида, а те процессы, которые воздействуют на индивида. Фуко называет такой тип управления регулятивным. Все это говорит о том, что биовласть создает гораздо более тонкие, изощренные и в то же время гораздо более широкомасштабные методы по изменению самого управления людьми в западной цивилизации.

Таким образом, суверенная власть работала с индивидом, подписавшим контракт (передача суверенитета), дисциплинарная власть — с телом человека, а биовласть — с социальным телом, т.е. с населением. Биовласть занимается политическими и экономическими проблемами, исходя из биологических потребностей этого социального тела. При этом биовласть не только разрешает конкретные проблемы, но и взаимодействует со случайными событиями (катастрофы, эпидемии и т.д.). Более того, она работает на самом глобальном уровне в пространственном и временном смысле — с масштабными и продолжительными феноменами.

Говоря о новизне такой власти, Фуко утверждает, что на смену суверенной власти, которая «позволяла жить и заставляла умереть», пришла биовласть, которая «позволяла умереть, но заставляла жить» (Фуко, 2005). Схожее сопоставление можно сделать и с дисциплинарной властью. Дисциплина концен-

Вид власти/ Признаки	Дата появления	Объект власти	Основание власти	Концентрация	Методы	Отношение к знанию
Суверенная власть	XVI–XVII вв.	Человек-функция	Теория суверенитета	Государство, законы	Право, символы, демонстративные наказания, исключение, прямой контроль и наблюдение	Негативна, использует практики исключения
Дисциплинарная власть	XVII–XVIII вв.	Человек-тело	Необходимость изучать, исследовать, собирать статистику	Тюрьмы, школы, казармы, больницы, метрополитен	Дрессировка, скрытые наказания, косвенное наблюдение и контроль	Позитивна, использует практики включения
Био-власть	Вторая половина XVIII в.	Жизненные процессы	Масштабные и случайные события, глобализация	Нормы	Регуляция процессов	Позитивна, использует практики включения

трируется на теле, заставляя его сделаться более послушным и полезным, в то время как объектом биовласти являются жизнь, жизненные процессы.

Поскольку М. Фуко считает, что эти различные типы власти до сих пор существуют в современных обществах (Фуко, 2005), можно резюмировать, что *современная политическая власть является комплексной стратегией, которая включает в себя три уровня и применяет главным образом дисциплинирующие и регулирующие механизмы*. Фуко подтверждает эту мысль, акцентируя свое внимание на причинах появления дисциплинарной и биовласти. Дело в том, что суверенная власть и ее механика не справлялись или справлялись с недостаточной эффективностью с контролем населения. Как было сказано ранее, именно индустриализация и демографический бум послужили толчком к разработке и скорейшему внедрению новых типов власти. Суверенная власть имела слишком неповоротливый механизм, чтобы контролировать индивида, и была слишком неэффективной для работы на глобальном уровне. Дисциплинарная и биовласть решила эти вопросы соответственно. В таблице, представленной автором, продемонстрированы общие характеристики каждой власти.

У новых типов власти есть и еще одно существенное отличие. В своем курсе лекций «Ненормальные» Фуко, возвращаясь к технологиям власти в их исторической перспективе, предлагает разделение власти на позитивную и негативную (Фуко, 2004). Французский исследователь указывает на то, что в Средние века основным механизмом борьбы с болезнями и эпидемиями, в частности с проказой, было исключение (изгнание, дисквалификация, маргинализации). Практика исключения была вполне естественной для Средних веков, так как методы исключения использовались именно для тех явлений, которые были непонятными и необъяснимыми. Неведенье ведет к исключению какого-либо явления из социальной жизни, никаких попыток изучить явление не производилось. Отчасти такие методы используются и сейчас в отношении преступников, сумасшедших, больных и т.д. Однако ближе к XVIII в., когда количество других маргиналов — преступников, бедняков, бродяг, распутников — разрослось до таких пределов, что продолжать практику исключения стало больше невозможным, на смену ей пришла практика включения. В XVIII в. по отношению к больным лепрой стала использоваться практика включения. Фуко приводит такой пример: «Город в состоянии чумы… подразделялся на округа, округа делились на кварталы, в кварталах разграничивались улицы, и на каждой улице назначались наблюдатели, в каждом квартале — инспекторы, в каждом округе — окружные управляющие; городом же руководил специально назначенный комендант и эшевены, наделявшиеся на время эпидемии дополнительной властью. Итак, эта территория анализируется во всем, вплоть до ее мельчайших элементов, после чего на ней, таким образом изученной, организуется непрерывная власть… Начиная с часовых, дежуривших у дверей крайних на улице домов, минуя квартальных и заканчивая ответственными за округа и город, вам предстает величественная пирамида власти, никаких пропусков в которой не допускалось. Причем непрерывность этой власти относится не только к ее иерархической пирамиде, но и к ее исполнению, поскольку надзор должен был осуществляться без перерыва… Все полученные наблюдения неукоснительно регистрировались: перепроверив, их заносили в специальные книги учета… Все сведения, собранные в ходе этой процедуры — повторявшегося дважды в день обхода, своеобразного смотра, парада живых и мертвых под командованием инспектора,— все эти сведения, занесенные в список, затем сличались с общей книгой, которую эшевены хранили в центральной администрации город» (Фуко, 2004).

Таким образом, произошло разделение власти на негативную и позитивную. Реакция на проказу — это негативная реакция, реакция отторжения, исключения и т.п. Реакция на чуму позитивна, это реакция включения, наблюдения, накопления знаний, умножения властных эффектов исходя из накопленных наблюдений и знаний. Негативная власть постепенно отходила на второй план, уступив место власти позитивной, поскольку последняя сама по себе производит знания, которые в дальнейшем власть может использовать.

Общество, которое управляется в рамках этих трех уровней, можно назвать обществом нормализации. Фуко вводит понятие «норма», которое, по его мнению, применялось для одних и тех же целей, как на уровне дисциплины, так и на уровне биовласти (Фуко, 2004).

Французский философ, ссылаясь на книгу Ж. Кангилема «Нормальное и патологическое», выделяет несколько ключевых аспектов нормализации для феномена власти. Во-первых, зарождение феномена нормализации можно отметить в XVIII в., что совпадает с примерным появлением дисциплинарной власти и ослаблением власти суверенной. Нормализация начала активно внедряться в социальную, производственную, военную, образовательную и политическую сферы. Нормализация ярко выражена в военных уставах, стандартизации школ, вакцинации или других методах стандартных медицинских процедур и т.д. Во-вторых, понятие норма определяется отнюдь не так, как естественный закон, т.е. не имеет никакой метафизики. Ее основные функции — требование и принуждение, которые распространяются на определенные области. Поэтому, как говорит Фуко, «норма является носителем некоторой властной претензии. Норма — это не просто и даже вовсе не принцип интеллигибельности, это элемент, исходя из которого обосновывается и узаконивается некоторое исполнение власти» (Фуко, 2004). В-третьих, норма всегда подразумевает одновременную работу принципа квалификации и принципа коррекции. Основной функцией нормы, если говорить о позитивной или негативной сторонах власти, не является исключение или отторжение, что, тем не менее, было бы характерно для суверенной власти. Напротив, нормализация постоянно работает только в позитивном ключе, методом включения и преобразования. Норма не исключает участия, к примеру, индивида в каком-либо социальном процессе, она его дрессирует, подготавливает, адаптирует. Тем не менее это делается исключительно с позиции власти и осуществляется рядом определенных социальных и политических институтов.

Подводя итог, можно сказать, что хоть эти три типа власти и появлялись в разные исторические периоды, они, накладываясь друг на друга, стали составлять единый и разросшийся комплекс различных стратегий власти для управления людьми. При этом степень участия государства в управлении людьми всегда снижалась, или, точнее говоря, власть государства стала перетекать в руки других общественных институтов, которые в той или иной мере являются подотчетными государству. Эти три уровня власти, которые М. Фуко описал в своих исследованиях, но не концептуализировал до конца, представляют собой концепцию «правительственности». Такая логика развития государственной власти и ее механики отчасти делает беспочвенными утверждения, что институт государства, особенно в XXI в., ослабевает. Государство как субъект власти не ослабел, а делегировал свою власть, сделал некое «переливание» части своей власти в другие институты, чтобы снять нагрузку с себя. Трехуровневая концепция власти М. Фуко дает возможность по-новому анализировать современную

политическую власть или властные отношения в целом, однако, несмотря на это, требует значительной проработки и детализации для включения в анализ влияния современных технологий, развития знания и полномасштабных политических изменениях.

Библиографический список

1. Гоббс, Т. (1991). *Левиафан*. Москва: Мысль.
2. Ильин, И. П. (1996). *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм*. Москва: Интрада.
3. Кильдюшов, О. В. (2014). Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения. *Социологическое обозрение*, 13 (3), 9–32.
4. Лизина, Н. В. (2011). Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко. *Известия Алтайского государственного университета*, 2 (2), 206–209.
5. Макарычев, А. С. (2010). Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6 (4), 22–53.
6. Руссо, Ж.–Ж. (1998). *Об общественном договоре*. Москва: «КАНОН-пресс».
7. Фуко, М. (2005). *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
8. Фуко, М. (2004). *Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
9. Фуко, М. (2006). Око власти. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью* (с. 220–249). Москва: Праксис.
10. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: «Ad Marginem».
11. Agamben, G. (1995). *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press.
12. Bogard, W. (1991). Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. *The Social Science Journal*, 28 (3), 325–346.
13. Winkel, G. (2012). Foucault in the forests — A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. *Forest Policy and Economics*, 16, 81–92.
14. Crawshaw, P. (2012). Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. *Social Science and Medicine*, 75, 200–207.
15. Bailey, A. J. (2013). Migration. recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. *Geoforum*, 44, 202–210.
16. Jessop, B. (2007). From micro-powers to govenmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. *Political Geography*, 26, 34–40.
17. Vainio, A. & Paloniemi, R. (2012). Forest owners and power: A Foucualdian study on Finnish forest policy. *Forest Policy and Economics*, 21, 118–125.

Статья поступила в редакцию 17.11.2015

THREE-LEVEL CONCEPTION OF POLITICAL POWER OF M. FOUCAULT

Rusakov S. S.

Rusakov Sergey Sergeevich, Saint Petersburg State University, 193060, Russia, St. Petersburg, ul. Smolny d.1–3, 7th entrance. E-mail: arias456@mail.ru

This article is devoted to the key problems, concerning the concept of political power, designed by Michel Foucault. The main idea is that Foucault in his work outlined some features of three-level system of govenmentality, that is inherent in political power. However, all these levels of governmentality or, in general, levels of power, have appeared in different historical periods and have been imposed on each other and, in parallel with this, have created a huge complex of power strategies. In the epoch of establishment of state-nation was a sovereign power, at the top of the modern period it was disciplinary power that had its advanced development, but for nowadays western society and state government biopolitics more inherent. These 3 types of controlling of people in their cooperation formulate the foucauldian concept of so-called "govenmentality". It is emphasized that all three types of power have some theoretical foundation that directly influences its further development. The most important source for creating of this three-level system of power is the course of lectures "Society must be defended", but still separated concepts can be found in some other researches of Michel Foucault. In general, this three-level system of understanding of power can be applied as methodology for power relations researches in modern world, particularly in the cases when traditional concepts of power are not able to find regulative functions of power, that are very typical for biopolitics, or disciplinary mechanisms, that are not peculiar to traditional approach in analysis of power.

Key words: power, sovereign, disciplinary power, biopower, state, normalization

References

1. Hobbes, T. (1991). *Leviafan* [Leviathan]. Moscow: Mysl.
2. Ilyin, I. P. (1996). *Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism*. [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada.
3. Kildushov, O. V. (2014). Michel Foucault kak issledovatel policeiskogo gosudarstva: programma, evristicheskie problemy, perspectivy izuchenya [Michel Foucault as researcher of "police state": program, heuristic problems, perspectives of research]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 13 (3), 9–32.
4. Lizina, N. V. (2011). Praktiki vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotah M. Fuko [Power Practice as Managerial Relations in the Works of M. Foucault]. *Izvestiya Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Periodicals of Altaian State University], 2 (2), 206–209.
5. Makarychev, A. S. (2010). Suverenitet, vlast' i politicheskaya sub"ektnost': dve linii kriticheskoj teorii [Sovereignty, Power, and Political Subjectivity: Two Ways of Reasoning within Critical Theories]. *Politicheskaya ehkspertiza: POLITEHKS* [Political Expertise: POLITEX], 6 (4), 22–53.
6. Russo, ZH.–ZH. (1998). Ob obshchestvennom dogovore [About social contract]. Moscow: "KANON-press".
7. Fuko, M. (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society Must Be Defended: course of lectures given in College de France in 1975–1976]. Saint-Petersburg: Nauka.

8. Fuko, M. (2004). *Nenormal'nye: Kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal: course of lectures given in College de France in 1974–1975]. Saint-Petersburg: Nauka.
9. Fuko, M. (2006). Oko vlasti [The eye of the power]. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Featured political articles, speeches and interviews] (p. 220–249). Moscow: Praksis.
10. Fuko, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: "Ad Marginem".
11. Agamben, G. (1995). *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life.* Stanford: Stanford University Press.
12. Bogard, W. (1991). Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. *The Social Science Journal*, 28 (3), 325–346.
13. Winkel, G. (2012). Foucault in the forests — A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. *Forest Policy and Economics*, 16, 81–92.
14. Crawshaw, P. (2012). Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. *Social Science and Medicine*, 75, 200–207.
15. Bailey, A. J. (2013). Migration. recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. *Geoforum*, 44, 202–210.
16. Jessop, B. (2007). From micro-powers to govenmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. *Political Geography*, 26, 34–40.
17. Vainio, A. & Paloniemi, R. (2012). Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. F*orest Policy and Economics*, 21, 118–125.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ИНДИИ И КИТАЯ В НЕПАЛЕ

Харина О. А.

Харина Ольга Александровна, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76. Эл. почта: olaishra@mail.ru.

Статья представляет собой теоретический анализ действий двух наращивающих свою мощь государств — Индии и Китая. За основу берутся основные постулаты, характерные для школы неореализма, а конкретным примером расширения зоны влияния выступает Непал. Фактор конкурентного взаимодействия двух государств вокруг Непала выбран предметом исследования не случайно. Непал является воплощением малого и слабого государства, которое зажато между двумя мощными соседями и вынуждено выступать полем борьбы в их сфере интересов. В работе исследуются причины активизации двух крупных государств в Непале и в регионе в целом. Отдельного внимания заслуживает специфика геополитического и экономического положения Непала, которое отражает значение государства как объекта противоборства. Недавняя трагедия в стране — землетрясение 2015 г.— стала ярким примером дипломатической игры и выстраивания качественно новых отношений между Непалом и Китаем и Непалом и Индией. Особенный акцент делается на проблеме распределения природных ресурсов, в частности, нехватке пресной воды в регионе и развитии гидроэнергетического комплекса в Непале, что влияет на развертывание Индией и Китаем конкурирующих проектов по освоению ресурсов в стране. Анализ различных событий и реакция на них со стороны Индии и Китая позволяет проследить как развитие отношений между Индией и Китаем, так и изменения в регионе в целом. Немаловажное значение имеет и политика «мягкой силы», которая позволяет конкурентам продвигать интересы без военного давления, но отражает реальное противоборство интересов.

Ключевые слова: баланс сил, конфликтные отношения, борьба за влияние, Южная Азия, Непал.

В регионе Южная Азия формируется определенный баланс сил, характеризующийся как конфликтом интересов — формой международных отношений согласно основным положениям классической теории реализма (Aron, 1984), так и построением альянсов, суть которых сводится к постулатам теории баланса угроз в рамках школы неореализма (Walt, 1986).

Так, система, в которой имеет место индо-пакистанская враждебность, выражающаяся в виде неурегулированных споров, позволила активизироваться китайско-пакистанской дружбе. Исходя из географической точки зрения, национальные интересы конкурирующих региональных держав Китая, Пакистана и Индии с пересекающимися притязаниями и целями в регионе, создали сложный комплекс взаимодействий. Если брать в основу объяснения данной прак-

тики теорию баланса угроз, то можно понять, почему Пакистан вот уже долгие годы налаживает союзнические отношения с Китаем — чтобы противостоять угрозе своего соседа — Индии. В этом случае для Пакистана Китай — наименее опасная сторона, способная уравновесить баланс сил в регионе.

Рассматривая поведение других государств региона, можно сказать, что сценарий «последования» за предполагаемым агрессором, упомянутый в работе «Истоки альянсов» (1986) Стивена М. Уолта (Walt, 1986), чтобы, в первую очередь, не стать жертвой, характеризует именно в этом русле поведение большинства соседей Индии. Малые государства с мощными соседями, как правило, оказываются в такой ситуации: они не являются достаточно сильными, чтобы защитить себя, и они, возможно, не могут привлечь иные силы для баланса. Конфликт может происходить как непосредственно между конкурирующими гегемонами, так и между их союзниками. Это приводит к изменениям в соотношении сил, что в свою очередь включает механизм действия в зависимости от ситуации. Поэтому Китай и Индия стремятся продемонстрировать распространение своего влияния, чтобы мир понимал, что они державы с растущими экономическими ресурсами. Китай наращивает расходы и активно развивает экономические связи в регионе, что является особенно важным политическим сигналом для Индии.

В данной работе подробнее будет рассматриваться ситуация вокруг Непала. Своеобразие геополитического положения данного государства заключается в том, что он зажат между двумя соседями-гигантами — Индией и Китаем и не имеет доступа к морским ресурсам. На протяжении сотен лет Непал являлся так называемым «буферным государством» между Китаем и Индией. В непосредственной территориальной близости от Непала находятся спорные между Китаем и Индией районы Демчок, Чумар, Каурик, Шипки Пасс, Джадх, Лапфал и Южный Тибет, управляющийся Индией, но оспаривающийся Китаем.

Важным вопросом и слабым местом для обоих государств является безопасность, а для Китая Непал можно назвать южными воротами в Тибет. С 1996 по 2006 г. Непал переживал тяжелые времена и смену власти. После окончания гражданской войны и упразднения монархии в стране сменилось несколько правительств. Нынешнее правительство Непала открыто к сотрудничеству с близкой по политическому духу КНР, однако мир в государстве слишком хрупок, чтобы Китаю рассчитывать на полную стабильность и безопасность у своих границ.

События весны 2015 г.— серьезное по масштабам землетрясение, унесшее, по данным Правительства Непала, жизни почти 9 тыс. человек и причинившее ущерб в 5 млрд. дол., что является 25% ВВП государства, также стали борьбой за интересы и влияние в пострадавшем Непале (Incident Report of Earthquake, 2015). Данный природный фактор повлиял на соперничество между растущими азиатскими державами и усилил волну предложений по ликвидации последствий.

Индия как традиционно лидирующая сила в регионе практически сразу же после первых толчков землетрясения приступила к продолжительной операции «Маитри». Она стала первым государством, направившим 13 воздушных судов в зону катастрофы, более 500 спасателей, гуманитарную помощь и необходимое оборудование для поиска раненых и погибших (Over 43K Indians Evacuated from Quake-hit Nepal So Far, 2015). Кроме того, правительство Индии заявило, что готово дополнительно выделить 1 млрд. дол. для восстановления Непала после землетрясения, что указывает на активные действия государства в борьбе за сферу влияния (Anderson, 2015).

Китай, быстро наращивающий свою мощь, используя как культурные инструменты (например, бесплатные курсы китайского языка в Непале, открытие образовательных центров, внедрение стипендий от правительства Китая), так и финансовые (инвестиции в инфраструктуру и туризм), не мог не отреагировать на события в Непале. Вслед за Индией Китай направил 62 спасателя, почти 200 военных, несколько самолетов и гуманитарную помощь местным жителям (Nepal thanks China for helping in earthquake recovery, 2015). В ходе спасательной операции в Непале гуманитарная миссия Народно-освободительной Армии Китая стала самой масштабной (Insurance in Asia: Narrow-minded, 2015).

Кроме того, Пакистан, компенсирующий дисбаланс сил в регионе наращиванием внутренних ресурсов, формированием внешних альянсов и активно использующий взаимовыгодную «дружбу» с Китаем, также проявил неравнодушие к катастрофе в Непале и оправил гуманитарную, воздушную и наземную помощь.

Щедрость, проявленная Индией, Китаем и Пакистаном, образующими некий «треугольник» взаимодействия, где имеют место конфликтные отношения, следует рассматривать в ином срезе. Он представляет собой развертывание политического влияния. Непал, с одной стороны, является хотя и одной из самых бедных стран в своем регионе, но, с другой стороны, также «карманом регионального значения» для мощных соседей, борющихся за влияние. Обе страны пытаются создать и поддержать хороший имидж в Непале, а протягивание руки помощи государству, когда оно находится в тяжелом положении, очень важно для расширения присутствия в стране.

Так, опираясь на постулаты неореалистической теории, можно сказать, что Южная Азия представляет собой региональную систему, которой свойственна индо-китайская конкуренция. В ней Непал выбирает курс для баланса с одним из лидеров, который предоставит ему возможности и выгоду для дальнейшего развития, поскольку он не имеет собственных ресурсов для баланса. Однако вероятен и другой сценарий развития ситуации — поглощение гегемоном, т.е. положение, при котором гегемон ставит собственные условия, в том числе и при помощи так называемой «мягкой силы», лишая возможности малое государство делать выбор.

Традиционное положение дел в Непале непосредственно связано с религиозными, культурными, политическими и экономическими связями с Индией. Около 3 млн. непальцев работают и живут в Индии. Индия предоставила Непалу право на транзитную торговлю через свою территорию с освобождением от уплаты таможенных пошлин. Столь благосклонное отношение Индии к Непалу связано с исторически сложившимися предпосылками, которые позволили государству по праву проводить политику добрососедства с одновременным усилением своего влияния (Лунев, 1993). Однако налаживание более тесных связей с Китаем — противовесом Индии в регионе — и заявление правительства Непала, что государство не потерпит никакой антикитайской политической активности тибетцев в Непале, постепенно меняет направление вектора только в сторону Индии (Why China's influence on Nepal worries India, 2013).

Для Китая Непал является частью проекта «Новый шелковый путь», целью которого будет построение «интеграционного моста» между Азией и Европой. Китай стал крупнейшим иностранным инвестором и импортером в Непале в 2014 г. После землетрясения 2015 г. именно Китай первым взял на себя инициативу восстановить инфраструктуру в стране.

Кроме распространения экономического влияния, Китай имеет очевидную политическую цель: удерживание тибетцев, проживающих в соседних странах, от разжигания беспорядков в поддержку независимости Тибета через оказание влияния на правительства государств (Under China's Shadow. Mistreatment of Tibetans in Nepal, 2014). Хотя Непал не имеет никакой политической заинтересованности в Тибете, он неизбежно вовлечен в конфликт между тибетцами и китайским правительством и, таким образом, не может оставаться в стороне. Непал стал домом более чем для 20 тысяч беженцев из Тибета и принимал их в течение многих десятилетий, но попал под давление со стороны Китая.

Индия также имеет проблемы, связанные с обеспечением собственной безопасности, в частности, Индию волнует вопрос радикальных исламистов, которые могут использовать нестабильность в Непале и проникнуть в Индию. Власти Индии надеются убедить коллег в Непале заключить договор об экстрадиции радикалов и сдерживании боевиков, ищущих убежище в Непале (Miglani, Sharma, 2015).

Подобное положение дел и своеобразная борьба за влияние в одной из беднейших стран мира являются следствием применения на практике основных постулатов, характерных для школы неореализма. В то же время Непал пытается балансировать в отношениях с гигантскими конкурентами, пользуясь преимуществами стратегического положения. Так, с одной стороны, правительство Непала заключило сделку с крупной индийской транспортной компанией GMR (Grandhi Mallikarjuna Rao), позволяющую ей строить плотину в верховьях реки Карнали. С другой стороны, Китай финансирует возведение пяти контрольно-пропускных пунктов на границе в районе Гималаев, завершил

строительство дороги в центральной части Непала, а также обещает продлить железнодорожные пути сообщения как внутри государства, так и между Китаем и Непалом (Anderson, 2015). Таким образом, в сфере энергетических проектов преимущество имеет Индия, но она проигрывает Китаю в объеме инвестиций и товарооборота.

Важно немного подробнее остановиться на теме энергетики и водных ресурсов, которая имеет непосредственное отношение к конкурентному взаимодействию Китая и Индии. Оба государства имеют значительно возрастающую потребность в природных ресурсах. Речь идет не только о базовых энергоносителях — спрос на воду больше, чем на любой другой ресурс. Китай и Индия пытаются обеспечить себе доступ к источникам воды в Гималаях и конкурировать в строительных проектах в Непале. Сегодня идет борьба за доступ к реке Брахмапутра — одной из главных рек в Азии. Пока в международном праве нет четко прописанных правил и действий в отношении использования воды, и вероятность соглашения по координации проектов в Гималаях крайне мала.

Непал имеет огромные возможности для развития гидроэлектроэнергии. Потенциально он может поставлять электроэнергию как для внутреннего, так и для регионального потребления (Nepal, Hydropower and Geopolitics: Balancing Interests in the Tibetan Plateau, 2014). В настоящее время в Непале используется менее одного процента гидроэнергетического потенциала. Ряд исследований показывают, что суммарная мощность гидроэнергетического комплекса в стране составляет 43000 мегаватт (МВт). Максимальный внутренний спрос по прогнозам составляет 7000 МВт на ближайшие 25 лет, что создает значительный потенциал для экспорта гидроэнергии (India bids to reassert influence in Nepal with power pact, 2014). И Китай, и Индия выразили заинтересованность в энергетическом секторе Непала, так как они в равной степени страдают от дефицита энергии. Им нужно увеличить импорт энергии, по крайней мере в качестве временной меры, пока их собственные проекты не способны подстроиться под растущий спрос. Самое главное, Китай и Индия в состоянии предоставить капитал, необходимый для проектов в Непале. Индия намерена предложить Непалу проект договора, который может ему помочь развить его огромный гидроэнергетический потенциал. С помощью Индии Непал может превзойти своего соседа — Королевство Бутан — в производстве энергии. Однако предложение Индии, в сущности, носит монополистский характер и исключает наличие конкурентов в гидроэнергетических проектах в Непале, что лишает государство самостоятельности в принятии решений по использованию собственных водных ресурсов. Так, южноазиатский гигант делает еще один шаг, чтобы вновь утвердить свое влияние среди небольших соседей, где свои планы имеет и Китай.

Таким образом, Южную Азию в целом можно назвать «переходным регионом»: в нем проявляют активность и борются за влияние государства-лидеры

(Индия и Китай), в динамических процессах участвуют негосударственные акторы и делается акцент на новом уровне взаимодействия, где каждый из участников защищает собственные интересы, а экономический фактор влияет на экономические связи, которые формируются в зависимости от выгоды общения с наращивающими мощь государствами. Возможность формирования дальнейших претензий на роль лидера со стороны Индии беспокоит сильных игроков на мировой арене. Индия делает ставку на партнерство с соседями в качестве расширения зоны своего влияния, что не так просто в рамках конкурентных отношений с Китаем. Если опираться на понятие «циклы гегемонии», упоминающееся Р. Гилпином (Gilpin, 1981), рассматривать экономический фактор и изменчивость происходящих в мире процессов, то нынешнее региональное соперничество, возможно, перерастет в будущее глобальное противостояние между Китаем и Индией.

Важно отметить, что роль Непала как государства-объекта в политической борьбе за сферы влияния Индии и Китая будет расти. Учитывая стратегию соседства, провозглашенную властями Индии, которой она активно пользуется в сочетании с акцентом на экономическое развитие, отношения Индии и Непала, вероятно, получат новый импульс, особенно в экономической сфере.

Сегодня позиция Непала сводится к поиску выгоды от сотрудничества с тем или иным гигантом. Конкурентные отношения Индии и Китая будут создавать возможности для развития гидроэнергетического комплекса в Непале. Однако если Непал и далее останется нестабильным и внутренне уязвимым государством, которое будет не в состоянии противостоять иностранному вмешательству и выбрать самостоятельный курс, то он попадет в зависимость от одного из сильных соседей.

Библиографический список

1. Лунев, С. И. (1993). *Дипломатия в Южной Азии*: монография. М.: Наука.
2. Anderson, A. (2015). Economics of Influence: China and India in South Asia. *The Council on Foreign Relations*. Retrieved from http://www.cfr.org/economics/economics-influence-china-india-south-asia/p36862
3. Aron, R. (1984). *Paix et Guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy.
4. Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: University Press.
5. Incident Report of Earthquake 2015 — Nepal Disaster Risk Reduction Portal (2015, May 28). Retrieved from http://drrportal.gov.np
6. India bids to reassert influence in Nepal with power pact (2014, July 24). Retrieved from http://www.eco-business.com/news/india-bids-reassert-influence-nepal-power-pact/
7. Insurance in Asia: Narrow-minded (2015, June 13). Retrieved from http://www.economist.com/news/leaders/21654056-asia-can-do-more-protect-itself-risk-natural-catastrophes-narrow-minded

8. Sanjeev, M. & Gopal, Sh. (2015). India bids to reassert influence in Nepal with power pact. *Business Insider*. Retrieved from http://www.businessinsider.com/r-india-bids-to-reassert-influence-in-nepal-with-power-pact-2014–23
9. Nepal, Hydropower and Geopolitics: Balancing Interests in the Tibetan Plateau (2014, December 4). Retrieved from http://www.futuredirections.org.au/publications/food-and-water-crises/2057-nepal-hydropower-and-geopolitics-balancing-interests-in-the-tibetan-plateau.html
10. Nepal thanks China for helping in earthquake recovery (2015, May 13). Retrieved from http://www.scmp.com/news/asia/article/1794748/nepal-thanks-china-helpingin-earthquake-recovery
11. Over 43K Indians Evacuated from Quake-hit Nepal So Far (2015, April 30). Retrieved from http://www.newindianexpress.com/nation/Over-43K-Indians-Evacuated-from-Quake-hit-Nepal-So-Far/2015/04/30/article2790403.ece1
12. Under China's Shadow. Mistreatment of Tibetans in Nepal — Human Rights Watch Report (2014, April 1). Retrieved from https://www.hrw.org/report/2014/04/01/under-chinas-shadow/mistreatment-tibetans-nepal
13. Walt, S. M. (1986). *The Origins of Alliances*. New York: Cornell University Press.
14. Why China's influence on Nepal worries India (2013, May 8). Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-asia-22365488

Статья поступила в редакцию 20.09.2015.

……..

THE CONFLICT OF INTERESTS OF INDIA AND CHINA IN NEPAL

Kharina O. A.

Kharina Olga Alexandrovna, Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Russia, Moscow, av. Vernadskogo, 76. E-mail: olaishra@mail.ru.

The article is the theoretical analysis of the practical actions of two increasing the power states — India and China. The basic tenets of structural realism are taken as the basis, and the situation in Nepal is a specific example of their struggle for influence. Nepal is the epitome of a small and weak state which is sandwiched between two powerful neighbors and forced to act as a field of struggle for their influence. This paper investigates the causes of the behavior of two major states as well as the specific geopolitical and economic plight of Nepal. The recent tragedy — the earthquake in 2015 — in the state was a striking example of the diplomatic game and building a qualitatively new relationship between Nepal and China and Nepal and India. In this context the topic of the struggle for natural resources has a special place. It concerns pure drinking water and related with it hydroelectric complex. In this context it affects the deployment of India and China competing projects to develop resources in the country. The analysis of different factors allows making a prediction of the development in relations between India and China and helps to assume what kind of conversion will take place in the region as a whole. The policy of "soft power" is equally important because it allows competitors to promote their interests without military pressure, but reflects the real confrontation of interests.

Keywords: Balance of power, conflict relations, a struggle for influence, South Asia, Nepal

References

1. Lounev, S.I. (1993). *Diplomacy in South Asia*. Moscow: Nauka.
2. Anderson, A. (2015). Economics of Influence: China and India in South Asia. *The Council on Foreign Relations*. Retrieved from http://www.cfr.org/economics/economics-influence-china-india-south-asia/p36862
3. Aron, R. (1984). *Paix et Guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy.
4. Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: University Press.
5. Incident Report of Earthquake 2015 — Nepal Disaster Risk Reduction Portal (2015, May 28). Retrieved from http://drrportal.gov.np
6. India bids to reassert influence in Nepal with power pact (2014, July 24). Retrieved from http://www.eco-business.com/news/india-bids-reassert-influence-nepal-power-pact/
7. Insurance in Asia: Narrow-minded (2015, June 13). Retrieved from http://www.economist.com/news/leaders/21654056-asia-can-do-more-protect-itself-risk-natural-catastrophes-narrow-minded
8. Sanjeev, M. & Gopal, Sh. (2015). India bids to reassert influence in Nepal with power pact. *Business Insider*. Retrieved from http://www.businessinsider.com/r-india-bids-to-reassert-influence-in-nepal-with-power-pact-2014–23
9. Nepal, Hydropower and Geopolitics: Balancing Interests in the Tibetan Plateau (2014, December 4). Retrieved from http://www.futuredirections.org.au/publications/food-and-water-crises/2057-nepal-hydropower-and-geopolitics-balancing-interests-in-the-tibetan-plateau.html
10. Nepal thanks China for helping in earthquake recovery (2015, May 13). Retrieved from http://www.scmp.com/news/asia/article/1794748/nepal-thanks-china-helpingin-earthquake-recovery
11. Over 43K Indians Evacuated from Quake-hit Nepal So Far (2015, April 30). Retrieved from http://www.newindianexpress.com/nation/Over-43K-Indians-Evacuated-from-Quake-hit-Nepal-So-Far/2015/04/30/article2790403.ece1
12. Under China's Shadow. Mistreatment of Tibetans in Nepal — Human Rights Watch Report (2014, April 1). Retrieved from https://www.hrw.org/report/2014/04/01/under-chinas-shadow/mistreatment-tibetans-nepal
13. Walt, S. M. (1986). *The Origins of Alliances*. New York: Cornell University Press.
14. Why China's influence on Nepal worries India (2013, May 8). Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-asia-22365488

НАШИ АВТОРЫ

Вовкодав Павел Александрович, аспирант, Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Знаков Виктор Владимирович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия.

Иншаков Вадим Вадимович, студент 4 курса по направлению подготовки «Социология», Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия.

Мелехин Алексей Игоревич, аспирант Института психологии РАН, Москва, Россия.

Оркени Антал, доктор наук (социология), профессор, факультет социальных наук, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.

Пересёлкова Зинаида Юрьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии науки и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия.

Русаков Сергей Сергеевич, аспирант кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Секельи Мария, доктор наук (социология), профессор факультета социальных наук, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.

Сергиенко Елена Алексеевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия.

Харина Ольга Александровна, аспирант кафедры востоковедения Московского государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Москва, Россия.

Харламенкова Наталья Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института психологии РАН, Москва, Россия.

OUR AUTHORS

Inshakov Vadim Vadimovich, 4th year Student in the Direction of Preparation "Sociology" Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Kharina Olga Alexandrovna, Graduate Student of Chair of Oriental Studies Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Kharlamenkova Natalya Evgenyevna, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Melehin Aleksey Igorevich, Graduate Student Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Örkény Antal, Dr. Sci. (sociology), Eötvös Loránd University Budapest, Faculty of Social Sciences, Professor of Sociology, Budapest, Hungary.

Pereselkova Zinaida Yurevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer in Philosophy of Science and Sociology Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Rusakov Sergey Sergeevich, Graduate Student of Chair of the Theory and Philosophy of Politics Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Sergienko Elena Alekseevna, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Székelyi Mária, Dr. Sci. (sociology), Eötvös Loránd University Budapest, Faculty of Social Sciences, Professor of Sociology, Budapest, Hungary.

Vovkodav Pavel Alexandrovich, Graduate Student, Center for Comparative Socio-Economic and Socio-Political Studies Primakov Institute of World Economy and International relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Znakov Viktor Vladimirovich, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) …
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции…
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пеппербер, Функ, 1990) показывают, что…
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) …
- Walker (2000) compared reaction times…
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that…

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) … — *первое цит., затем*: (Бабаева и др., 2008) …
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) … — *первое цит., затем*: (Harder et al., 1992) …

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждению сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) …
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) …

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: *автора*, *редактора* (если он есть), *год издания*, *название и информацию о публикации*; и при наличии, *DOI* (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите *название* на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите *редактора* на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи** перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «p.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, *123*, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, *2* (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], *2* (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, *42* (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга, 20* (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], *20* (871), cc. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, *30* (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, *4* (2): 43-50. Retrieved from http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, *40* (8). Retrieved from http://www.apa.org/monitor/

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from http://www.latimes.com
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologitcheskyi podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), Encyclopedia of play in today's society. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from http://eric.ed.gov

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity.* (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствие с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор. ……

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.